

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПЕСНЬ СЛАВЯНСТВА

Юрий ЛОЩИЦ
Люди Славянского возрождения4

Протоиерей Драгомир САНДРО
Красота как понятие и основа
образования и воспитания111

ПОЭЗИЯ

Ирина ДУБРОВСКАЯ
Хроники сопротивления17

Владимир МОЛЧАНОВ
«Жизнь не проходит на земле бесследно...» 33

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ
Ковчег завещанного чуда64

Анатолий ГРЕБНЕВ
Всекрестьянский холокост77

Татьяна ШУВАЛОВА
В молитве пестую Любовь...83

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ
«Там, где дремлет страна, что зовётся Россией...» 96

Юрий ЯХОНТОВ
В тишине раздумий120

Наталья ПОНОМАРЧУК
«Без расставания нет встречи...»152

Анна АВЕРЬЯНОВА
Слова на губах застывают, к кому-то опазд-
вая171

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(12) 2014

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 26.06.14.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 4012.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2014
© Авторы, 2014

📖 ПРОЗА

- Роман **МИХЕЕНКОВ**
Поцелуй от первого лица.....57
- Сергей **КОБЕЛЕВ**
Сказка о принце-вороне.....70
- Борис **КАТКОВСКИЙ**
Серьёзное дело.....81
- Андрей **РАСТВОРЦЕВ**
Горностаи.....126
- Евгения **ДОРОГОВА**
Барский суп156
- Иван **КАТКОВ**
Бесстыдник.....180
Визит.....182
Жрецы смерти. Рассказ провинциала.....185

📖 ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

- Анатолий **УВАРОВ**
В пути.....88
- Василий **КУЗНЕЦОВ**
Из Йеменского цикла168

🎭 ДРАМА

- Сергей **ЧЕРНЫШЁВ**
Детство Прохора.....133
Сказ о святых Петре и Февронии
Муромских.....142

📖 ПАМЯТЬ

- Валентина **БЕРЕЗОВСКАЯ-КОВУСОВА**
«Ждите с победой...»163
- Сергей **БУРЕНКО**
Былое.....174

📖 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Любовь **РЫЖКОВА**
«Хочу я с небом помириться...».....187

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Сегодняшний мир переживает глубинные, роковые, во многом непредсказуемые изменения. Рушатся традиционные представления о Добре и Зле, рвутся казавшиеся нерушимыми исторические связи, рассыпаются мифы и идеологемы; в то же время формируются новые стереотипы, из тьмы общественного бессознательного рождаются новые иллюзии, движущие народными массами. Всё чаще приходится слышать, что «мир сошёл с ума». И всё же, несмотря на все безумства, творящиеся сегодня, вряд ли это так. Вероятнее то, что в мире происходит очередной закономерный этап онтологического обновления, к которому обыденное человеческое сознание не успевает адаптироваться. Всё, как и в прежние времена, так или иначе, возвратится «на круги своя», но мир после этого будет уже совсем другим. Изменить это невозможно, следует принять это достойно...

Происходящее на Украине коренным образом изменило содержание русского вопроса. Тезис о триединстве русского суперэтноса оказался поколебленным. Сознание русского человека с трудом воспринимает это даже и сегодня, после всех злодейств украинской хунты и боевиков «правого сектора». В результате антирусского, антинародного переворота оказалось уничтожено братство, оплаченное совместным подвигом русского и украинского народов в годы Великой Отечественной войны и совместным героическим трудом в ходе советского государственного строительства. Навсегда ли? При любом дальнейшем развитии событий – забудет ли русский народ кровавые дела «правосеков» и «нацгвардейцев», палаческую антирусскую риторику одиозных украинских «политиков»? Несмываемое пятно разрушителей славянского братства навеки лежит на совести амбициозных и жестоких авантюристов, окунувших народ Украины в кровавое безумие «майдана»...

В этих непростых условиях журнал «Великороссъ» всегда стоял и продолжает стоять на позициях славянского братства и русского единства. Ждём новых талантливых авторов, творцов и единомышленников.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Люди Славянского возрождения

I

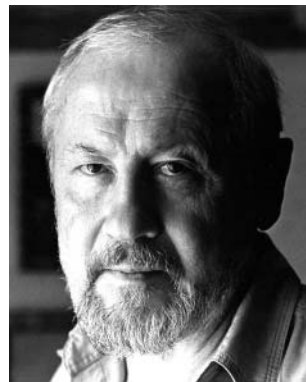
В последнем десятилетии девятнадцатого века на старом немощно дрожащем пароходике путешествовал по Днепру русский писатель. Много позже, живя уже за пределами родины, он вспоминал: «Я в те годы был влюблён в Малороссию, в её села и степи, жадно искал сближения с ее народом, жадно слушал песни, душу его. Пел он чаще всего меланхолически, как и подобает сыну степей, пел на церковный лад, как и должен петь тот, чьё рождение, труд, любовь, семья, старость и смерть как бы служение; пел то гордо и строго, то с глубокой нежностью. С ярморки на ярморку, в передвижениях гуртами на работы часто сопровождали его бандуристы и лирники, наводившие мужчин на воспоминания о былой вольности, о казацких походах, а женщин на певучие думы о разлуках с сыновьями, с мужьями, с любимыми. Бог благословил меня счастьем видеть и слышать многих из этих странников».

Писателем-путешественником был Иван Бунин, рассказ, откуда взяты приведенные здесь строки, – «Лирник Родион».

В мире бунинской прозы «Лирник Родион» стоит несколько особняком. В этом рассказе отсутствуют многие из тех свойств, по которым мы всегда безошибочно угадываем бунинский почерк: порывистость, страстная напряжённость движения событий, самой речи повествователя, взволнованной, иссуха-жаркой, будто прерываемой горловыми спазмами... Рассказ об украинском бродячем певце лишён и намёка на сюжет, все происходящие события состоят в том, что лирник поёт, а женщины-крестьянки и молодой писатель слушают его «псалму» (духовный стих) о девочке-сиротке, разыскивающей по белу свету могилу матери.

Бунин так первоначально и назвал своё повествование «Псалма про сироту». Но потом,

Юрий ЛОЩИЦ

Юрий Михайлович Лоциц – родился 21 декабря 1938 года в селе Вале-гоцулове (ныне Долинское) Одесской области в семье известного советского военного журналиста, генерал-майора М.Ф. Лоцица. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Один из видных современных историков и биографов. Автор публицистических книг «Земля-имениница» (1979), «Слушание земли» (1988), сборников стихов «Столица полей» (1990), «Больше, чем всё» (2002), «Величие забытых» (2007). Исследователь славянской культуры и переводчик с сербского. Секретарь правления Союза писателей России. Имеет государственные и общественные награды. Лауреат многих литературных премий.

Живёт в Москве.

видимо, почувствовал некоторую фактографичность подобного названия. Ведь в центре рассказа всё же не сюжет песни, исполняемой слепым лирником, а сам Родион, его мужественная и нежная душа, прозорливая, не смотря на телесный недуг.

«Сын народа, не отделивающего земли от неба, он просто и кратко рассказал о страшной встрече её (сироты – Ю. Л.) "в тёмных лугах", в светлые пасхальные дни, с самим воскресшим Господом:

"Тай зустрів її Христос, став її питати". "Куди йдеш, сирітко?" "Матері шукати". "Ой, не йди, сирітко, бо далеко зайдеш, вже ж своєї матінки й по вік не знайдеш: бо твоя матінка на високій горі, тіло спочиває у смутному гробі..."»

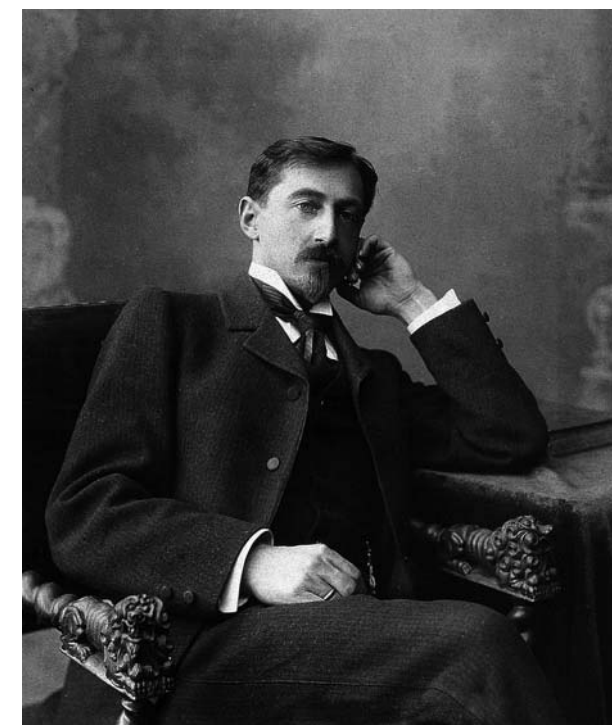
Поразительно, что Иван Бунин, слышавший, должно быть, десятки украинских дум и псалм, выбрал именно эту – о сиротке, пришедшей на могилу матери. Поразительно потому, что подобный его выбор верно указывает на два чуть ли не самых распространённых, самых излюбленных мотива всей украинской народной поэзии: мотив сиротства и мотив плача над затерянной в степи могилой.

У нас ещё будет повод и необходимость подробнее остановиться на этих мотивах, а теперь надо сказать о том особом, почти символическом значении, которым способен осветиться для нас, людей новой действительности, рассказ, написанный Буниным в 1913 году на острове Капри.

«Лирник Родион» – не просто дань признательности славянскому народу-брату и его великой поэзии, сердечно близкой и понятной русскому человеку без перевода. Сознательно он это делал или нет, но Бунин тут как бы хотел подвести черту под целой традицией русской дореволюционной культуры. И литературы в частности. Правда, эта традиция, видоизменяясь, усложняясь по мере роста, пережила Бунина. Но нам важно присмотреться к истокам традиции, к первым бороздам и всходам.

II

Небезынтересно напомнить: слово *Диканька* в наш литературный обиход ввёл вовсе не Гоголь, а... Пушкин. Он сделал это за три года до выхода в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в своей исторической поэме «Полтава». Орлик, допрашивая Кочубея, говорит:

И.А. Бунин (1870–1953)

*Мы знаем,
Что ты несчётно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке укрываем...*

И ещё раз упомянута Диканька в заключительных строфах поэмы:

*Цветёт в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насаждённых;
Они о праотцах казнённых
Доныне внукам говорят.*

Конечно, гоголевская Диканька имя совсем иного ряда, выдающийся литературный образ, по праву ставший нарицательным. У Пушкина же это всего-навсего одна из малых географических реалий, призванных сообщить повествованию большую достоверность, историческую в первую очередь. По поводу этой реалии поэт даже пояснил в примечаниях к поэме: «Деревня Кочубея».

Но всё-таки пушкинское первенство, в котором нас занимает не мелочный приоритет на то или иное слово, первенство не формальное и не случайное. Дело в том, что русская культура в лице Пушкина и его современников первой обращалась тогда к осмыслению, художественному, литературному, феномена украинской культуры и истории. На правах старшей она и не могла поступить иначе. Если смотреть на это старшинство сквозь привычный образ семейных отношений, то нельзя не заметить, кто у общей, материнской культуры (древнерусской, киево-русской)

сделался к XIX веку носителем более взрослого, зрелого самосознания; старшему же, и это тоже дело вполне привычно-семейное, всегда поручается донячивать младших.

Параллель Пушкина с Гоголем для нас, может быть, не вполне безусловна (Гоголь тоже писатель русский, а не украинский и не русскоязычный). Но всё же молодой автор «Вечеров...» был объективно выразителем украинского литературного, национального самосознания, и потому параллель эту хотелось бы ещё несколько продлить.

1834 год. После появления «Вечеров...» Гоголь публикует своё известное «Объявление об издании истории малороссийских казаков». Тогда же опубликован им и «Взгляд на

Н.В. Гоголь (1809–1852)

составление Малороссии», «эскиз», заявленный как «Введение к "Истории Малороссии"».

Но из письма М. Погодина к С. Шевырёву от 28 апреля 1829 года нам известно: «Пушкин собирается писать историю Малороссии». Это сведение подкреплено другим свидетельством, относящимся к тому же году: М. Максимович, видный фольклорист, патриот Украины, общий друг Пушкина и Гоголя, давал поэту справки о знаменитой «Истории Руссов», написанной, как тогда полагали, Георгием Конисским, архиепископом белорусским. «История Руссов» считалась лучшим историческим трактатом об Украине, и Пушкин, заполучив экземпляр рукописи, внимательно его изучал. Возможно, он собирался им воспользоваться в 1831 году, когда из-под его пера появился исторический фрагмент на французском языке, который по его содержанию в пушкиноведении принято называть «Очерк истории Украины».

Однако и «Полтава», и замысел исторического труда это уже плодоношения пушкинского «укаинофильства». Наверное, нужно отступить ещё к 1821 году: поэт, находящийся в южной ссылке, приезжает из Кишинёва в Бендеры, где пытается обнаружить место захоронения Мазепы. Но

*...тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор...*

(«Полтава»)

Или взять за точку отсчёта следующий, 1822 год? В том же Кишинёве находясь, Пушкин написал тогда краткие «Заметки по русской истории XVIII века», о которых, кажется, можно сказать, что в них запечатлено самое первое по времени проявление его интереса к «малороссийской» теме. «Екатерина, отмечает здесь Пушкин, уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных кре-

стьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию...»

Не удивительно ли, что в этом предельно сжатом выводе юный поэт нащупывает самый больной нерв недавней (да и современной ему) истории Украины? Екатерина, как известно, в своей национальной политике наследовала Петру, Пётр же решительно действовал в сторону ограничения вольностей малороссийского казачества, обидами которого ловко сумел воспользоваться Мазепа.

А.С. Пушкин (1799–1837). Автопортрет

Так, в начале 20-х годов Пушкин завязывал в узелок многое из того, что воплотится позднее, и не только в «Полтаве», но и в... «Медном всаднике». Достаточно присмотреться повнимательней к фигурке сумасшедшего Евгения, чтобы различить в его бессильном отстаивании своего права на самостоятельное жизненное поведение нечто вполне «мазепинское». И за тем, и за другим гонится разгневанный император..

Рискну предположить, что в 1821 году Пушкин-романтик, автор «Вольности», ещё отчасти понимал Мазепу по-декабристски: не только предатель дела Петра, но и изгнанник, неудачливый борец за вольность, носитель идеи республиканской свободы.

Но уже то обстоятельство не могло не озадачить поэта в Бендерах, что могилы-то нет. И это при совершенно особом на Украине культе могил! Тогда же, посетив Киев, поэт постоял возле двух лежащих рядом надгробных плит: под ними покоился прах Кочубея и Искры, казнённых по интриге Мазепы. Могилы эти находились в стенах Печерской лавры, с её подземными ходами, где сберегались останки целого сонма людей, оставивших могучий след в отечественной истории. Сам воздух Украины, её дали, кренящиеся древними курганами, исподволь внушали поэту «любовь к отеческим гробам».

И не ему одному. Вот характерное для этой эпохи описание: «Курганы. Высокие земляные насыпи, видимые и ныне во многих местах Малороссии и Украины. Курганы сии служили иногда общими могилами на местах столь частых сшибок, бывавших у малороссиян с всегдашними их врагами татарами и во время отторжения их от Польши с поляками... Иногда же целый ряд таковых курганов, идущих на далёкое пространство по одному направлению, подобно цепи гор, служил как бы ведетами или подзорными возвышениями для наблюдения за неприятелем. Таковых курганов много можно видеть по древним границам Малороссии и Украины с ордою крымскою, особливо в губерниях Слободско-Украинской и Полтавской».

Поэтическое описание, в чём-то перекликающееся с пейзажами из чеховской «Степи», скажем мы. Но процитирована статья справочного характера, отрывок из примечаний Кондратия Рылеева к поэме «Войнаровский». Дело в том, что поэтичен был сам описываемый предмет, и автор хорошо чувствовал, что значит для украинского сердца вид степных курганов; не случайно курганы и старые могилы играют в «украинских» сочинениях Рылеева не только «пейзажную» роль. Вот пример из того же «Войнаровского»:

*Один, вблизи степной могилы,
С конём издохнувшим своим,
Под сводом неба голубым
Лежал я мрачный и унылый...
Всё было тихо... Лишь могила
Уныло с ветром говорила.*

Последние две строки — дословная перекличка с зачином народной песни, которую Рылеев явно должен был знать:

*У полі могила з вітром говорила:
«Повій вітре буйнесенький,
щоб я не чорніла...»*

Могилы разговаривают с ветром, жалуется на своё одиночество, просит, чтобы ветер помог ей зарости травой; видимо, смелость этого поэтического образа настолько поразила автора «Войнаровского», что он первым из русских поэтов предпринял попытку использования украинского фольклорного мотива в своём произведении.

Войнаровский, человек романтической личной судьбы, был сподвижником Мазепы. Тема не оставляла Рылеева, сохранились его наброски к поэме «Мазепа», так и ненаписанной. Бурные события украинской истории XVI–XVII веков с годами всё больше и больше занимали поэта, но воплотить замысел он не успел. Читая стихотворный отрывок «Палей», поневоле вновь задумываешься о первенстве: описание казака, скрывающегося от вражеской погони, прыгающего с кручи в речную пучину, отзовется позднее на последних страницах гоголевского «Тараса Бульбы».

*Вот вправо, влево, и к реке.
Коню проворною рукою
Набросил на глаза башлык,
Сам головой к луке приник,
Ударил плетью и стрелюю
Слетел с берегов, отваги полн;
И вот средь брызгов и средь волн
Исчез в клубящейся пучине...
Уж он спокойно на середине
Днепра шумящего плывёт.
Враги напрасно межут стрелы,
Свинец напрасно тратят свой.
Разит лишь воздух он пустой...*

Можно было бы сказать, что Пушкин подхватил рылеевскую тему, если бы мы не знали, что он шёл к ней самостоятельно. В эпосе его «Полтавы» запечатлелась не только художественная зрелость силы, имя которой русская поэзия, тут явно обозначилась масштабность исторического кругозора поэта, трезвость его гражданского видения. Пушкин, испытавший искусство романтического понимания свободы, не отринул здесь вольнолюбивых идеалов своей юности, своего поколения. В его Мазепе, характере достаточно сложном, противоречивом, изменник, предатель соседствует с патриотом казачьих вольностей, ратующим за свободу своей Украины. Изменяя Петру, изменяя России, гетман одновременно вынужден вступать в сговор с извечными врагами Украины иезуитами, турками, шляхтой, иного выбора нет. «Свобода», «вольность», свидетельствует Пушкин, оказываются в устах гетмана лишь красивыми словами. «Свобода» Украины от России становится дорогой в никуда, в бездну авантюризма. Таково свидетельство самой истории, как бы ни были сложны и противоречивы её частные приговоры, с какой бы железной неумолимостью ни уравнивало правительство в правах (точнее, в их отсутствии) российского крепостного мужика и вчерашнего вольного запорожца. Да и возможно ли, праведно ли в новых исторических условиях оставаться «вольными» за счёт своего же брата, бедующего беду?

От той былой казачьей воли, напоминает Пушкин, остались только курган, да песни, да предания:

...порою
 Слепой украинский певец,
 Когда в селе перед народом
 Он песни гетмана бренчит,
 О грешной деве мимоходом
 Казачкам юным говорит.

Стоит перечесть внимательней эти заключительные строки «Полтавы». В примечаниях к поэме Пушкин уточняет: «Предание приписывает Мазепе несколько песен, донныне сохранившихся в памяти народной». Но зачем слепой певец, по воле поэта, исполняет именно «песни гетмана»? Чтобы кстати напомнить читателю под конец о «грешной деве» Марии Кочубей? Или чтобы показать, насколько живучи исторические грёзы о былой вольности?

Знал ли сам Пушкин эти сочинения, приписываемые Мазепе? Из тех же примечаний к поэме явствует: да, знал. С думой, «будто бы сочинённой Мазепой», он мог познакомиться в «Истории Малороссии» Д. Бантыш-Каменского, которой пользовался, работая над «Полтавой». К тому же, за год до написания поэмы, в Москве был издан М. Максимовичем сборник «Малороссийские песни», и среди других текстов составитель привёл «Думу Гетмана Мазепы». «Она замечательна не в одном историческом отношении», поясняет Пушкин. Видимо, его внимание привлекла откровенность представлений Мазепы о вольности. По мысли гетмана, все беды тогдашней Украины состояли в том, что сыны её в разброде: кто ратовал за союз с погаными, кто надеялся на ляхов, кто на силу Москвы. Но все они, доказывал автор дум, и басурмане, и ляхи, и москали враги Украины. А потому

*Нуте врагов, нуте бити!
 Самоналы набувайте,
 Острых шабель добувайте,
 А за веру хочь умрите,
 И вольностей бороните!..*

Обречённость гетманского призыва, возбуждающего ненависть против Москвы единой, очевидна. Так, позднее будет очевидна и обречённость сумасшедшего Евгения с его угрозой Медному всаднику. Как и в случае с Евгением, Пушкин не может не отдать должного стихийному порыву гетмана к свободе. Но в том и другом случае для него очевидна историческая несостоятельность подобного порыва. Не более чем химера эта пресловутая «свобода» Украины от общей с Россией доли. Так, не может часть кроны быть свободной от общего ствола и от единого корневища.

Вместе с тем, подчиняясь художественной правде, поэт не счёл нужным умолчать о «программной» песне гетмана, бытовавшей в устном предании и спустя столетие после событий. За таким поэтическим решением проглядывает зрелая мудрость культуры, стремящейся понять родственную культуру как самое себя. Для Пушкина «Полтава» с её «украинской» темой стала актом такого самопознания. Проявленная здесь поэтом воля к бескорыстному и до конца честному художественному и историческому самопознанию была ответом, одним из самых значительных тогда ответов русской культуры на международные события Славянского возрождения.

III

Славянскому возрождению первой половины XIX века посвящена довольно большая литература*. Но по преимуществу эта литература специальная, из поколения в поколение распространяемая и усваиваемая в сравнительно узком кругу славистов. За пределами круга предмет известен, увы, лишь понаслышке.

И тем не менее, не догадываясь порой о том, как это называется, все мы говорим прозой. Все мы в большей или меньшей степени знаем о Славянском возрождении XIX века по великому множеству его самых разнообразных проявлений, оставленных нам в наследование, Бог даст, в приумножение.

Первое издание «Слова о полку Игореве», грандиозный патриотический подъём, охвативший Россию в эпоху Отечественной войны 1812 года, стихотворное послание Тютчева к чешскому слависту Ганке, книга знаменитого словацкого учёного Шафарика «Славянские древности», тематика агитационной поэзии декабристов, раскопки фундамента Десятинной церкви в Киеве, фольклорные публикации на страницах «Москвитянина», полемика «шишковистов» и «карамзинистов», филологическая деятельность серба Вука Караджича или русина Юрия Венелина, стихотворное творчество Алексея Кольцова, рецензия Белинского на шевченковских «Гайдамаков», пушкинские «Песни западных славян», выход в свет первых томов Полного собрания русских летописей, с любым из этих событий, фактов, явлений первой половины XIX столетия мы вправе соотнести представление о Славянском возрождении. Опись фактов, событий, явлений можно умножать, но не она нам важна. Важен дух творческого самопознания, витавший тогда над материком славянских культур. Он зародился отнюдь не самопроизвольно. Его появление было продиктовано самой логикой исторического развития, логикой национально-освободительных движений, охвативших многие страны и народы Европейского континента. Образное изречение Пушкина, сравнившего подвиг Карамзина-историка с открытием Америки, оказалось именно в стиле эпохи Славянского возрождения, в стиле её масштабных дерзаний, возвращающих или пробуждающих к новой жизни целые материков культурно-исторического материала.

Целиком и полностью в мощном русле Славянского возрождения просматриваются в первой половине того века и русско-украинские литературные связи. У их истока стоит издание в 1800 году самого выдающегося памятника древнерусской поэзии. Знаменательно, что вскоре за «Словом о полку Игореве» увидели свет и «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова (1804) с их былинами «киевского цикла», также властно напомнившими о единой корневой системе восточнославянских языков и культур. В 1818 году в Москве выходит второе, значительно дополненное издание сборника Кирши Данилова, а годом позже в Петербурге объявляется и первая скромная ласточка украинской фольклористики «Опыт собрания старинных малороссийских песен».

Почему в Петербурге? Почему, допустим, не в Киеве, или Харькове, или Полтаве? По той же самой причине, по которой и первые три части «Энеиды» И. Котляревского (ещё в 1798 году) увидели свет в Петербурге, а его водевиль «Москаль-чаривник» был в 1841 году опубликован в Москве. Именно две

* Славяноведение в дореволюционной России // Библиографический словарь. М., 1979.

российские столицы сделались в те десятилетия основными издательскими пристанищами для украинской литературы, новейшей и старой, именно в Москве и Петербурге в ту братолюбивую пору увидело свет *большинство* поэтических и прозаических произведений украинских авторов. Литературная периодика на Украине до 40-х годов практически отсутствовала, если не считать нескольких харьковских кратковременных журнально-альманашных начинаний.

Тем более стоит напомнить хотя бы некоторые библиографические подробности тех десятилетий. В 1822–1823 годах в петербургском журнале декабристов «Соревнователь просвещения и благотворения» печатаются главы из пятой части «Энеиды» Котляревского; в 1827 году М. Максимович издаёт в Москве сборник «Малороссийские песни»; здесь же в 1834 году выходят собранные им «Украинские народные песни»; в 1835 году в Петербурге печатается Собрание сочинений Георгия Конисского, и Пушкин с воодушевлением отзывается на это издание в «Современнике»; свои «Малороссийские приказы» (1836) и вольный перевод на «малороссийский язык» пушкинской «Полтавы» (также 1836) выпускает в Петербурге Е. Гребенка; в 1834–1837 годах в Москве выходят «Малороссийские повести, рассказанные Грицьком Основьяненком»; в 1840–1841 годах северная столица становится издательской колыбелью «Кобзаря» и «Гайдамаков» Т. Шевченко; 1841 годом помечен и вышедший в Петербурге коллективный сборник украинских авторов «Ластовка», среди его участников Т. Шевченко, Г. Основьяненко, И. Котляревский;

Т.Г. Шевченко (1814–1861)

в 1842 году в Москве началось издание пятитомной «Истории Малороссии» Н. Марковича; в 1846-м в Москве же издана «Летопись Самовидца» исторический труд анонимного украинского автора о войнах Богдана Хмельницкого... Список отдельных стихотворений, поэм, сочинений в прозе, изданных украинскими авторами в петербургских и московских журналах в течение первой половины XIX века, занял бы нема-

ло страниц. Ещё больше места занял бы перечень журнально-газетных откликов русских авторов на появление новинок украинской литературы, публикацию исторических трудов и фольклорных сборников.

Заслуживает если не восхищения, то удивления ещё одна подробность литературного этикета эпохи. Она поначалу даже может показаться странной, труднообъяснимой. Всё, что в те годы предлагается украинскими авторами к печатанию на «малороссийском наречии», издаётся в столицах именно на языке оригинала. Переводы напрочь отсутствуют!

Но почему же? Кажется, сам собой напрашивается ответ: потому что ещё отсутствует, ещё не сложилась культура перевода, не заявила ещё своих прав цеховая организация переводчиков.

Нет, вовсе не поэтому. И издаваемые литераторы, и издатели в услугах переводчиков просто не видят необходимости. Просто-напросто считается зазорным не уметь читать и понимать без посредства переводчиков родственную славянскую речь.

Таков стиль всего Славянского возрождения. И на страницах русских журналов, сборников тогда то и дело появлялись беспереvodные образцы народной поэзии сербов, словаков, белорусов, украинцев, поляков, чехов, болгар, лишь изредка снабжаемые объяснениями труднопонимаемых слов и оборотов. Главный расчёт издателей был на повышенное лингвистическое чутьё к родственной речи, на постоянное усовершенствование такого чутья по мере её усвоения. Встречающиеся трудности только возбуждают жажду языкового познания; перевод при подобной постановке дела – не столько помощь, сколько обволакивающее расслабление, обманчивая видимость спрямления дороги. Он создаёт некую искусственную, условную, ничему в природе вещей не соответствующую среду, размывающую обаяние подлинника. Своеобычность, сокровенность подлинника, гармоническое единство смысла, звучания, ритма, интонации размываются на сумму приблизительных уподоблений, заменителей, имитаций, пусть и подбираемых с благими целями. Эта отрицательная сторона переводческих усилий и результатов (особенно при переводах с родственных языков) будет осознана позже, и прежде всего самими практиками перевода.

Эпохе Славянского возрождения была свойственна неподдельная радость узнавания своих своими. Узнавания именно непосредственного, не стесняемого излишними толкованиями и подсказками.

Скажут: ну а как же «славянские» переводы Пушкина из того же, к примеру, Мицкевича или из собрания Вука Караджича? Или как быть с «украинской» «Полтавой» в переводе того же Гребенки?

Но то, о чём идёт речь, и нельзя назвать переводами в современном значении слова. Пушкинские «Воевода» или «Будрыс и его сыновья» это скорее вольные импровизации на темы, заданные польским поэтом, своеобразная форма литературного этикета, способ выразить знак уважения, наконец, возможность померяться силами на своего рода поэтическом турнире.

А когда мы читаем следующие, к примеру, строки:

*Буря в хмари небо крие,
Сипле сніг, як з рукава,
То звірюкою завие,
То застогне, як сова...
Вип'єм, добра паніматко,
Ну, по одні, наливай;
Вип'єм з горя, де ж кухлянко?
За починком не дрїмай!..*

то вряд ли стоит навязывать их автору, современнику Пушкина, украинскому поэту-романтику Л. Боровиковскому миссию переводчика, делающего «Зимний вечер» доступным читателю-украинцу. Стихи русского поэта взяты здесь как высокий образец для *подражания*.

Подражание – вот слово, которое объяснит нам очень многое во взаимоотношениях русской и украинской литератур той эпохи. Подражание благодарного ученика опытному учителю как форма воспитания самостоятельных навыков. Подражание как сознательное самоограничение, признание, что

подлинник всегда совершеннее, чем любая попытка его иносказать. В современном словоупотреблении подражание рассматривается как акт заведомо малодостойный, и не зря добавляется: робкое, ученическое подражание. Но во времена Пушкина и Шевченко подражать не стеснялись, подражать любили, занятие не считалось зазорным, тем более что по эстетическим законам того времени художник почитался в первую очередь подражателем самой матери-природы, самого творящего Бога.

Молодые литературные силы Украины, осмысленно и настойчиво подражая образцам русской письменности, осваивали новые поэтические и прозаические жанры: попутно осмыслялась и европейская литературная классика. Равнение на высокие образцы подчас прихотливо совмещалось с их намеренным снижением, как в «Энеиде» Котляревского или в «Полтаве» Гребенки. Свободное обращение с образцами, умение ловко их «перелицевать», травестировать, переводить в смеховой, бурлескный ряд тоже ведь было одним из условий толковой выучки. Вместе с тем в подобных «перелицовках» ещё сказывалась отчасти инерция предыдущей эпохи, когда все «малороссийское» обязано было быть смешным, грубым, мужиковатым.

На закономерно возникающий вопрос: а нужны ли переводы с современного русского на украинский и наоборот или переводы с украинского на белорусский, с белорусского на русский и т. д., ответить однозначно, видимо, нельзя. Всё зависит, должно быть, от конкретного текста, степени его языковой закрытости, усложнённости. Но одно соображение всё-таки нужно высказать вслух: литературную классику русских, украинцев, белорусов все мы должны бы и способны усваивать на языке народов, ее породивших. Видимо, это пожелание логично будет распространить и на произведения русского, украинского и белорусского фольклора.

IV

Эти заметки не претендуют на воссоздание стройной картины былых литературных взаимоотношений. Сам предмет слишком широк, чтобы охватить его с достаточной полнотой. Цель заметок – присмотреться лишь к некоторым своеобразным особенностям русско-украинских литературных связей первой половины прошлого века. И к тому неповторимому фону эпохи Славянского возрождения, в который вписывался русско-украинский диалог. Всеславянство (понятие, введённое чехом Ганкой) повсеместно и решительно обращалось тогда к осмыслению собственных культурно-исторических истоков и судеб. Историзм становился незаменимым рабочим инструментом подобного осмысления, какого бы предмета оно ни касалось. Историческое самопознание поднимало на поверхность пласты культур, выявляло цельность и единство языковых первооснов, лежащих в глубине современных расподобившихся славянских языков и речений.

Вспомним первые страницы «Тараса Бульбы». «А повернись, сынку!..», «Не смейся, не смейся, батьку!», «Ну, здоров, сынку, почеломкаемся» и т. д. Что это перед нами, русский или украинский язык? И то и другое, скажем мы, поскольку Гоголь в этих фразах постоянно использует украинский звательный падеж; «сынку» вместо русского «сынок», «батьку» вместо «батько». Но правильнее будет сказать, что перед нами ещё и древнерусский язык, потому что звательный падеж – это его достояние, его принадлежность, сохранившаяся в современном украинском (и отчасти белорусском), но почти утраченная

в русском языке. Точнее, утраченная в языковой практике, но не в языковой памяти. Поэтому-то для гоголевского «сынку», «батьку», «мамо» русскому уху не нужно подсказок.

Или вспомним строки из стихотворения Шевченко:

*Там синее море
Вигриває, хвалить Бога,
Тугу розганяє...*

Это вот слово «туда» (скорбь, печаль, тоска), украинское или русское слово? И русское, скажем, не зря оно приведено в Толковом словаре Даля. Но опять точнее будет сказать, что оно прежде всего древнерусское, поскольку мы обнаруживаем его ещё в «Слове о полку Игореве», в наших летописях.

Из подобных примеров (а их можно было бы множить и множить) уже видно, что к историческому самопознанию способно было дать импульс и отдельно взятое слово. Тем более, если слово или имя, насыщенное историческим содержанием, выносилось в заглавие: «Войнаровский», «Полтава», «Тарас Бульба», «Кобзарь», «Гайдамаки»...

И тут опять необходимо вспомнить, что хронологически шевченковскому «Кобзарю» предшествовал пушкинский «слепой украинский певец», а «Гайдамакам» – одноимённый фрагмент поэмы Рылеева. Можно сказать, что русский читатель был уже подготовлен к явлению поэзии Шевченко. В том числе подготовлен поэзией Пушкина, Рылеева, исторической прозой Гоголя, петербургскими и московскими публикациями украинского фольклора.

Зазвучал голос новый, свежий, но и что-то волнующе памятное чулось в этих звуках:

*Вітер віє повіває,
По полю гуляє.
На могилі кобзар сидить,
Та на кобзі грає...
...Добре еси, мій кобзарю,
Добре, батьку, робиш,
Що співати, розмовляти
На могилу ходиш!*

Поневоле вспомнилась та сиротливо чернеющая в степи могила, что жалуются ветру на своё одиночество. И точно, тот самый образ замелькал почти в каждом стихотворении Шевченко.

*Там могили з буйним вітром
В степу розмовляють,
Розмовляють сумуючи,
Отака їх мова:
«Було колись минулося,
Не вернеться знову».*

Но тут, как видим, речь уже не об одиночестве души-сироты, затерявшейся среди безлюдья. Поэт сожалеет о былой, миновавшей славе, о невозвратно ушедших в прошлое исторических деяниях.

*Встає хмара з-за Лиману,
А друга з поля;*

*Зажурилась Україна
Така її доля!
Зажурилась, заплакала,
Як мала дитина.
Ніхто її не рятує...
Козачество гине;
Гине слава, батькивщина;
Немає де дітись;
Виростають нехрещені
Козацькі діти...*

В шевченковском «Кобзаре» традиционный для украинского эпоса образ могилы превращается в символ, а мотив сиротства распространяется, охватывает целиком всю судьбу современной поэту Украины. Но подлинно великая поэзия не может питаться одной лишь дедовской славой, жить с постоянной оглядкой на «высокие могилы». Как бы ни отвращала поэта распротранившаяся и на Украину мгла крепостничества, гнёта арендаторов-ростовщиков, память о былой «доле-воле» могла лишь разбередить душу, но не излечить её. Можно сказать, что Шевченко сполна переболел исторической тоской по героическим деяниям и народным героям былых времен, сполна вкусил горечи сиротства.

В этом горниле закалился гражданский идеал поэта, а с ним и всей новой литературы Украины, идеал, связанный с мыслью о достойном его родины будущем, с мечтой о «семье великой, семье вольной, новой».

Но та же самая мысль согревала и Пушкина, сказавшего в своём стихотворном обращении к поэту-славянину о «временах грядущих»,

*Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

ПОЭЗИЯ

Ирина ДУБРОВСКАЯ

*Ирина Дубровская – член Союза писателей России
и Южнорусского Союза Писателей.
Живёт в Одессе.*

Хроники сопротивления

В Одессе

1

Ни любовью, ни молитвой, ни строкой
Не очистит милый город, не сберечь.
Сорняками вдоль дороги городской
Разрослась обезображенная речь.
Разнеслась вокруг зловонная чума,
И никак уже её не выгнать прочь.
Нынче дома я, а в доме нынче – тьма,
Беспросветная украинская ночь.

2

Снова рядом жить с дикой речью,
С властью лжи, с торжеством порока, –
С новоявленной этой Сечью,
Что по сердцу сечёт жестоко.
Рассекает его до смерти,
Оккупантом глядит с порога...
Снова в муке жить, ибо сердце
Не приемлет чужого бога.

Хроники сопротивления

1

Как будто в военную пору,
 Когда под угрозой святыни,
 Живём мы средь мрака и вздора,
 И всё, что свершается ныне
 С родною великою речью
 И с нами, и с городом милым,
 Тяжёлою ношей на плечи
 Ложится, и вряд ли по силам
 Терпеть это в мирное время.
 Но так уж судьба расписала,
 Что наше весёлое племя
 На бранное поле попало.
 Хоть небо вокруг голубое
 И улицы залиты светом,
 Живём мы средь жаркого боя,
 Хоть сами не знаем об этом.

2

Без вздохов, без всхлипов,
 Без жалоб напрасных
 Признаюсь, однако,
 Что я не согласна
 Ни сердцем, ни словом
 С абсурдом смириться.
 В кошмаре бредовом
 И то не приснится,
 Как пан самовластный
 На царство вступает
 И славный мой город
 К рукам прибирает.
 И всё, что дышало,
 Любило, смеялось, –
 Всё пану досталось.
 Неужто досталось?
 И нам не придётся,
 Стряхнув самозванство,
 Жить в *нашей* Одессе,
 Свободной от панства?

3

Когда отовсюду продажностью веет,
 И дух замирает, и сердце слабеет,

Одна лишь забота и держит на свете:
 Что тем суждено, за кого мы в ответе?

Как прежде, в минуты чудовищных браней,
 Земля материнских полна заклинаний.

Подобно тревоге их гул нарастает,
 И это, должно быть, покуда спасает.

И это ещё у последней границы
 Нас держит, и злу не даёт утвердиться.

Так пусть не смолкает благая тревога,
 Пусть матери шепчут, пусть молятся Богу

В последнюю ночь перед страшною свадьбой:
 – Детей не отдать бы, детей не отдать бы...

Актуальный триптих

(По следам грузино-осетинской войны)

1

И вновь, Россия, ты в кольце
 Врагов бесчестных и лукавых.
 В своём трагическом венце,
 В своих распутицах кровавых
 Христовой мученицы лик
 Являешь публике тщедушной.
 И чище, выше твой язык
 Тирады лживой и двурушной.

2

Ну вот и сброшены теперь
 Добропорядочные маски.
 О том, как страшен русский зверь,
 Нам вновь рассказывают сказки.
 И рады многие принять
 Все эти рассказы на веру,
 И преданно хвостом вилять
 Перед лжецом и лицемером.

3

Увы, не устлан путь цветами,
 Но время истины пришло.
 Как в годы страшных испытаний,
 Обнажены добро и зло.
 Глупцов возможно обмануть,
 Но проступает неуклонно
 Европы истинная суть
 Сквозь фарисейские заслоны.

Сон

Я вижу сон: невзгод, бессилья
 Минует горестный черёд,
 И возрождённая Россия,
 Как лебедь белая плывёт.

Крылом помашет лебединым,
 Сзывая ближних в свой ковчег,
 И к ней, как к матери единой,
 Их устремляется разбег.

И исчезают все границы,
 Что малым созданы умом,
 И под крылом великой птицы
 Един наш евразийский дом.

Как путь реки – к морской стихии,
 Так духа тайные пути –
 К той новой, истинной России.
 О, сколько ж, Господи, идти?

Я вижу сон, и может стать ся,
 Чтоб душу зря не надрывать,
 Пока не стоит просыпаться
 И бред текущий наблюдать?..

Родная речь

Верный признак того, что живу, –
 Неотъемлемый, неоспоримый –
 Речь родная! Тебя назову
 Во всеобщем безлюбье – любимой.

Все земные костры догорят,
 Но останется вечной святыней
 Слово русское, щедрый мой сад,
 Капля влаги в безводной пустыне.

И пока ты звучишь на земле
 Тихим отзвуком песни небесной,
 Свет душа различает во мгле
 И спасается силой чудесной.

Две Софии

Чтоб не устать нам верить и бороться,
 Чтоб был высок и праведен наш шаг,
 От Киевской Софии к Новгородской
 В свой крестный ход пускается душа.

Под шум дерев, что золотом оделись,
 Под тихую сентябрьскую грусть
 Идёт она, страдающая и надеясь,
 Собрав в себе разорванную Русь.

В дни страстные, раздорные, лихие,
 Иного дня не в силах больше ждать,
 Летит она, чтоб Киевской Софии
 От Новгородской весточку прислать.

Молитва

У древней Знаменной иконы
 Я Существу на небеси
 Молилась, не скрывая стона,
 О воскресении Руси.
 Шепча «На всё Господня воля»,
 Я всё ж, отдав Ему поклон,
 Просила, не скрывая боли,
 О единении племён.

К Новороссии

1

Воздух тревожен – он пахнет расколом
Склеенной наспех нелепой страны,
Где изнывают под прессом тяжёлым
Те, что для лучшей судьбы рождены.

Как же попали мы в эти оковы,
В соединенье враждебных пород?
В поисках истины мается слово,
Смыслы откуда-то всё же берёт,

В этой бессмыслице выжить пытаюсь.
О, Новороссия, новая Русь,
Сколько же лет мы живём, задыхаясь?
Сколько ещё – даже думать боюсь.

Где наша доля? Как впредь нам назваться?
Частью какой из держав мировых?
Или, как остров плавучий, скитаться?
После об этом... остаться б в живых...

2

Великая и Малая, и Белая
Живут давно, преклонны их года.
Лишь Новая Россия молода:
Весёлая, в морских делах умелая,
Привольная, степная, загорелая.
Минуй её, лишенья и беда!
Зажгись над ней, созвездие счастливое!
Пусть молодость её не пропадёт,
Но всходами обильными взойдёт
Над общей, всероссийской нашей нивою.

Пожарский и Минин, 12-й год, 45-й,
Боярские смуты и славные вехи Петра;
И Пушкинский гений, и Блоковский, веком распятый,
И дней окаянных ненастная злая пора, –
Мы связаны с этим болочей тугой пуповиной,
Которую властью земной не дано разрубить.
Ругаем и стонем, но вечно и непоправимо
Ту боль, что Россией зовём, продолжаем любить.

Пока живём ещё, на грани
Распада и долготерпенья.
Уже видны на заднем плане
Сигналы – то ль освобожденья
От кабалы двадцатилетней,
То ль на живые наши души
Атаки гибельной, последней.
Товарищ, друг, земляк, послушай!
Не спи в тревожную годину,
Склони главу в моленье строгом,
Пока идёт за Украину
Борьба меж дьяволом и Богом.

Кто скажет мне, ужалив как змея,
Что родина Россия не моя,

Что разные теперь у нас пути,
Что мне в Европу надобно идти

И, отделившись бездною границ,
Роднёю звать чужих каких-то лиц, –

Кто скажет мне, что это может быть,
Что нас навек возможно разделить

Одним движеньем подлого пера,
Что может эта грязная игра

Достигнуть рокового рубежа, –
Кто скажет мне об этом, я, дрожа,

Тому ответчу, сердца не тая,
Что как мне жить тогда, не знаю я.

Наши дети

Наша совесть...

Наша совесть...

Ив. Анненский

Телефончики в карманчиках,
Глазки тусклы, брючки сужены.
Ходят девочки и мальчики,
Говорящие на суржике,

Как созданы инородные,
Существа инопланетные.
Наши дети беспородные,
Наши цветики бесцветные.

Было время эпохальное,
Стало мелкое, мишурное:
Сплошь герои виртуальные,
Персонажи субкультурные.

Вроде всё у них как надобно,
Только хилые да хворые:
Кокакольно-лимонадные
Потребители матёрые.

Суррогатами накормлены,
Химикатами напоены,
Наши дети беззаконные,
Криво сшиты, наспех скроены.

Вы простите нас, пожалуйста,
Были мы в часы зачатия
Захмелевшие от шалостей,
Получившие проклятие

От страны, что нами предана.
Видит Бог, о том не знали мы!
Плод непознанный, неведомый
За свободу принимали мы.

Околпачены иудами,
Мы стоим теперь, как нищие,
Грохоча пустыми блюдами,
Что когда-то были с пищею.

Мы дрожим теперь, как голые,
Больно битые по темечку,
Видя души ваши полые,
Наши мальчики и девочки.

Убелённые печальями,
Бурь минувших отголосками,
Снова гибнем от отчаянья,
Слыша речи ваши плоские.

Прозреваем, как подсудные,
Восклицаем «Что наделали?!»,
Входим в мир глобальных сумерек,
Кровожадных полный демонов.

...Привыкаем понемногу мы
Принимать необратимое.
Умолкая, просим Бога мы:
– Не оставь дитя родимое!

...И дети, растущие в псевдостране,
Которой у Бога не значитя, учат
О ней небылицы. Возможно вполне,
Ещё за старанье «отлично» получают

И будут безропотно верить вранью,
Что взрослые им под шумок навязали.
Своим же – такую подсунуть свинью!
Подлее манёвра ещё не видали.

А если видали, забыли давно.
Но этот – новейший, состряпанный лихо,
Ударивший в темя, как злое вино,
Принёсший с собою раздор и шумиху,

Запомним надолго. Уже поднялось
И в путь отправляется то поколеньё,
Которому антироссийскую злость
Внушали с пелёнок, как вероученьё.

Уж новое племя на этих дрожжах
Растёт, привыкая ко лжи с малолетства.
Когда же лжецарство падёт, будет прах
Так горек его, что не сыщется средства,

О, долго не сыщется, чтоб подсластить.
Взгляни-ка, червями изъедено древо:
Посажено было не нас накормить,
Но алчных вождей ненасытные чрева.

Смердит европейская наша дыра,
Сменяют друг друга порочные кланы.
Так ешьте же, черви, не жалко добра,
Но жалко детей, приобщённых к обману.

Отчего так прошедшее мило?
Только ли оттого, что прошло?
Может, век наш, сошедший в могилу,
Был щедрее иных на тепло?

Да, война, двух империй паденье,
И разруха, и снова война,
И застенки, и пытки. Но зренье
Устремляется в те письма,

Что писались открытой душой.
Значит, вправду не ведала зла?
Значит, истинной, чистой, большою,
А не сморщенной, мутной была?

Значит, было в стране той безбожной,
Той гулаговской нашей тюрьме,
То, что нынче уже невозможно
Ни понять, ни представить. Во тьме

Охватившего душу распада,
Тупиковую взяв колею,
Понимаешь: была как награда
Жизнь в совковом, кондовом раю.

Как ругали, сживали со свету.
И не ведали, стены круша:
Справедливей не знала планета,
Милосердней не знала душа.

В океане

Ни тени квасного патриотизма
с уклоном в славянофильство,
ни западнического снобизма,
который есть просто свинство,
в себе не вижу, не наблюдаю,
кто со стороны – быть может.
Но я, по счастью, об этом не знаю,
и мало меня тревожит
поверхностный взгляд (я давно глубоких,
к несчастью, не замечала).
Так вот, я из тех парусов одиноких,
которым пилить к причалу
дальше ещё, чем туристам к Марсу, –
они хоть знают, куда им.
А я всей своею духовной массой,
всем скарбом сердечных тайн,
стихов, на которые с пренебреженьем
смотрят *умные дяди*,
с лица не общим своим выраженьем,
плыву и не знаю, ради
чего, для какой этот скарб державы.

– Ах, мама, неактуальны, –
мне сын говорит, – эти виды, жанры.
Вокруг погляди – глобальный
нас мир окружает, всё океаном,
единым и безграничным,
объято уже – и стихи, и страны,
расчётом лишь прагматичным
всё движется, мама...
Мой сын современный,
конечно же, прав, не спорю.
А всё же плыву в этом мутном, пенном,
меня обступившем море.
Какой ни назвать бы мне порт и берег,
не ждёт ни один. И всё же,
в Россию ещё почему-то верю,
как в зверя, что сбросит кожу
и лик человеческий с не общим взглядом
предъявит неотвратимо.
А более мне ничего не надо.
От лютой, непроходимой,
неисповедимой тоски *глобальной*,
что душу берёт в неволю,
спасает твой образ – неидеальный,
но сердцу родной до боли, –
отчизна, которой меня лишили.
Не с вашим ли, умные дяди,
нескромным участием? Коль нагрешили,
ступайте уж, Бога ради.
Не скальтесь, не парьтесь – идите лесом,
туда-то вам и дорога.
Оставьте плывущих с их интересом,
понять не дано вам слога
и духа того, что своей природой
восходит к отчизне сирой,
в ней видя отнюдь не тюрьму народов,
а пылкое сердце мира.

В Дыму

(Ноябрь 13-го)

1

В густом дыму просвета не видать,
Жизнь продолжает резать по живому,
И нечем мне эпоху оправдать,
Приведшую к распаду корневому.

И негде в ней пристанище найти.
Одно осталось: в час безумных оргий
Божественное слово пронести.
Когда гурьбою вражеские орды

Идут на всё, что дорого душе,
Когда опять беснуются майданы,
Свой пост занять на крайнем рубеже,
Превозмогая ноющие раны.

2

Опять о свободе запели сирены,
И, юных голов не щадя,
Костры запылали, суля перемены,
На шумных твоих площадях,

Украина, окраина великой державы,
Изменница, к подлым торгам
Привыкшая, дама продажного нрава.
Твоим тараканьим бегам

Не видно предела. Кому же продаться
Сегодня? Решай поскорей,
Чтоб нам отдышаться, чтоб нам оклематься
От лжи непрерывной твоей.

1 декабря 2013 года

1

Всё утонуло в мелочах,
Схож потребитель с рыхлым фавном.
Дух человеческий зачах,
И не с кем говорить о главном –

О родине и о любви,
О том, что дорого и свято.
Уже пол-Киева в крови,
Вот-вот и брат пойдёт на брата.

А мы всё то же – курс валют,
Ассортименты, рынки сбыта...
Пылает спор и там и тут
Один – за место у корыта.

Но в двух шагах от мелких зол
Большое ширится безмерно.
И недогадливый хохол,
И европеец лицемерный

Падут в кипящие котлы,
И тот, кто в роли был кумира,
Оставит горсточку золы
От потребительского пира.

2

Сама земля исторгла этот стон,
Запекшимися вымолвив устами,
Что свастикою Киев осквернён
И ослеплён дымящими кострами.

Послушайте, кто есть ещё живой,
Чей ясен ум и взор не застлан дымом!
Сама земля из глуби вековой
Предупреждает о непоправимом.

«Меж двух враждебных рас»

1

Расслышать бы сквозь смуту Божий глас,
Воинственные сбавить обороты,
Чтоб этот щит меж двух враждебных рас –
Россией и Европой –
Вернуть туда, где должно быть ему,
Не сжечь, не растоптать, не продырявить
И в хаоса убийственную тьму
Бездушной рукою не направить.

2

Если это раскол, то скорей бы, скорей бы
В лоно матери той, чей язык и душа.
Если время пришло, то какой грамотей бы
Мне сказал, отчего так колеблется шаг
По дороге к нему, к вожделенному лону?
Может, вовсе не ждёт и не шлёт мне призыв?
Может, пала листва с той раскидистой кроны,
Что Россией зову, и от мощи зелёной
Нынче только и есть, что душа и язык?..

Чур, чур меня! Душу мою
Минуй жёлто-синяя стая!
Я родину не предаю
И веры своей не меняю.

Пусть сумрака не разгоню,
Пусть сердце печали изложут,
Но русскую речь сохраняю,
Как сам россиянин не сможет.

У ближнего края стою,
Никак подкрепленья не видя.
Весёлые песни пою
И вовсе на тех не в обиде,

Что бросили братьев своих,
Как будто чужие им стали,
Совсем незащитных, одних,
В дыму русофобских восстаний.

Придут и скажут: откажись
От матери своей.
Раскрепостись, освободись
От вековых корней.

В счастливый мир, в свободный мир
Укажут краткий путь.
Как в мышеловке сладок сыр,
Как ароматен – жуть!

Прими, кусни, не откажись
От европейских благ!
За мир свой прежний не держись,
Что в нём – один ГУЛАГ,

Имперский плен, советский крен...
Стряхни былого прах,
Для новой жизни встань с колен!..
Так молвит хитрый враг.

А что же друг, а что же брат,
С которым мы одно?
Молчит, томит, не сводит взгляд,
Как будто он в кино...

К вопросу о «чистом» искусстве

1

И снова надвигается орда
На отчий дом, на млечные просторы.
И снова мне от боли и стыда
Не спрятаться. А эти разговоры,
Что, дескать, вне политики поэт,
Себе оставьте, милые созданья.
Блюдайте свой сусальный этикет,
Не ваш удел душевные роптанья.
И сопричастность вздыбленной стране –
Не ваша роль.

Под бледною звездою
Не знайте бед, живите как во сне,
И «милоту» рифмуйте с «лепотою».

2

О вечном, о вечном, о непреходящем
Пиши, как умеешь, поэт.
О тяготах бранных, о мире пропащем
Тебе распинаться не след.

Мгновенные страсти, горячие вести,
Конечно, не суть бытия.
Но если восходит к понятию чести
Житейская вся колея,

Но если важнее понятие «совесть»
Воздушных фантазий и грёз,
Становится вечной о временном повесть,
И самый обычный вопрос

Звучит как насущный, и с поля сраженья,
Тем чётче, чем яростней прыть,
И ныне и присно в минуты смятенья
Доносится «быть иль не быть?»

Если ветер гневно дует,
Если сердце негодует,
Если слово – средство боя,
Жаркой схватки остриё,

Не от праздного каприза
Эта страстная реприза –
От основной, кровной боли
За родное, за своё.

Всё тише голос муз, всё пушек вид страшнее –
Вот-вот и заведут грохочущую речь.
Куда идём, мой друг? Какую эпопею
Готовит нам судьба? Что киевская сечь,

Поднявшись на дыбы, нам нынче показала?
Что пешки мы с тобой в игре больших господ.
Какие песни, друг, какие идеалы?
Затоптаны давно и пущены в расход.

И всё ж звучит одна – из той войны народной,
Когда и стар, и млад в едином шли строю.
Она о том, мой друг, что ярость благородна,
Когда приходит враг на родину твою.

Владимир Ефимович Молчанов – родился 9 февраля 1947 г. в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине, в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор одиннадцати книг стихотворений, поэм и переводов. Член Союза писателей СССР с 1990 г., член Союза журналистов России с 1983 г., член-корреспондент Академии Поэзии с 2001 г., лауреат премии Белгородского комсомола (1983), Всероссийских литературных премий, а также дипломант ряда областных литературных и журналистских конкурсов, заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин г. Шебекина и Шебекинского района. Стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки.

Живёт в Белгороде.

«Жизнь не проходит на земле бесследно...»

В русском небе светло и безбрежно

Венок сонетов

Надежда – последнее,
что умирает в человеке...

Диоген

1

Умирает последней надежда,
Но её хоронить не спеши,
Пусть она остаётся, как прежде,
В глубине онемевшей души.

Пусть лесов обветшают одежды,
Отшумят у реки камыши.
Перед тем, как закроются вежды,
Безнадежность в себе заглуши.

Пусть заснут все ветра беспробудно –
Снова их бушевать не зови.
И к тому, кому в мире так трудно –
Милосердие ты прояви.

Умирает надежда подспудно –
Перед смертью её позови.

2

Перед смертью её позови,
Как надежду и веру, Россию,
Чтобы смог с ней дожидаться мессию,
Всем смертям вопреки ты живи.

И любовь ко Христу прояви,
Чтобы сгинули бесы в бессилье,
Те, которых у нас – избылье,
И кто топит Россию в крови.

Но не бойся их злого суда.
Не скупясь на добро никогда,
Верь: спасение наше – в надежде.

И отхлынет беда, как вода,
Не останется даже следа
И сегодня, и завтра, как прежде.

3

И сегодня, и завтра, как прежде
Пред Россией душой не криви,
Не пятнай её чистой одежды,
Не предай её светлой любви.

Ни за что не поверю – хоть режьте! –
Да и ты душу зря не трави,
Что спасёт нас (вы грешных не тешьте)
От грехов наших Спас на Крови.

Унывать всё ж нельзя и не надо,
Ты осилишь любую преграду,
Лишь мгновенье своё улови.

Чтобы жизнь стала высшей наградой –
Ты надеждою душу порадуй,
Каждый день, как остатний живи.

4

Каждый день, как остатний живи.
Наша жизнь – это труд и веселье,
Чтоб найти в ней дорогу спасенья –
По теченью её не плыви.

Уваженье к себе прояви
Покаяньем, под Господа сенью.
Всё проходит: и труд, и веселье,
Остаётся лишь память в крови.

Мы живём от судьбы до судьбы,
В этом мире – мы Божьи рабы,
Нам бы жить беспечально, безгрешно.

Нам не надо беречь свои лбы,
Чтобы стало от нашей мольбы
В русском небе светло и безбрежно.

5

В русском небе светло и безбрежно –
С высоты можно мир весь узреть.
Умирает последней надежда,
Но в её не поверю я смерть.

Будь ты гений, иль будь ты невежда,
Гаснуть будешь сейчас или впредь,
И сегодня, и завтра, как прежде
Лишь надежда сумеет согреть.

Чтобы не было места на свете
Газавату и мерзкой вендетте,
Коиx руки по локоть в крови, –

На закате ли дней, на рассвете,
Будь за русское дело в ответе,
Туча зла – стороной проплыви.

6

Туча зла – стороной проплыви,
Чтоб наполнился мир добротой,
Чтобы видеть нам в грешном – святое,
Освящённое светом любви.

Всё, что скрыто в тебе – прояви,
Не оставь свою душу – пустою,
Разгляди в самом сложном – простое,
Но запретный плод всё же не рви.

Не стремись, ради жалких утех,
Первородный оправдывать грех,
Чтоб себя не сгубить безнадежно.

Не надеясь на лёгкий успех,
Струны сердца, как радостный смех,
Лишь тогда запоют безмятежно.

7

Лишь тогда запоют безмятежно,
Будто ангелы, птицы в саду,
Если в нас утвердится надежда,
Что Россия минует беду.

Как её на куски вы ни режьте –
Вечно жить суждено нам в ладу.
И сегодня, и завтра, как прежде,
Боль и радость делить на виду.

Как живём, так и жить будем дальше,
Знать не зная, кто – младше, кто – старше,
Как родня, все друг другу свои.

Отзываясь на дружбу, без фальши,
Запоют в полный голос, как раньше,
В онемевшей душе соловьи.

8

В онемевшей душе соловьи
Пеньем полнят окрестности лета, –
Значит, песенка наша не спета,
Ты мотив её сердцем лови.

Было сказано так – C'est la vie!
Мы за всех приручённых в ответе,
И свидетельством вечным о Свете
Озаряются думы мои.

Пой, Россия! – себя не тая,
Чтобы лучшая песня твоя
Прозвучала, как символ спасенья.

Нет покоя врагам – знаю я! –
Что такие в России края!
Впереди у нас тьма потрясений.

9

Впереди у нас тьма потрясений –
Уж таков у России удел.
Только всё же «собакам на сене»
Не оставить её не у дел.

Пушкин с нами, и с нами Есенин,
И другие, Россию кто пел, –
Оберегов её воскресенье
Не допустит у нас беспредел.

Как от жизни никчёмной и праздной,
Уходи от тоски непролазной,
Чтоб грядущее стало видней.

Прочь гони предсказателей разных,
Хоть не скоро в душе будет праздник,
Но мы всё же дождёмся тех дней.

10

Но мы всё же дождёмся тех дней,
Что наступят ни поздно, ни рано.
Заживёт незажившая рана
Неоглядной России моей.

Сердце Родины бьётся ровней,
Стали ближе далёкие страны.
Сон земли стережёт неустанно
Свет далёкой звезды всё верней.

И от этих высоких лучей
Той звезды ни моей и ничьей
Будет много добра и везений.

Вспыхнут звёзды миллионом свечей.
И в душе зажурчит, как ручей,
Колоколец надежды весенней.

11

Колоколец надежды весенней
И вчера, и сегодня, и впредь
Будет с вечною верой в спасенье
Жаворонком в зените звенеть.

В небе вспыхнет такое свечение –
 Вся душа начинает гореть.
 И от чудного птичьего пенья
 Так и хочется к солнцу взлететь.

И совсем не имеет значенья –
 Век живёшь на земле, иль мгновенье,
 Сколько было бессонных ночей,

Сколько было и будет видений,
 Если вновь колоколец весенний
 Зазвонит в нас звончей и звончей.

12

Зазвонит в нас звончей и звончей
 Величальная русская песня.
 Но заглушит ли звук её честный
 Все потоки фальшивых речей.

Видишь: стаи заморских грачей
 Занимают простор повсеместно.
 Русской песне становится тесно
 В онемевшей Отчизне своей.

Всё же, песня, прошу – не молчи,
 Не сдавайся, всё громче звучи
 Над простором России весенней.

Нам ни утром, ни днём, ни в ночи
 Не страшны никакие грачи,
 Умирает надежда последней.

13

Умирает надежда последней,
 Как же быть без неё, не пойму?
 По судьбе, как дорогой осенней,
 Мне так трудно идти одному.

Лжепророки державы соседней
 Мне пророчат тюрьму да суму,
 Ну, а я всё ж дождусь воскресений
 Всех надежд... Я их смерть не приму.

Интерес всех врагов наших ясен,
 Он не страшен для нас, но опасен,
 Только злу поддаваться не смей.

И не слушай о гибели басен,
 Свет последней надежды прекрасен,
 Вровень стань перед Вечностью с ней.

14

Вровень стань перед Вечностью с ней,
 С той надеждой, что вечностью станет,
 С той, что нас никогда не обманет,
 Жить с которою будет верней.

Жизнь и смерть – что быть может ясней?!
 Жизнь – врачует, погибель нас ранит.
 Но лишь только надежда поманит –
 Целиком отдаёмся мы ей.

Хоть с крестом на груди, а хоть – без,
 Норовит всех попутать нас бес,
 Подымая тяжёлые вежды.

Только кто бы к нам в душу ни лез,
 Мы отринем его интерес –
 Умирает последней надежда.

15

Умирает последней надежда –
 Перед смертью её позови.
 И сегодня, и завтра, как прежде
 Каждый день, как остатний, живи.

В русском небе светло и безбрежно.
 Туча зла, стороной проплыви,
 Лишь тогда запоют безмятежно
 В онемевшей душе соловьи.

Впереди у нас тьма потрясений,
 Но мы всё же дождёмся тех дней:
 Колоколец надежды весенней
 Зазвонит в нас звончей и звончей.

Умирает надежда последней –
 Вровень стань перед Вечностью с ней.

В судьбе моей останется навек...

Венок сонетов

1

Жизнь не проходит на земле бесследно –
Её теплом грядущий век согрет.
Живи всегда – о память! – ты бессмертна,
И помни тех, кого на свете нет.

Живая, ты течёшь в нас незаметно
И оставляешь добрый вечный след.
Тебя я, мама, помню неизменно,
Перед тобой всегда держу ответ.

Я в том повинен, что в твой полдень синий
Упал с волос, засеребрившись, иней,
Как будто раньше срока первый снег.

И я храню в душе все дни былые,
Когда смотрел в глаза твои живые –
Минувшее живёт во всём и всех.

2

Минувшее живёт во всём и всех.
Твой, мама, след особенно желанен,
Он близок и всегда так долгожданен,
В судьбе моей останется навек.

О чём хлопочешь в жизни, человек?
Заботой о бессмертье затуманен?
Не думаешь ли ты о том, как странен
И непонятен лет минувших бег?

Пусть в глазах моих померкнет свет –
Я отыщу во тьме твой, мама, след,
Которым дорожу я беззаветно.

Каким бы долгим ни был жизни срок
И сладким дым непройденных дорог –
Мы все умрём. И лишь душа – бессмертна.

3

Мы все умрём. И лишь душа – бессмертна.
Запомню час, запомню этот день,
Когда ушла из жизни незаметно,
Ни на кого не бросила ты тень.

Какая боль... Дрожит вода от ветра
В дубовой бочке, налитая всклень.
А ты лежишь строга и безответна.
Скребётся в окна ветками сирень.

Холодный свет мерцающей лампы,
Цветы, цветы... из твоего же сада,
Слепая бледность неподвижных век.

Стою перед тобою виновато,
А время клонит солнышко к закату.
Продли, душа, свой день, и год, и век.

4

Продли, душа, свой день, и год, и век.
Запомни жизни редкое веселье.
Когда справляли в доме новоселье,
Ты радовалась, мама, больше всех.

Я помню эти хлопоты и смех,
И неудачи наши, и везенья.
И мы летели в этот мир весенний,
Как голуби из-под обжитых стрех.

Но набок покосясь одним углом,
Без мамы постарел, осунулся наш дом.
В нём нет души... В нём стало пусто, бедно.

В нём свет погас – теперь уж не гореть.
В нём нет тепла... Здесь затаилась Смерть.
Моя печаль о матери безмерна.

5

Моя печаль о матери безмерна.
Но жизнь идёт и требует своё.
Ты, мама, огорчилась бы, наверно,
Увидев наше грустное жильё.

Ты подошла бы к дому незаметно.
И, вспоминая прошлое житьё,
Смела на кухне пыль... И худо-бедно
Подладила бы потолок её.

Но нет тебя... лишь вишни у ограды,
Они как будто мне совсем не рады,
И для меня их цвет давно померк.

Как Смерть страшна – теперь я это знаю,
Твоя же Смерть, как боль души сквозная,
Оплакать не смогу её вовек.

6

Оплакать не смогу её вовек.
И снова боль до головокруженья,
А в небе журавли, как наважденье,
Летят, летят над ленточками рек.

Куда летят? В какой далёкий век?
Кто примет их высокое служенье?
За ними листьев вечное круженье
Да запоздалых молний пересверк.

Летят, летят... А я от них вдали
Стою... И притяжение Земли
Взлететь не даст, и я смотрю смиренно.

В садах цветы давно все отцвели.
Прошли дожди... Лишь в небе журавли
Всегда со мной, и это неизменно.

7

Всегда со мной, и это неизменно –
Весеннее журчание ручья.
На мне пиджак с отцовского плеча,
И заводской гудок зовёт на смену.

О, память детства! – как ты откровенна:
В углу икона, на столе свеча,
И Пасха – нестерпимо горяча! –
Ванильным духом пышет неизменно.

И я бегу... Бегу на свет весенний,
Скворцы поют, синичек слышу пенье,
На дне ложбин последний тает снег.

И вот всё в прошлом... Лишь одна усталость,
Да в памяти, как добрый свет, остались
Улыбка мамы, чистый её смех.

8

Улыбка мамы, чистый её смех –
Той беспредельной скорби покорились,
И более ни в ком не повторились,
А ведь когда-то радовали всех.

Во мне тоска, как будто вечный грех.
Ведь с той поры, как мы навек простились,
Душа моя, почувствовав бескрылость,
Ни радостей не знает, ни утех.

А жизнь бурлит... Ликиют соловьи...
И смех вокруг... И радости свои...
Листва опять проклюнулась, пробилась.

Смотрю сквозь боль – в глазах сплошной туман,
Мне кажется, что это всё – обман.
Я видел Смерть – она мне не приснилась.

9

Я видел Смерть – она мне не приснилась,
Когда мне ужас душу раздирал,
Казалось мне, что сам я умирал, –
И это бесконечно длилось, длилось.

А время тихо в уголок забилося,
Где свет лампы мотыльком мелькал.
Соседка, закрывая блеск зеркал,
Привычно на икону помолилась.

И я стоял, как будто в полусне,
Не слыша в этой скорбной тишине,
Как судорожно сердце во мне билось.

О, как в тот миг безумно я устал!
Я видел Смерть... И я её узнал,
Когда она внезапно появилась.

10

Когда она внезапно появилась,
Я понял – появилась навсегда.
И с той поры пришла ко мне беда,
И духом злым в меня она вселилась.

Покинь, беда, – такую сделай милость,
Сойди на нет, как вешняя вода,
И вытащи на берег невода,
Чтоб в них душа отчаянно не билась.

Но ты не внемлешь, ты меня не слышишь,
Ты где-то рядом затаённо дышишь,
Приходишь, вечно крадучись, тишком.

Скажи мне, Смерть, ты кто такая, чтобы
Стоять сейчас, злорадствуя, у гроба,
Заполнив дом и двор наш целиком?..

11

Заполнив дом и двор наш целиком,
Народ молчаньем оглушил окрестность.
И музыкантов вечного оркестра
Одаривают – каждого платком.

Идут, идут... с цветами, кто с венком...
И вот я слышу: меди голос треснул...
И плач... И крики... Сердцу стало тесно...
И взвыл завод отчаянным гудком.

Последний путь... Песчаный косогор...
Сосновых веток не жалеет бор –
Бросает под ноги и скорбно, и уныло.

И как же этим мне не дорожить?
И как потерю эту пережить?
О, где мне взять и мужество, и силу?..

12

О, где мне взять и мужество, и силу
Пройти дорогой скорби и утрат?
Мне светит солнце!.. Только я не рад,
Мне кажется, что небо загрузило.

Вот с новой силой медь заголосила.
Приют последний... Мой прощальный взгляд...
«О, мать вечная! – так губы говорят, –
Мы все с тобою, все, кого растила...»

И вот уже готов могильный холм –
Покой твой, мама, и последний дом.
Ты нас за всё, родимая, простила.

В руках цветы – то для тебя букет,
Но не иду – в ногах и силы нет –
Чтоб возложить на мамину могилу.

13

Чтоб возложить на мамину могилу
Последние прощальные цветы,
Здесь не помогут мужество и сила
Бессилю сыновней доброты.

Чтоб через годы сердце не остыло
И души наши не были пусты –
Не забывайте вечные могилы
И в небо устремлённые кресты.

Не забывайте звёздочек печальных,
Что к нам упали из созвездий дальних,
Собой венчая холмик или холм.

Сказать об этом я не вдруг решился,
И нелегко – поверьте мне – сложился
Венок сонетов траурным венком.

14

Венок сонетов траурным венком
Несу тебе, как покаянью, мама,
А над землёю вновь летит упрямо
Клин журавлей – я с ним уже знаком.

Прощальный крик – и в горле горя ком.
Но разве это выскажешь словами?
Какие облака над головами!
Какая тишь осенняя кругом!

Прощай, прощай... Навеки... Навсегда...
Но пусть горит в ночи твоя звезда –
И путь мне освещает неизменно.

В травинке или, может быть, в цветке
Ты будешь жить, зернинкой в колоске –
Жизнь не проходит на земле бесследно.

15

Жизнь не проходит на земле бесследно,
Минувшее живёт во всём и всех.
Мы все умрём. И лишь душа – бессмертна.
Продли, душа, свой день, и год, и век.

Моя печаль о матери безмерна –
Оплакать не смогу её вовек.
Всегда со мной – и это неизменно –
Улыбка мамы, чистый её смех.

Я видел Смерть – она мне не приснилась,
Когда она внезапно появилась,
Заполнив дом и двор наш целиком.

О, где мне взять и мужество, и силу,
Чтоб возложить на мамину могилу
Венок сонетов траурным венком?..

Баян

Лирический дневник

1

У каждой песни есть начало
И продолжение на земле.
Какая музыка звучала
В былое время на селе.

Какие звонкие мотивы
По рощам плыли и лесам,
И жаворонок пел над нивой,
Девичьим вторя голосам.

Бывало, выйдут на поляны,
Когда закончатся жнива, –
От разноцветных сарафанов
Аж закружится голова.

А соберутся на вечерку
Под звон гармошечной пурги –
Такую выдадут чечётку,
Что берегитесь, сапоги!

То задушевные на диво
Польются песни из души.
О, до чего же те мотивы
Светлы, свежи и хороши!

А старики, на юмор хватки,
Судили так, достав кисет, –
Что лучше новенькой двухрядки
На свете музыки и нет.

Но со времён былых Баяна
Мир изменился – не узнать.
Всё реже слышу звук баяна
И песен что-то не слышать.

2

Мне про отца, я помню, часто,
Шутя, рассказывала мать,
Как безуспешно обучался
Он на гармонике играть.

Мы беднотой в деревне слыли:
Ни кур в сарае, ни свиней,
И всё, чем мы богаты были, –
Отца солдатская шинель.

Была она незапылённой –
Ворсинка каждая видна.
Была она такой суконной,
Какого нет сейчас сукна.

Мать на неё и не дышала
(Сейчас смешно и говорить):
Отцу шинельку разрешала
Она по праздникам носить.

И вот однажды с другом Костей,
Хитро отделившись от дел,
Отец пошёл к кому-то в гости,
Шинель заветную надев.

Он из гостей вернулся рано –
Но был уж вечер на селе,
Нельзя сказать, что был он пьяным,
Но всё-таки навеселе.

Мать у ворот его встречала,
Позёмка улицу мела.
С трудом отца она узнала,
А как узнала – обмерла.

Он шёл белеющей дорожкой,
Шёл без шинели, в пиджаке,
И за ремень держал гармошку,
Стуча басами по ноге.

И чтоб смелей казаться, громко
Тогда он матери сказал:
– Хоть расстреляй меня, на хромку
Шинель, как видишь, променял.

Мать опечалилась сначала,
Но хоть ругай, хоть не ругай –
Она в конце концов сказала:
– Ну ладно, шут с тобой, играй!

В соседний хутор потихоньку
В неделю раз отец мой шёл,
За четверть с гаком самогонки
Он там учителя нашёл.

Когда ж бутыль уже до днища
За труд учитель осушил,
Сказал отцу: «Тебе, дружище,
Медведь на ухо наступил».

Отцу б расстроиться, но батя
И тут по-своему решил:
Свою гармонь он продал брату
И шубу матери пошил.

Но мать опять в пальтишке сером
Его встречала у крыльца,
И музыкальная карьера
На том закончилась отца...

3

От нетерпенья изнывая,
Я был волнением обуян,
Когда соседу Николаю
Купили новенький баян.

Его отец смотрел нестрого,
А любопытно так смотрел,
Когда пальчонками потрогать
Я кнопки клавишей хотел.

А как он горд был и доволен,
Как он по-детски ликовал,
Когда с басами звучно Коля
Ему страдания играл.

Я за игрой следил упрямо,
Смотрел на пальцы, как баран,
И приставал липучкой к маме,
Чтобы купили мне баян.

И, как зазубренную фразу,
С нетерпеливостью юнца:
– Купи, – нудил, – сыграю сразу
Тебе «Страданья» до конца.

А мать, от всех моих стенаний,
Бросала будто невзначай:
– И без твоих, сынок, «Страданий»
Страданий в жизни – через край.

4

Концерт артистов местных в клубе!
Собралось в зале всё село,
Кто даже музыки не любит –
Всех любопытство привело.

Казалось мне, пчелиным роем
Гудела сцена и весь зал.
Когда же занавес откроют? –
Нетерпеливо каждый ждал.

Я знал, завидуя до смерти,
Не мог я этого не знать,
Что будет Колька на концерте
Нам «Коробейников» играть.

Когда же песня отзвучала,
Пришёл волнению конец,
И громче всех, сидевших в зале,
Кричал я другу: «Молодец!»

Домой я шёл в молчанье стойком,
Баян купить не приставал.
Я был уверен в том, что Колька
Своей игрою все сказал.

И – чудо! – нам поставив ужин,
Отцу мигнув, сказала мать:
– А разве сын наш Кольки хуже? –
Пускай научится играть!

5

Как занимался я, бывало,
Не зная отдыха и сна.
И вдохновенья прибавляла
Мне одноклассница одна.

С таким усердием учиться
Я не сумел бы никогда,
Когда б не думал, что певицы
В сравненье с нею – ерунда.

О, как душа моя хотела,
И как мечталось мне о том,
Чтобы она со сцены пела
В сопровождении моём.

Я терпеливым не был сроду,
А тут терпенье полюбил,
И «Во саду ли, в огороде...»,
Как дятел дерево, долбил.

Садилось солнце за лугами,
Жгли у реки друзья костёр,
А я учил с басами гамму
Остервенело – до мажор.

И как же мог я не стараться,
Когда музрук мне дал понять,
Что если выучу, на танцах
Доверит «Школьный вальс» сыграть.

Я прожужжал всем дома уши,
С баяном ел, с баяном спал,
И как на танцах будет слушать
Мой вальс Она – я представлял.

И сколько боли и страданья
В тот вечер вынесла душа?! –
Не оценив мои старанья,
Она на вечер не пришла.

Как я сыграл тогда – не помню,
Но уж чего я не забыл,
Так это то, что месяц ровно
К баяну я не подходил.

Всё ж, успокоившись немножко,
Я стал опять на нём играть,
Чтобы отцовскую гармошку
Своим умением оправдать.

6

Сегодня вспомнить даже странно,
Как наш сосед Лука Фомич
К нам приходил на звук баяна,
Блестая глянцем голенищ.

Усы подкручивая лихо,
Он говорил мне то и знай:
– Кончай тут арии пиликать,
Ты для народа поиграй.

Ремни плотнее подгонял я
И, как по памяти бродил,
«Вот мчится тройка почтовая...»
Со знаньем дела выводил.

Едва последнего аккорда
Касались пальцы невзначай,
Просила мама очень гордо:
– Сынок, «Лявонику» сыграй!

И я играл азартно, рьяно!
И, забывая про дела,
Из уважения к баяну
В кругу вся улица была.

Горохом сыпались заказы,
Я до седьмого пота мок,
И, как мне помнится, ни разу
Заказ не выполнить не мог.

Я после не без интереса
Узнал, что мой успех – не дар,
А до последнего диеза
Все знали мой репертуар.

И если даже не любили
Какую песню – всё ж меня
Опять сыграть её просили,
Мое достоинство ценя.

7

Я конкурс выдержал немалый.
Когда ж из дому укатил,
То всё село, конечно, знало,
Что я учиться поступил.

Я думал – там одни концерты,
Но мне сказали: – Не дури,
Два такта выучи с акцентом
И до репризы повтори.

И заставляли ту же фразу
Вновь повторять до сотни раз.
Так что – увы, – совсем не сразу
Мне песня русская далась.

О, песня русская, ты чудо! –
Летишь над миром соловьём.
И затеряться мне нетрудно
В многоголосии твоём.

И всё сильнее год от года
Во мне уверенность живёт:
Выходят песни из народа
И возвращаются в народ.

8

Да, время – песне не помеха,
Куда бы мир ни завело.
Я перед армией приехал
В своё родимое село.

По травам сочным и высоким
Тропинка юркая вилась
К моим корням, к моим истокам,
Откуда песня началась.

В плену родительской усадьбы
Я время тихо проводил,
Пока в субботний день на свадьбу
Меня земляк не пригласил.

Столы ломились от закуски,
Кричали «Го-о-рь-ко-о!» каждый раз.
И, как положено по-русски,
Несли подарки напоказ.

Вдруг я услышал: «Танцы! Танцы!..» –
Образовался вмиг кружок.
С трудом к баяну я пробрался,
Чтобы сыграть им так, как мог.

И «Научить ли тя, Ванюша...»
Я начал звонко – был резон,
Но мой баян никто не слушал,
И... завели магнитофон.

И все – от стара и до мала –
Пустились в этот дикий пляс.
И так мне вдруг обидно стало
За песню русскую, за нас.

Я зло сомкнул зигзаги меха,
Аж зарычал какой-то бас.
Что время песне – не помеха,
Я усомнился в первый раз.

9

Рассветы ранние встречая,
Спешу на речку без дорог
Моих шагов не замечая,
Земля уходит из-под ног.

Верба, чуть свет, в воде полощет
Худые веточки свои,
А на горе в дубовой роще
Уже умолкли соловьи.

Они устали рано очень
От песен утренних своих,
Оберегая днём и ночью,
И соловьят, и соловьих.

Тишь на лугу и на поляне...
И только синь во все края!
И, как деревня без баяна,
Так грустен лес без соловья.

От всплеска рыбы шли колечки,
Будто морщинки на челе.
И думал я у этой речки
О переменах на селе.

О многом я тогда подумал,
О многом я тогда узнал:
И что Лука Фомич уж умер,
Как будто песню заказал.

Что, став степеннее и тише,
Уехав напроочь из села,
Моя певица замуж вышла
И даже двойню родила.

Без сожаления и спеси
Сказала мне, что ей сейчас,
Как говорится, не до песен,
И песням тоже не до нас.

Семьёю занявшись и стройкой,
В когда-то песенном краю,
Продав баян сосед мой Колька,
Забросил музыку свою.

Ни хора в клубе, и ни соло,
Не то чтоб к песне пыл остыл,
Колхоз недавно даже школу
По части музыки открыл.

Баяны там звучат басисто!
Но что случилось на земле? –
Есть в каждом доме баянисты –
Не слышно песен на селе.

10

Опять луга, поля и плёсы
В тревожном гомоне галчат.
И неритмичные колёса
На стыках рельсовых стучат.

Опять над клином журавлиным,
Как исполины, облака,
И придорожная маслина
Желтей парного молока.

И хорошо мне, и печально,
И уезжать я не хочу,
И вместо тихих слов прощанья
Я беспокойно промолчу.

Вторые сутки еду кряду
В те незнакомые края,
И недоступна стала взгляду
Земля, которая – моя.

И я подумал, что надолго
Теперь потеряна с ней связь.
И вдруг широкая, как Волга,
В вагон к нам песня ворвалась!

В тиши звенящей, словно гусли,
Ей нет и не было конца.
Я снова вспомнил не без грусти
Гармошку давнюю отца.

И всё ловил себя на мысли,
Что между мной и нею связь.
Любовь моя к земле и выси
Не с русской песни ль началась?!

С той, что певала мать на ухо
У колыбели по ночам.
С той вековой «Э-эй, у-ухнем...»,
От коей плакал и молчал.

Из века в век, людей волнуя,
Над миром песни будут плыть,
И к ним любовь мою земную,
Как и самих их, не убить.

Играй, баян! Чтоб стало тесно
 На каждой улице села,
 Чтобы в моём народе песня
 Душою русскою была.

За пляски с хлопаньем в ладошки,
 За просветлевшие сердца,
 Спасибо, русская гармошка,
 Наследство доброе отца!..

Поцелуй от первого лица

– Не оборачивайтесь. Я передам инструкции и материалы, – голос таинственного собеседника, сидевшего за моей спиной, выдал крайнюю степень тревоги.

– А парабеллум?

– Простите, не понял, – судя по манере речи, человек старался говорить, не двигая губами.

– Расслабьтесь.

Возникла пауза. Наверное, расслабился.

– Под вашим стулом пакет, – чревоуещание продолжилось спустя минуту.

Сдвинув пятки, я обнаружил под стулом нечто шуршащее, наклонился.

– Нет, только не сейчас! Я ухожу. Вы не должны обращать на меня внимание.

Ансамбль ресторана «Фрателло» заиграл мелодию из фильма «Крёстный отец». Под звуки мандолины мимо меня проплыла спина в очень породистой, слегка оцетинившейся шубе. Интересно, зверьки, отдавшие свои шкурки, были испуганы при жизни, или это хозяин шубы так взволнован? Я достал пакет, пересчитал деньги, пробежал глазами письмо: «Наш общий знакомый сообщил цены и условия. Задача – создать информационный повод и разместить информацию в соответствии с прилагаемой суммой и договорённостями».

Если перевести на русский язык, получится следующее: «Хочу, чтобы вся страна видела, как я вылизываю задницу власти. Для этого необходимо придумать соответствующую историю, снять телесюжет и заплатить взятку, чтобы его показали по телевизору». Я достал мобильный телефон:

– Вася, привет! У меня тут очередные красавцы хотят эфира.

– У них повод есть?

– Как всегда.

– Будет повод – звони.

Вася – ушлый, продажный и обаятельный редактор новостей одного из телеканалов – как всегда угадал. Чиновники, бандиты, депутаты и прочие милые люди, именующие себя элитой,

Роман Михеенков – родился 11 февраля 1973 г. Окончил институт им. Б. Щукина (режиссерский факультет); Школу-студию А. Митты для сценаристов и режиссёров; Институт им. Гнесиных. Член Гильдии сценаристов РФ. Лауреат конкурсов «Большой финал» (2013), «Согласование времён» (2010, 2012 Франкфурт-на-Майне, Германия); лауреат конкурсов журнала «Лексикон» (2011, 2012 США, Чикаго) и конкурса фантастики «Фаншико» (2013 Украина), дипломант конкурса «ЛитоДрама 2011» (РФ). Автор сценария к художественному фильму «Есть тема!» и сценариев к документальным фильмам «Янка Купала. Незнаванное», «Взрослые игры».

Живёт в Москве.

думают, что, заплатив деньги, они запросто получают телесюжет в новостях о себе, любимых. А информационный повод – свежеслучившееся яркое событие, чтобы сюжет стал новостью, их обычно не волнует. А без повода – нет эфира, это же новости. Иногда приходится умолять: может быть, дом постройте, или больницу, ну хоть что-нибудь сделайте. Однажды мне удалось благое дело, которым буду гордиться до конца своих дней: я действительно спровоцировал постройку детского сада, чтобы найти информационный повод для появления в эфире очередного воруги.

Замечательный бизнес – телевизионные новости! Для рейтинга в них демонстрируют чернуху, расчленёнку, скандалы, катастрофы и метеосводки, потом, пользуясь этим рейтингом, повышают популярность первых лиц государства, а остальное время эфира либо затыкается чем-то нейтральным, либо благополучно продаётся. Кто-то размещает скрытую рекламу, другие отчитываются о целевом использовании бюджетных средств, вкладывая в это недоворованные остатки тех самых бюджетных средств, третьи – вылизывают власть. Точнее, все вылизывают, но попутно рекламируются, отчитываются и заявляют о себе. Как-то раз, по просьбе главы одной из беспокойных республик, в эфир сунули сюжет о торжественной сдаче моста через ущелье. Снимали, конечно, другой мост, а этот даже не начинали строить, тупо разворовав деньги. Особенно забавно в эфире выглядел кадр, перекрывающий косноязычие в интервью главы республики. Чтобы минимизировать словесную абракадабру и придать речи относительно человеческий вид, журналист, делавший сюжет, вырезал несколько совсем бессвязных предложений и склеил напрямую фразу «целевое использование бюджетных средств», а чтобы не было рывка видеоизображения, он закрыл склейку кадром, на котором была крупным планом взята звероподобно волосатая рука говорящего. Золотой «Роллекс» в шерсти был едва заметен. Рука делала нервные хватательные движения. Бюджет – хватать-хватать, средства – хватать-хватать. Проверяющие из Москвы всё равно побоятся проехать по этому мосту, даже если с ними не поделились украденными деньгами.

Уже много лет мне скучно смотреть новости. Я точно знаю, кто, кому, почему это заказал, и сколько это стоило. Доведение этих новостей до эфира для меня, как для размещающего, всегда приводит к одному и тому же несмешному анекдоту про новых русских: придумай мне, рыбка, три желания. В смысле информационный повод.

Детектив, организованный холуями нового заказчика, меня позабавил. Они долго выясняли, насколько я надёжен, потом проверили, не засланный ли я казачок, десять раз обработали нашего общего знакомого и только потом назначили встречу в ресторане, попросив заказать определённый столик и сесть на нужный стул.

Порывшись в досье их города, я восхитился масштабами воровства моего нового заказчика – свеженазначенного мэра. По предварительным подсчётам, если бы он не делился награбленным с вышестоящими персонажами и прокуратурой, его можно было бы посадить лет на триста – четыреста. И это за три месяца работы. Куда ни плюнь – статья. И где мне взять информационный повод? Отчаявшись, я прошёлся по социалке и, о чудо! – обнаружил мать-героиню, родившую восьмого солдата для стройбата армии РФ. Я схватился за телефон.

– Про эфир в новостях.

– ... Вы не туда попали, – голос моего собеседника выдал судорогу.

– Хватит шпионских игр, повод протухнет!

– Какой повод? – недоверчиво прошелестело в телефонной трубке.

– Информационный! – мне стали надоедать их конфиденциальные ужимки.

– Какой повод? – снова не понял мой таинственный собеседник.

– Ваша задача – найти во втором роддоме Марию Иванову. Она родила восьмого сына. Завтра её выписывают. Задача нашего...

– Не называйте имён! Пусть будет... друг...

– Наш... друг... будет встречать её с цветами и фанфарами. Пусть даст имя ребёнку: Владимир или Дмитрий. Это должны организовать вы. Сюжет будет про «год семьи», про солдата для армии и, главное, про то, что наш друг создал в городе такие условия, что бабы готовы рожать пулемётными очередями. Попросите друга сказать несколько внятных фраз о том, что я сейчас сказал. Хронометраж – минута десять секунд, эфир завтра вечером. Я доступно излагаю?

– Да, спасибо, а как мы всё это сделаем?

– За половину суммы, которую вы уже заплатили, это сделают без вас. Вам останется только привезти друга к нужному времени.

Вечером в аэропорту меня встречали мэрские опричники. Плохо скрываемая ревность, отягощённая завистью и подогретая жадностью, мешала им не только соображать, – дышать. Не обращая внимания на их щебет про необходимую встречу с мэром, я сказал шофёру: «Второй роддом».

Маша Иванова оказалась милой умиротворённой женщиной. В её спокойствии не было усталости или отрешённости. Она разговаривала с новорожденным сыном, как с взрослым человеком, без сюсюкания и ломания голоса.

Я представился человеком мэра, рассказал о завтрашней торжественной выписке.

– Музыка-то зачем? Сына мне напугаете.

– Мария, поймите, это так здорово, вы же особенная женщина.

– Нормальная. Можно без музыки?

– Мария, я постараюсь сделать так, чтобы новый мэр вам помог, квартиру больше дал, пособие на ребёнка.

– Мне уже сто раз обещали. Не стоит беспокоиться, молодой человек.

Я решил поспекулировать её материнскими чувствами, сказал, какой у неё очаровательный младенец, скорчил ему смешную рожу. Маша прижала ребёнка к груди, прикрыла свободной рукой, ограждая его от меня, обещаний мэра и всего мира.

Мне вдруг стало страшно. Это было незнакомое мне чувство, которого я испугался, как чего-то нового и неизвестного. Я оказался рядом с Машей и попал в поле её нежности.

Стало понятно, что Маша родила восьмого ребёнка не ради того, чтобы получить что-то от государства, не по религиозным убеждениям и не потому, что не знает слово «презерватив». Нежность...

Пока ехали к Машину мужу, меня трясло крупной дрожью. Я ненавижу себя за то, что уболтал её принять цветы от мэра и минуту постоять перед камерой.

Двухкомнатная хрущёвка поразила меня своим интерьером: всё пространство было заставлено спортивными кубками, а площади стен едва хватило, чтобы расклеить грамоты за победы во всевозможных олимпиадах. Математика, литература, история, астрономия... вся школьная программа.

Я ожидал увидеть жёсткую реальность, а получил очередной удар по стереотипам. Судя по всему, здесь не строга́ли детей, здесь ими занимались. Толика, мужа Маши, и троих его сыновей мы отвлекли от партии в преферанс. Младшему из игроков было лет восемь. Остальные четверо, как выяснилось, в зависимости от возраста, либо гуляли, либо выгуливали своих братьев.

– У нас проигравшие идут мусор выносить, – извиняясь, сказал Толик.

– Так вот, зачем вам столько детей.

– Не только. Преферанс развивает лучше шахмат. Я вам как математик говорю.

Судя по рассказам, Толик выстроил в своей большой семье ту самую вертикаль, по поводу которой периодически рефлексируют власти нашего безразмерного государства. Старшие занимаются средними, средние – младшими, а родители периодически контролируют процесс воспитания.

Мэр – результат скрещивания павлина с хорьком – встретил меня потным рукопожатием и бутылкой дорогого коньяка. Коньяк был хорош, но не действовал, в смысле не снимал отвращения. Мэр был мерзок и действовал чрезвычайно активно: постоянно подливал и говорил, что всё в моих руках. Я объяснил ему суть происходящего, продиктовал, что ляпнуть в камеру, рассказал, как поздравить роженицу, и поехал писать закадровые тексты для сюжета. Писать пришлось под каждый из оплаченных телеканалов, чтобы корреспонденты не повторялись и не выбивались из контекста.

Утром возле роддома я обнаружил замерзающий среди местных снегов городской симфонический оркестр в полном составе. Первая скрипка оскорбилась, узнав, что им предстоит играть исключительно туш.

Толик и семеро их с Машей сыновей согревались, играя в «царя горы» на огромном сугробе.

– Как сына назовёте, Анатолий?

– Дмитрием. В честь деда моего.

Странно, как могут уживаться два противоположных чувства. Я радовался, что с именем младенца всё удалось само собой, но был сам себе омерзитель, что могу этому радоваться.

Эскорт мэрских «шестёрок», как прыщ, выдавил из чёрного Мерседеса мэра и костюм от «Бриони». Костюм был на мэре, но существовали они отдельно друг от друга. «Бриони» было откровенно неприятно топорщиться на этом существе. Мэр поёжился, но от пальто отказался. Из багажника извлекли стожок красных роз. Корреспонденты получили свои тексты, операторы включили камеры, я махнул оркестру. Из двери роддома вышел весь персонал в накрахмаленных халатах, без верхней одежды, одна из медсестёр держала на руках свёрток с ребёнком.

А потом появилась Маша. Она сразу глазами нашла в толпе своих, улыбнулась. Толик, натыкаясь на операторов, побежал к ней, мальчишки за ним. Я подумал, что с ним это уже в восьмой раз, а от волнения не знает, что

делать. Толик одной рукой бережно взял у медсестры младшего сына, повернулся к жене, прижал к себе их обоих. Подбежали другие сыновья, повисли на родителях, стараясь взглянуть на младшего брата. Толик с Машей присели, мальчишки образовали вокруг них суетливую карусель. Отец семейства разрывался. Смотрел то на сына, то на жену. В какой-то момент я побоялся захлебнуться их нежностью и переключился на мэра, что незамедлительно позволило вернуться в привычное состояние – ощутить себя полным говном.

Вечером в Москве, предполагая пропить двухдневный курс крепких алкогольных напитков, я уселся у телевизора.

– ... Мэр уже отдал распоряжение о предоставлении семье Ивановых пятикомнатного коттеджа, – бодро щебетала мой текст корреспондентка за кадром.

Я выдохнул, опрокинул в себя рюмку, понюхал ароматный «бородинский», потянулся за закуской. Телефонный звонок редактора Васи отвлек меня от солёного огурчика:

– твою мать!

– Вася, ты вторгся в вечность между рюмкой и закуской.

– Ты что им написал?

– Пошли они все, – я захрустел огурчиком.

– Они-то пошли, только «сам знаешь кто» берёт это под личный контроль!

– А зачем придворные пиарщики «сам знаешь кому» телевизор показывают? Ему это вредно.

– Случайно вышло, говорят.

– Ну... Каждой твари по пиаре, – я ляпнул и возгордился собственными виршами.

– Ты устроил геморрой толпе народу!

– Вася, вы за это деньги получаете. От меня, в частности.

Вася бросил трубку. Наверное, в этом суть телевидения: ворваться в личное пространство человека в самый неподходящий момент, нагадить и отвалить. Я выпил за удачное стечение обстоятельств. Если «сам знаешь кто» взял это под личный контроль, что, естественно, иллюзия, значит: неленивые блоггеры, газетчики и телевизионщики, которые не пробились в личные пиарщики «сам знаешь кого», – будут постоянно муссировать эту тему. Личным пиарщикам «того самого» придётся поднять разжиревшие задницы, надавить на моего мэра и заставить его выполнить обещания, которые я дал за него в закадровом тексте. А это значит, что Маше, Толе и их сыновьям что-то перепадёт. Это снова тост! Ну, чтоб мне голову не оторвали.

Чез неделю в эфире прошёл сюжет: «сами понимаете кто» и мэр с «Бриони» разрезали ленточку перед домиком семьи Ивановых. Вечером раздался звонок:

– Здравствуйте. Вы в курсе событий? – снова звонил мой конфиденциал.

– Это кто? – я решил поиздеваться.

– Вы организовывали встречу матери-героини.
 – И?
 – Наш друг интересуется, почему в телесюжеты не вошло рукопожатие нашего друга и ... ээээээ...
 – Сами знаете кого, – помог я бедолаге.
 – Да-да-да, – узнал новый термин и обрадовался.
 – Потому что это тоже имеет цену.
 – А сколько это может стоить?
 – В зависимости от телеканала.
 – Это можно... устроить?
 – Можно, но нужен информационный повод. Тогда рукопожатие пойдёт как архив.
 – А какой повод?
 – Пусть наш друг подарит семье Ивановых... компьютер.
 Я нашёл точку взаимодействия добра со злом: мой сомнительный бизнес приносил не только бабло мне, но и пользу людям.

Здравствуйте. Мы хотим подарить Ивановым микроавтобус, – и это через три дня после эфира с рукопожатием.
 – Цены вы знаете.
 – Это не всё... Наш друг хочет, чтобы «сам знаете кто» приобнял его...
 – Вы с ума посходили! Он же натурал! Это к Брежневу.
 – Вы не поняли... Это должно быть... дружеское объятие...
 – Я не верю, что у вас есть это на видео.
 – В том-то и дело, что нет... Но у нас есть идея, как это сделать...
 – Вас к нему не подпустят, это невозможно.
 – Вы не поняли... Это можно снять и подмонтировать к имеющемуся видео.
 Как быстро учатся работать ушлые провинциалы.
 Роддом номер два был оцеплен местными ментами. На съёмочной площадке, то есть во дворе роддома, я обнаружил актёра, ростом, причёской, одеждой и пластикой похожего на «сами знаете кого». Со спины – вылитый. А другого и не требовалось. Актёра снимали только со спины. Процесс напомнил мне съёмки порно, которыми я с голодухи развлекался в молодости:
 – Начали... Стоп! Вы ему хотите руку оторвать? Нежнее.
 – Начали... Стоп! Вы его ещё поцелуйте.
 – Начали... Стоп! Как вы держите руку, ему же неудобно!
 В конце концов я нашёл нужное похлопывание по плечу, которое было тёплым, но не педерастичным, при этом мэр признал его объятием.
 После съёмки я быстро набросал смету и протянул её мэрскому заму.

Сюжет в эфире – 50 000.

Рукопожатие «сам знаешь кого» – 50 000.

Дружеское похлопывание «сам знаешь кого» – 100 000.

Поцелуй «сам знаешь кого» – 1 000 000 000.

Зам прочитал, ухмыльнулся, но смету взял.

Весне семья Ивановых получила от мэра домашний спортивный комплекс и путешествие в «Диснейленд», а Толика, учитывая его замечательный педагогический опыт, сделали директором гимназии. Я не знал, что им ещё подарить. Часть подарков вручал «сами знаете кто»: ерошил причёски мальчишкам, жал мэру и Толику руки, чмокал в щёчку Машу.

Летом, листая телеканалы в поисках футбола, я наткнулся на сюжет из Кремля. «Сами знаете кто» шёл мимо строя заискивающих лизоблюдов, пожимал им руки. В строю я увидел моего мэра. «Сам» остановился возле него, улыбнулся, пожал руку, дружески похлопал по плечу... наклонился... и...

... На экране внезапно появился диктор новостей, читающий текст с теле-суфлёра.

На моём мобильном телефоне высветился номер заместителя мэра.

она его пелёночки взяла,
идёт, прижав их к золотому чреву,
деревья, как беременные девы,
склоняют к ней
тяжёлые
тела...

Иверская

За что ж я Грузию люблю?
За скол в Бодбе сапфирный неба,
за то, что здесь, свершая требы,
с древнебиблейской
мтсукхареба
и нимб приемлют,
и петлю.

За храм, нанизанный на кедр,
Христову сохранивший ризу,
на купол острый глянешь снизу –
насквозь!
По царскому капризу
крестопрестольный
тетраэдр...

Я полюбить тебя смогла,
Пречистой Девы краю кринный,
за строгий свет икон старинных,
за то,
что дочку
звали Ниной –
она младенцем
умерла.

За то, что в феврале здесь льёт,
и я, пред Иверской рыдая
в стране далёкой, точно знаю:
Господь
печаль мою
смешает
с картвельской
влагою
её...

Знаешь, мама, не так-то уж трудно дышать – твой вопрос,
твой простой эпикриз,
заставляет меня нежной ложью шуршать, как обёрткой конфетки кис-кис:
всё нормально, я просто по жизни бегу, ветром бьёт прямо в сердце беда,
но к тебе хоть куда одним духом смогу без оглядки примчаться всегда!
Всё прекрасно, я просто сбываться спешу, вырвать сорных страданий траву,
и поэтому так учащённо дышу и в метро, задыхаясь, реву,
всё чудесно – уж мне ли не знать в чудесах обретённый нечаянно толк!
Я бегу, будто стрелка бежит на часах, я бегу, как обложенный волк.
Всё отлично – и я достаю вентолин, затанусь, словно хлопну стопарь,
и опять в добрый путь средь бензинных долин –

вечно странница, вечно Агарь...

«Ой, Наташа, опять тебе трудно дышать!» Нет, легко я, свободно дышу.
А как долго дышать – только Богу решать, я сама не дышать не решу.
Мама, ты не поверишь, но в астме есть свой, непонятный здоровому смысл:
механизм respiratio дарует сбой по сакральному замыслу числ –
и тогда вспять идёт в венах кровь, и вода обнимает до самой души,
гибнут страны и вновь восстают без труда в странном мире очкастой левши,
непрестанный восторг, задыхаясь, ловлю, красным воздухом вужизнь пьяна!
Как же я эту камфору-осень люблю, по судьбе – медсестра мне она.
Я ещё подышу сухожаром степей, ледяным керчаком полюсов,
я ещё повдыхаю макушки детей, гарь и прель среднерусских лесов,
силу мая вберу в разветвления бронх по болгарской скитаясь земле,
и вьетнамский, пропахший тунцом Хайдыонг, и французский saveur божоле...
Мама, я научилась ценить кислород только так – через спазм альвеол,
и дыханье с хрипящей вселенной рот в рот, и взрывающий горло укол,
через страх, что последним мог стать каждый вдох, так позорно –

в слезах и соплях,

через то, что одна лишь сама я и Бог видим в cerebro-тайных щелях!
Нет, не думай, что ты виновата, мой свет, хоть на маково в чём-то зерно:
ничего, ничего в моей памяти нет, что прощеньем не озарено!
Ты мне – родина, ты – сокровенный исток, с каждым днём все сильнее любя,
я в молитвы дочерней охранный платок нежно кутаю, мама, тебя...
Навсегда я – дитя, и по-детски чиста, я у ног твоих вечно сижу.
Успокойся же,
слушай:
устаи Христа
выдох-вдох
я дышу,
я дышу.

Из книги «Целитва»

Как стёрся образок Матроны, истаял на моей груди!
 На медный краешек неровный, сынок, с печалью не гляди –
 под этой ношей непосильной смогла бы разве выжить я,
 когда б не маленький оксидный значок иного бытия?!
 Впитало сердце жизнь металла, вклеился в тело лик родной,
 чтоб я дышать не перестала, не сдохла в яме выгребной,
 чтоб для тебя голубкой билась, забыв о сломанных крылах,
 да призывала Божью милость на аш-цепи в антителах...
 Наш быт библейский прост и светел: целуешь в голову меня,
 в шесть ровно телефонный петел нам возвестит начало дня,
 который даст тепла и хлеба, а больше и просить грешно,
 пока вдвоём мы смотрим в небо, пока оно у нас – одно.

*И образ мира, в слове явленный,
 И творчество, и чудотворство.*

Борис Пастернак

Поставь слова в таинственном порядке – и вдруг свершится чудо из чудес:
 стихотворенье оживёт в тетрадке, и лист бумаги возвратится в лес,
 и зашуршит листком в дубовой кроне, и кто-то сверху знак звезды подаст,
 напомнив о библейском Соломоне, творящем вечный свой «Экклезиаст»!
 Томленье духа или ловля ветра, молчанье, ночь наедине с собой...
 Арабский Питер, русский город Петра – вербальный эрратив,
 предсмертный сбой.

В замутнённом окне – фонари в октябре, дождь и хохот прохожих девах,
 осень там, осень здесь, в муравьиной норе, вдовьей шали, пустых рукавах...
 Затворить за собой отсыревшую дверь, отогреться казённым теплом.
 Воет память – несчастный измученный зверь, жизнь трещит,
 как хрущёвка на слом.
 Оглянусь, хотя разум кричит: «Не смотри, за спиной соляные столбы!»
 и увижу прекрасный узор маркетри той, несбывшейся, лучшей судьбы,
 вспомню Имя Небесное, словно со дна, поднимаясь к разрыву воды,
 и обетам другим по-другому верна обрету пониманья плоды.
 Крипты речи меня поведут за собой в подалтарную часть бытия,
 где трепещет во тьме свечевидный гобой и ему в попадание – я,
 где нетленно дыхание древних святых, а на книгах – Христовы тавра,
 где познаешь себя, словно врежут под дых где-то в точке седьмого ребра!
 Проступает на сердце библейская соль, мир воскресший осанну поёт –
 там любовь побеждает страданье и боль, где мой сын на молитву встаёт.

Елене Ефимовой

Лена спит. Осень сон навевает, сад просвистан ветрищем до дыр...
 Почему-то всегда так бывает – чуть уснёшь, и разрушится мир.
 В тонком сахаре инея астры, как десерт под marquis de giscal,
 а в небесном плывет алебастре петербургская птица печаль.
 Кто построил острог этот вечный, кто придумал, что надо страдать?!
 Ночь проходит, как приступ сердечный, чтоб назавтра вернуться опять.
 Заметают словами, снегами, бьётся в память большая волна...
 Жизнь – бумажная ложь оригами или тайного смысла полна?
 Что жалеть об утратах прошедших, в закромах уж и зёрен-то нет,
 рядом каждый второй – сумасшедший, каждый третий – великий поэт.
 Будь хоть лыком кевларовым шиты – всё обиды прожжёт кипятком.
 Нет от боли надёжней защиты, чем матронушкин ветхий платок,
 да багряная ксеньина блузка, да свечи негасимой отвес,
 да молитвы молчание русской, достающей до самых небес.

Дары волхвов

О, эта очередь, претерпий череда, середь враждебного бензинового града –
 туда, туда, где вифлеемская звезда, моё паломничество, горняя награда,
 светясь бессмертной радостью плода, висит на древнем древе вертограда!

Да, это я, в надвинутом платке, под испытующе разверзшим хляби небом
 держу Евангелие в скрюченной руке и со товарищи делюсь водой и хлебом,
 и покупаю свечи на лотке, чтоб дань отдать странноприимным требам.

Здесь все равны – бедняк и богатей, ребёнок и согбенная старуха,
 и я, бессильная, опять других сильней, судьба моя – служить плечом и ухом,
 как мать, внимаю пересчёту их скорбей и ободряю сокрушенья духа...

И вот – к Пречистенке последний поворот, я вся восторг и трепет, как другие!
 У врат высоких нас встречает Тот, кто в душах зрит и злые, и благие,
 и, зная это, крестно молится народ в иеротопии стихийной литургии.

Сюда явишися библейские волхвы, пав на колени средь торжественного храма,
 сложили чаши со дарами с головы и растворились в воскуреньях фимиама,
 орлы и человеки, львы, волы вошли в ларец с Христовой монограммой...

Лишь на мгновенье длань коснулась их –

и вместо сердца смирны мёд под грудью,
 открыта тайна знаков золотых, надмирный ладан вдруг вдохнули люди,
 и дух в блаженном выдохе затих... и так, нетленно, в вечности пребудет.

Редакция журнала «Великороссь» поздравляет Сергея Кобелева с 25-летием!

Сказка о принце-вороне

Вместо введения

Среди некоторых знакомых мне девочек встречаются те, кто хотели быть мальчиками, потому что мальчики сильнее, они умеют драться и переживают в своей жизни много опасных приключений. На мой взгляд, такие девочки лучше, чем те, кто с молодых ногтей думает о моде и красивых платьях, но всё же любой человек должен радоваться тому, что ему дано от Бога.

Я никогда не хотел быть девочкой. Я мечтал о приключениях и кровавых битвах, о добром коне и рыцарских доспехах. Но однажды мне в руки попала совсем другая книга. Это были «Записки Институтки» Чарской. Казалось, что эта книга вовсе не годится для воспитания мальчиков, но на меня она оказала совершенно неожиданное влияние. Когда я её прочитал, я понял, что девочки ничуть не хуже нас, мальчиков. Потом я читал «Маленькую принцессу» Фрэнсис Бернетт с тем же самым чувством. Мне хотелось защитить Сару Кру от её врагов, раскидать их, как я раскидывал порой своих дворовых и школьных противников, и главное, согреть осиротевшую девочку теплом своего сердца. Да, девочки не умеют драться, ни на шпагах, ни на кулаках, они порой так слабы и беззащитны, но они также, как и мы, делают свой выбор. И этот выбор – и есть самое настоящее приключение! Я обращаюсь к своим племянникам, крестнице Любе и к ещё совсем маленьким крестникам Святославу и Сергию. Я обращаюсь в их лице ко всем детям и подросткам. В вашей жизни может не быть шумных битв, мечей и кинжалов, но надо не забывать, что это всего лишь декорации. Истинное сражение и истинная победа происходит в наших сердцах, и каждый воин на этом поле должен гордиться тем местом, которое он занимает.

Сергей КОБЕЛЕВ

Сергей Константинович Кобелев – родился 27 мая 1989 г. в Москве. В 2006 г. поступил в Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет на Исторический Факультет. В годы учёбы в университете начал писать стихи и прозу. Осенью 2013 г. по благословению отца, протоиерея Константина Кобелева, начал работу по созданию филиала Бутырского музея при храме Покрова Пресвятой Богородицы на территории СИЗО №2. Поёт в Домодедовском церковном смешанном любительском хоре.

Живёт в Домодедове.

Бал

Принц Франц-Петер с неохотой поехал на этот бал. Когда родители уговаривали его ехать, он представлял себе, что ему придётся танцевать с девицами, мечтающими выскочить замуж, которые только и делают, что каждую минуту ломаются, деланно смеются, а между собой постоянно сплетничают и говорят о нарядах. К тому же бал – это ведь огромная толпа народа, непонятно чем занятого. Он с ужасом представлял себе, что он будет делать в этом скопище ветреных мотыльков и бабочек. Нет, он, конечно, мог бы попробовать потанцевать, но если бы там надо было только танцевать! И, разумеется, ему совсем не хотелось жениться в его двадцать лет, по крайней мере, не на девушке, которая только и мечтает, чтобы выйти за принца, потому что принц знатный, принц богатый, принц принадлежит к высшему свету и будет каждый день оплачивать её новое платье, покупать ей пирожные и терпеливо выслушивать все последние сплетни города. Он хотел прожить жизнь иначе. Больше всего на свете он боялся прожить её бесцельно, в погоне за золотом, славой и пустыми удовольствиями. Он любил путешествовать. Нет, это совсем не такие путешествия, к которым привыкли придворные и принцы, в золочёной карете, когда каждый твой шаг окружён заботой угодливых льстецов. Он любил путешествовать в одиночку или с самыми верными товарищами, любил бродить пешком по горным долинам, слушать пастушью свирель, встречать рассвет на берегу тихой речки. Он любил ночной свет костра, пенье соловья, весеннее пробуждение природы, долгие летние вечера, осенние листья и свежесть январского полдня. Он любил скакать на неосёдланном коне, любил выходить в море на рыбацкой лодке, любил общаться с простыми людьми: хитрыми крестьянами, догадливыми охотниками, смелыми и ловкими рыбаками, радушными деревенскими священниками и терпеливыми и мудрыми бродячими монахами. Когда человек путешествует один, он всегда имеет и время для того, чтобы остаться наедине со своими мыслями, и возможность поговорить с самыми разнообразными людьми, и, главное, он свободен от всякой навязчивой опеки, он сам решает, как ему распорядиться своим временем, идти налево или направо, быстрее или медленнее, задержаться или продолжать путь. Конечно, это время, время свободы, как он его называл, не продолжалось постоянно. Какое-то время он проводил в городе, посещая знаменитых учителей, какое-то время жил в родительском замке, где делал всё необходимое наравне со своим единственным слугой, старым Томом, который, разумеется, не мог со всем справиться в одиночку. Когда он жил в замке, он любил навещать своих подданных, – четырёх фермеров, кузнеца и мельника. На скромные средства, которые приносили эти шесть добрых малых, и жила семья принца – отец, мать, он сам и младшая сестра – Мари-Луиза. Да, ему не хотелось ехать на бал, но ему пришлось послушаться родителей.

– Герцогиня Д'Аламбер сказала твоей матери, что ты похож на сорняк, который растёт, где ему хочется и как ему хочется. Пора, наконец, приучить тебя к светскому обществу. Если я умру, тебе придётся возглавить наше небольшое королевство и несколько наших подданных, ты должен будешь общаться с королями и придворными других стран, хочешь ты этого или нет! – Король, весёлый и добродушный толстяк, сейчас казался рассерженным. Отдуваясь, он вытер платком покрасневшее от негодования лицо. Принц обиженно пожал плечами, невнятно пробормотал что-то в знак согласия и отправился выполнять повеление отца.

Когда он вошёл во дворец, где готовился бал, он еле туда протиснулся. В этой толпе никто не обращал на него внимания, и ему стало от этого легче. Он с удивлением смотрел на всё это великолепие и подумал, что это выглядит довольно забавно. Он неловко повернулся и толкнул толстого повара, который с важным видом нёс диковинный торт. Тот уронил поднос и застыл с выражением немомого ужаса. Красивая девочка, совсем ещё юная, пряча улыбку, сказала с напускной строгостью:

– Оливье, скажешь главному повару, что я приказала отдать этот торт моему любимому ослику, который намного умнее всей этой неуклюжей толпы.

– К-к-какому ослику? – пробормотал испуганный повар.

– Тебя это не касается, я сказала, что отдам его ослику, значит так и будет!

– Сударь, почему Вы не танцуете? – спросила девочка Франца.

– Я не из дрессированных ослов, меня пока что не научили танцевать.

– Я думала, что все принцы умеют танцевать! – Вы ведь принц, или знатный дворянин? «Она конечно красивая и весёлая, но нельзя слишком быстро сдаваться. Она, наверное, думает, что я богат и знатен, и если я полюблю её, то мне придётся гнаться за тем, чего я не желаю!» – подумал Франц.

– Нет, я вовсе не принц, я всего лишь слуга своего господина, он приказал мне прийти сюда, но мне больше нравится проводить время с четвероногими друзьями.

– Так ты пастух или конюх?

– Всё сразу!

– Тогда, пойдём, отнесём торт моему ослику. Может, ты поймёшь, почему он не ест последние два дня?

– С удовольствием! – согласился Франц.

Пастух и принцесса

Прошло несколько дней. Франц поселился вместе с пастухами принцессы Софи, единственной дочери старого короля богатого королевства, который души не чаял в своей взбалмошной девочке. Это был лучший способ сохранить своё инкогнито перед доверчивой принцессой. Она приходила к любимым животным и болтала с пастухами. Франц почувствовал, что что-то влечёт его к ней, несмотря на все доводы разума. «Может быть, если я останусь здесь, я, хотя бы, смогу видеть её, а если я раскрою свой обман, всё будет потеряно. Всё равно я и в облики принца слишком беден, для того чтобы стать её мужем». Он перестал обижаться на её едкие замечания. «Она такой же сорняк, как и я» – подумал он. Её взбалмошность, несомненно, была основана на наивности, свойственной юности. Но именно эта наивность и нравилась Францу в этой девочке.

Окончился ветреный и холодный февраль, пролетели март и апрель с их ручейками и таянием снега, и наконец пришёл тёплый ласковый май, время, когда светит солнце и растёт трава, деревья одеваются в тонкий шёлк нежных листочков, и хочется всё время проводить на природе. Однажды днём Франц-Петер отогнал стадо овец на берег реки, и пока овцы пили и паслись на траве, зашёл в теплую заводь, поросшую густым камышом, выбирая тростинку для дудочки. Найдя подходящую камышинку, он срезал её и отнёс в сарай сушиться. Через неделю он просверлил в ней дырочки. С этих пор он

редко возвращался со своим стадом в замок, проводя всё своё время на берегу реки и играя на дудочке. Управляющий не мешал ему проводить время, как хочется, тем более что овцы были в целости и сохранности. Как-то в один из этих тёплых вечеров, когда небо, как палитра художника, сочетало нежную лазурь, золото и багрянец с белым мазками облаков, плавно переходя в тёмно-голубые тона вечернего леса и поля, и последний луч догорал на прозрачной зыби речной воды, покой Франца нарушила Софи.

– Я случайно услышала, как ты играешь, и не могла пройти мимо. О чём ты думаешь, сочиняя эту музыку? Твоя дудочка как будто плачет, а затем рассыпается как горох по комнате, и ноги сами просятся в пляс.

– Я бы сказал тебе, но ты всё равно не поймёшь. Это нужно почувствовать сердцем, как тело чувствует прохладу, когда тыходишь в тихую речку жарким летним днем, и как руки согреваются у ночного костра, когда ты подносишь их к огню. Может быть, однажды ты почувствуешь тоже самое, что и я, и тогда твоя душа наполнится теплом, как будто чашка чая согрела тебя изнутри. Я не богат и у меня нет замков и дворцов, но я чувствую себя счастливым. Для того, чтобы быть счастливым, порой достаточно какой-то мелочи. Помню, в детстве, я шёл зимним вечером по городу, и снег искрился в свете фонарей. Я смотрел на этот снег и чувствовал себя абсолютно счастливым, потому что снег был прекрасен, и ничто не мешало мне наслаждаться его красотой. Мы живём в мире, где ещё осталась красота, несмотря на всю грязь, которая окружает человеческую жизнь. Для того, чтобы уметь петь, надо сперва научиться слушать и видеть, замечать, как дрожат молодые листочки, слышать каждую струйку весеннего ручья, чувствовать прохладу майского вечера.

– Я думаю, что отчасти понимаю тебя. Когда я стояла здесь и слушала, как ты играешь, я чувствовала себя кусочком этого мира. Куда-то делись моя скука и все мои заботы, мне казалось, что время остановилось.

Никогда прежде у Франца и Софи не было такого счастливого лета. Они часто бывали вместе, играли на дудочке, пели и каждый миг ощущали себя частью мироздания, такого огромного, но уютного. Но вскоре наступила осень. Леса разукрасились золотом и багрянцем, поля оделись туманом и серебряным звоном дождей. Вечера становились короче, и Франц и Софи стали реже видеться. Тем временем в замке Софи начали происходить перемены. Её отец стал всё больше зависеть от соседнего княжества, которым правил принц Дитрикс, великолепный и блестящий как мраморная скульптура, но такой же холодный и чёрствый. Поговаривали, что он метит на императорский престол. Со своего первого приезда он начал показывать особое расположение к юной принцессе. Девушка чувствовала, как её сердце сковывает холод, когда Дитрикс приближался к ней, а если он начинал разговаривать с ней, она чувствовала такой безотчётный ужас, что теряла всю свою бойкость. Когда отец Софи посоветовал ей быть повежливее со знатным гостем, она расплакалась и убежала. Три дня и три ночи она не выходила из своей комнаты, отвергая все советы сердобольных нянечек и тётушек.

Узнав об этом, Дитрикс забеспокоился. Если ему не удастся жениться на Софи, ему будет гораздо сложнее прибрать к рукам соседнее княжество. Тёмной осенней ночью вскочил он на вороного коня и умчался в лес. Там, в густой непролазной чаще текла небольшая речушка с водой красноватого цвета, на которой стояла водяная мельница. Редко кто осмеливался приблизиться к этой мельнице и тем более заговорить с её хозяйкой, имени которой никто не знал. Однако поговаривали, что нет в империи более сильной

и могущественной ведьмы, чем хозяйка мельницы на красной реке. Дитрикс соскочил с коня и нетерпеливо постучал в дубовую дверь.

– Открывай старуха, дело есть!

– Знаю я твоё дело! Не видать тебе ни молоденькой принцессы, ни императорского трона, пока жив ещё Франц-Петер.

– Так что же мешает убить его?

– Не так просто убить того, у кого доброе сердце. Каждый раз, когда я пыталась навести на него чары, его ангел-хранитель мешал мне исполнить задуманное.

– Нет такого ангела, который бы помешал мне добиться цели!

– погоди, я могу помочь тебе! Софи иногда относит ему молоко, не мешай ей это делать. Подсыпь незаметно этот порошок в молоко, и пусть Франц выпьет его!

Софи вышла из комнаты, только когда ей пообещали, что она вольна жить так, как ей хочется, и что ей больше не будут мешать выходить из замка. Первым же делом она взяла молоко у молочника, в которое Дитрикс уже положил ведьмино зелье, и пошла искать Франца. Тот сидел на берегу реки и смотрел на золотые листья, кружащиеся на воде.

– Почему ты такой грустный сегодня? Я так рада тебя увидеть, а ты грустишь!

– Знаешь, я давно тебе хотел рассказать. Никакой я не пастух. Я наследный принц одного очень маленького королевства. Однако в остальном я не соврал тебе, – я действительно очень беден. Может быть, мы с тобой больше и не увидимся, но я хочу, чтобы ты знала – я полюбил тебя с самого момента нашей встречи. Ты и милая, и смешная, смелая, но хрупкая, умная, но доверчивая. Я никогда не забуду твой первый взгляд, я как будто утонул в глубине твоих глаз. Твоё доброе сердце лучше всей твоей внешней красоты. Я верю, пройдут года, у тебя родятся внуки, и ты уже не будешь такой юной и неопытной, но люди по-прежнему будут тянуться к тебе, потому что твои глаза не будут стареть, потому что твоя улыбка останется такой же доброй и милой. Если мы расстанемся – помни о том, что я любил и люблю тебя. Больше всего на свете я хотел бы назвать тебя своей женой, боюсь, правда, что это невозможно.

– Почему же невозможно? Я тоже люблю тебя, Франц. Никому и ничему я не позволю разлучить нас. Ты должен верить в своё счастье, и тогда оно несомненно придёт!

– Дай-то, Бог.

Они сидели на берегу реки и смотрели на закатное солнце.

– Я тебе молока принесла, – тихо сказала Софи.

– Вкусное молоко, спасибо, – ответил Франц, отпив немного из кувшина.

Они посидели ещё немного.

– Уже поздно, давай я провожу тебя до ворот замка.

Тяжёлая дверь захлопнулась за спиной у Софи. Франц посмотрел ей вслед и повернулся, чтобы уйти, но ноги его не слушались. Он схватился за сердце и беззвучно упал на дорогу. Через несколько дней его хватились, но никто так и не смог узнать, куда он пропал.

Знакомые мелодии

Софи очень тосковала по Францу. Прошло три долгих года. Со временем её боль не ушла, она просто стала глуше, затаилась в уголке души. Всё это

время Дитрикс безуспешно пытался заставить её выйти за него замуж. На все его уговоры она стойко отвечала «нет». Наконец Дитрикс силой захватил её замок. Королевство отца Софи настолько ослабло, что никто не вышел на встречу войскам завоевателя. Каждый думал только о себе, кто-то боялся за свою жизнь, кто-то надеялся на милости от нового правителя. В этот суровый год Дитрикс решил, что настала пора захватить императорский престол. Тихо и бесшумно вошли его войска в столицу. С отрядом убийц проник Дитрикс в покои старого императора и вонзил нож в его спину. На следующий день были объявлены торжества, а через месяц должна была состояться коронация. Софи тоже была приглашена, и она понимала, что ей не дадут отказаться от приглашения. Мало того, ей было велено передать, что она должна стать женой Дитрикса в самый день коронации, иначе полетят головы её родных и многих ни в чём неповинных людей. Боль и смятение царили в душе девушки.

Жизнь тем временем текла своим чередом. У каждого из жителей империи были свои заботы и переживания. Тяжело и нерадостно было на душе у придворного композитора Эмиля Д'Артуа. Будущий император заказал ему целую симфонию, но сердце музыканта молчало. С неохотой он брался за эту работу, и у него никак не получалось написать что-то достойное. Однажды он долго сидел за письменным столом и заснул, оставив нотную тетрадь открытой. Проснувшись, он увидел слегка неровные ряды нот на открытом листе. Он посмотрел на них, и в голове его зазвучала дивная мелодия. На следующий вечер он снова оставил тетрадь открытой, а сам притаился за занавеской. Долго ждал он появления неведомой музыки и ненароком заснул. Утром он увидел следующий лист симфонии. Эмиль тщательно осмотрел подоконник и увидел едва заметный чернильный след птичьей лапки. «Так это птица пишет симфонию?», – подумал он. В одну из ночей он и вправду увидел ворона, старательно выводившего корявые ноты на листе бумаги. Затаив в глубине души свой секрет, отнёс композитор чудесную симфонию заказчикам. Настал день торжеств. Холодной и бесстрастной казалась принцесса Софи, как будто ей удалось отрешиться от всех земных тревог и радостей. В положенный момент должна была состояться премьера симфонии. Зазвучали первые звуки. Принцесса изменилась в лице.

– Тебе нехорошо? – Я прикажу сейчас же остановить эту какофонию!!! Казнить композитора!!! – закричал Дитрикс.

– Не надо, не надо, я хочу слушать её снова и снова, ты знаешь, я так на нервничалась с этой свадьбой и стала очень сентиментальной. Позволь девушке поплакать, ты знаешь, как мы это любим!

– Как хочешь, – пожал плечами Дитрикс и махнул рукой: – Продолжайте!

Напуганные музыканты продолжили сперва робко, потом набрались смелости и отдались чарующим звуком. Принцесса не могла скрыть слёз, со всех сторон на неё глазели удивлённые придворные, но она не замечала ничего вокруг себя. После концерта, придя в себя, она позвала композитора.

– Это ведь не ваша мелодия, – тихо сказала она.

Испуганный композитор рассказал про загадочного ворона.

– К сожалению, ему хулиганы подшибли крыло, он кое-как доскакал до кустов, и больше я его не видел.

– Коня! – вдруг вскрикнула принцесса.

Композитор вздрогнул. Сентиментальная огорчённая барышня внезапно превратилась в амазонку. Через минуту она уже скакала во весь опор с

волосами, развевающимися по ветру, сидя на неосёдланном скакуне. «Вот кусты, о которых он рассказывал», – девушка наклонилась, остановив на скаку лошадь. «Смотрите вот перо, а вот ещё одно. Вот и он сам!!!». «Франц, в кого же они тебя превратили!!! Прочь, прочь от этих мест!!!» – Девушка пришпорила коня, прижав к груди раненую птицу. Они скакали несколько часов, до тех пор, пока конь не оступился на крутом повороте над пропастью. Девушка запуталась в колючем кустарнике, не в силах пошевелиться. Тщетно она пыталась освободиться. По свисающим веткам медленно поползла змея, стремясь ужалить девушку. Раненый ворон вырвался из её рук и напал на змею. Он одолел её в этой схватке, но обессилел, отравленный ядом. Девушка высвободилась из кустарника и склонилась над вороном.

– Франц, не умирай, я прошу тебя, я любила всегда только тебя одного!

Горячая слеза коснулась груди ворона. Девушка отвернулась, а потом вдруг не обнаружила птицы рядом с собой.

– Софи, пришло время побеждать!!! – раздался за её спиной знакомый голос.

– Франц!!!

– Скорее, пойдём!!! Ты ушиблась, обопрись на меня, так легче будет идти. Мы должны до рассвета добраться до замка одного из моих друзей – там мы будем в безопасности. Победа будет за нами!!!

По всей империи разошёлся клич, брошенный Францем. Объявился законный претендент на трон!!! Отовсюду стекались рыцари и крестьяне, сапожники и кузнецы, охотники и рыболовы. Каждый брал с собой привычное для него оружие. Дитрикс проиграл несколько битв. И вот наступил день, когда соперники сошлись у стен столицы. В какой-то момент они оказались лицом к лицу на мосту над пропастью. Воины замерли, наблюдая за поединком предводителей. Удар за ударом отеснял Франц Дитрикса к краю пропасти. В последнем усилии замахнулся Дитрикс на яростного принца и поскользнулся в крови. Его крик отразился эхом в скалах и стенах города.

На следующий день вся империя праздновала свадьбу и коронацию Франца и Софи. Такой радости давно не было в империи. Тела Дитрикса так и не нашли, но крестьяне с ужасом рассказывали о зловещем вороне, поселившемся в расселинах скал. Кто знает, быть может, это дух Чёрного принца не может найти себе покоя по ту сторону бытия?

ПОЭЗИЯ

Анатолий ГРЕБНЕВ

Анатолий Григорьевич Гребнев – родился в 1941 г. в с. Чистополье Котельничского района Кировской области. В 1965 г. окончил Пермский медицинский институт, работал в сельской больнице Кировской области, продолжает работать врачом в Перми. Окончил литературный институт им. М. Горького (1970–1976). С 1978 г. – член Союза писателей России. В 1972 г. вышел первый поэтический сборник «Приволье», включавший и поэму «Бессмертник». За ним последовали «Родословная» (1977), «Зелёный колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Храм» (1991). Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ (2004).

Живёт в Перми.

Всекрестьянский холокост

А ты не верь...

А ты не верь, что стал народ покорным!
 Пусть вражьи орды рыскают везде.
 Найди опору – родовые корни –
 И утвердись в родительском гнезде.
 Ходи-броди по дедовским опушкам,
 Умой в ручье прозревшее чело.
 И чтение – Евангелие да Пушкин –
 Душе не надо больше ничего.
 И как бы нас за горло ни держали –
 Найдём свои начала и концы
 И всё-таки вернём свою державу,
 Как в грозный час спасли её отцы.
 Вся школа на линейку встала.
 Мгновенно смолк привычный гам.
 Навзрыд директор: «Умер Сталин...»
 Нас распустили по домам.
 Не помню, как я шёл из школы,
 Отстав от сверстников своих,
 Хоть заводила был и шкода,
 Но дома скуксился, притих.
 Срядилась мать чуть свет за сеном.
 В избе, огромной и пустой,
 Казалось мне, я брошен всеми
 С такой вселенскою бедой.
 На русской печке у кожуха,
 Где был мой терем-теремок,
 Я плакал горестно и глухо
 И горя выплакать не мог.

Как жить, как жить теперь мы станем? –
 Душою детской не понять.
 Не верил я, что умер Сталин.
 А вдруг враги придут опять?
 Летят-свистят года-кометы,
 Прозренье позднее дая.
 Не стыдно мне за слёзы эти –
 Ведь плакал, видно, я не зря.

Куда тебя не заносило!
 Но вновь домой тебя несла
 Центростремительная сила
 Полузабытого села.
 И вёл тебя с путей окольных
 Под сень родных надёжных мест
 На свет высокой колокольни
 Надетый здесь нательный крест.
 Любовь ли первая манила,
 Что и поныне дорога?
 И материнская могила,
 И те заветные луга,
 И корабельный бор, и поле,
 Где ходуном ходила рожь?
 Неужто снова в Чистополье
 Ты старой улицей идёшь?
 Идёшь ты весел, да не очень –
 Печаль верёвочкой завей!
 Давно забиты тёмом очи
 Избы родительской твоей.
 Но ты взгляни: на том же месте –
 Скажи теперь, что чуда нет! –
 Изба сияет, как невеста,
 В очах живой зажётся свет!
 За это явленное чудо –
 Смотрю в слезах из-под руки –
 Спасибо вам, родные люди,
 Земной поклон вам, земляки!
 В избе вовсю кипит застолье,
 Народ справляет торжество –
 Не Богородской ли престолье,
 Иванов день иль Рождество?
 Мне всё равно – признаюсь честно!
 Ведь полыхнул в душе огонь.
 Народ давно созрел для песни.
 Ну, где ты, матушка-гармонь?

Гармонь в душе бывшее будит,
 И снова вера ожила.
 Россия есть – Россия будет,
 Вовеки будет, как была.

Трое в Троицком

В. Крутину, А. Заболоцкому

Нет кручины без причины –
 Это истинно, браток.
 Но осилит все кручины
 Нашей родины исток –
 Для души необходимый
 До могильного креста –
 Наш, Владимир, край родимый,
 Наши кровные места!
 Вот поэтому, дружище,
 Мы с тобою не грустим.
 Мы чужбинушки не ищем,
 Мы на родине гостим.
 Отрешён от жизни плотской,
 Здесь, где свет и тишина,
 Вместе с нами Заболоцкий,
 Друг-сподвижник Шукшина.
 И, конечно, не напрасно –
 Вот спасибо, удружил –
 Сам я кисть калины красной
 На божницу положил.
 Сговорились – «покорились»
 В славном Троицком втроём,
 Это просто Божья милость –
 Чуть от счастья не поём!
 Хоть на время позабудем,
 Что такое грусть-тоска.
 Аль нельзя крещёным людям
 Порасслабиться слегка?
 И взамен Москвы и Вятки
 Молодецкое житьё –
 Задушевная двухрядка
 И неслабое питьё.
 Постоим над крутояром –
 Что тут, братцы, за места! –
 Только втуне, только даром
 Пропадает красота.
 Будто чёрный вихорь вымел
 Деревеньки все окрест.

От села осталось имя
 Да ещё поклонный крест.
 Как сказал Белов Василий
 (вражьей своре – в горле кость!)
 Продолжается в России
 Всекрестьянский холокост.
 Но не пусто свято место –
 Оживляя дивный вид,
 Там, где храм стоял известный,
 Свет-часовенка стоит.
 Свет её – души опора!
 Люди вновь сюда придут,
 Вновь поселятся – и скоро
 Благодать здесь обретут.
 Это батюшки раденье! –
 Я заздравный подниму.
 Мы споём благодаренье –
 Лета многая ему.
 Дни и ночи пролетели –
 Счастьем на душу легли.
 Зарядились, как Антеи,
 Мы от матушки-земли.
 Я глаза свои закрою,
 Улечу за окоём:
 Снова в Троицком мы трое
 Лета многая поём!

Не село, а поселение.
 Не народ, а население.
 И зовут нас, ну не грустно ли? –
 Россияне, не русские.
 Деревеньки все повымерли.
 Помню каждую по имени.
 И от колоса до колоса
 Не слышать на поле голоса.
 Там весёлые, с иголки,
 Самосевом сосны-ёлочки.
 Эх, гармошка красномехая!
 Раньше шло-брело да ехало.
 Но опять на те же грабли мы –
 И раздеты и ограблены.
 И под вздохи наши тяжкие,
 Самогонка льётся с бражкой,
 И уходит население
 В небеса на поселение...

ПРОЗА

Борис КАТКОВСКИЙ

Серьёзное дело

Для тех, кто держал в 80-х годах прошлого столетия подружейную собаку, настоящая охота начиналась в Подмоскowie на следующий день после открытия сезона – стоило пройтись с легавой или гончей по близлежащим водоёмам, как пёсик сам приносил вам несколько подранков. На моей памяти, под Звенигородом, до первого выстрела ведущего, курцхаар добыл девять живых (!) подранков, причём «вытаптывал» болотце не с хозяином, а с малознакомым охотником. У владельца кобеля сердце забарахлило не вовремя, вот и пришлось на своём раскладном стульчике с краю кочкарника «руководить процессом». Вы бы слышали, какие смешные команды отдавал поначалу новоявленный «собаковод», чтобы забрать добычу: «Побойся Бога, псина страшная!!!» «Плюнь её, кому говорят!!!» «Вот пойду вперёд тебя, будешь знать!!!» «Не верти мордой, клади в сумку!!!» Пока хозяин справился с гомерическим хохотом и объяснил, что достаточно банального: «Отдай!», пара добытчиков натоптала уже трёх крякв и чирка. Ещё они выгнали на чистую воду парочку достойных целей под ружьё хозяина, одну подняли на крыло, тут уж и мне улыбнулось – птица потянула в мою сторону.

И опять шорох травы, прерывающийся знаковыми возгласами: «Отдай! Ай, молодец!» «Опять отдай!» «Где ты их берёшь? Тьфу ты, отдай!!» «И эту отдай!» Хозяин пса ёрзал и подпрыгивал на раскладной сидухе – он всей душой рвался туда, в полусухие ломкие камыши, по щиколотку, а то и по колено в чуть ржавую, вкусно пахнущую осеннюю болотину, туда, где по-настоящему «работала» собака. Да и я полностью разделял его чувства, даже смотреть на это со стороны было сродни чуду, а уж участвовать... Наконец на самом краю узенького болотного языка, когда оба героя дня были не только слышны, но и почти видны, раздались последние аккорды их марша: «Ну, куда ты мне под ноги полез? Чего тебе там, мёдом намазано? Ой! Прости дурака, ну она ж не двигалась... Умница!!!»

Борис Борисович Катковский – поэт, бард, лауреат конкурсов военно-патриотической песни и декламации, песен о Москве, фестивалей авторской песни, международного поэтического конкурса «Классный час» (2010), лауреат литературно-общественной премии «Звёздная строфа» в рамках конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2008-2011», диплом имени С.А. Есенина конкурса «Галерея избранного стихотворения» в номинации «Страна великая». Автор поэтических сборников «Старая колода» (2010), «Парный танец» (2011).

Живёт в Москве.

Извазюканные, но счастливые и гордые, пёс и человек выбрались на сухой бугорок и направились к нам, чтобы сгрузить трофеи и отдохнуть от трудов праведных. Результатом охоты довольны были все, единственное, о чём сокрушался загонщик – он, де, ни разу не выстрелил. Собака вошла в его положение и, не доходя до нас шагов пятнадцати, – встала в стойку: замерла на трёх лапах, поджав правую переднюю. Вытянувшись струной, она всем телом, от кончика носа до хвоста, превратилась как бы в указатель, транспарант: «Птица здесь!» Вот только расположение стрелков было самое неприятное: мы стояли друг напротив друга, ружья у всех поставлены на предохранители, расслабились немного, моё – даже висело на ремне за плечом.

Первым сообразил, что делать – хозяин пса. «Обойди по дуге!», – театральным шёпотом, семафоря руками, скомандовал он. «Слева заходи! Сам же просил пострелять!!!» Просветлев лицом, обладатель девяти птичьих тушек на цыпочках, поскрипывая кожей патронташа и резиной болотных сапог, обогнул легавую, снял ружьё с предохранителя, приложил приклад к плечу и... засомневался. Видно же было, что ему очень хочется скомандовать собаке: «Вперёд!», чтобы она спугнула птицу, заставила её подняться на крыло под выстрел охотника, но что-то его удерживает. Хозяин псыны вскочил на свой многострадальный стульчик. Продолжая размахивать руками, он, уже не сдерживая голос, спросил: «Ты что застрял? Опять забыл команду?» «Не...», – напряжённо отозвался тот. «Там наша машина стоит, как пить дать – заде-ну!» «ТАК ОБОЙДИ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ!!!», – опять перешёл на громкий шёпот хозяин. Поскрипывая амуницией, охотник завершил полукруг почёта в обратную сторону, снова взял ружьё наизготовку. Постоял немного и нервно произнёс: «Представляете, скажу пёсику – “Ату!”», а там никого нет...»

На знакомое слово легаш дёрнулся вперёд, из-под его носа выметнулась здоровая кряква и, забирая чуть влево, понеслась к лесу, судорожно взбивая воздух крыльями. «СТРЕЛЯЙ, УЙДЁТ!!!», – заорал хозяин. «Тебя ж потом собака УВАЖАТЬ НЕ БУДЕТ!» Первая порция дробы, хлестнувшая по боку кряквы, вроде бы не нанесла ей видимого урона, только толкнула её и заставила ещё резвее махать гулко свистящими крыльями, зато вторая, – видно, более крупная, – крутанула тушку в воздухе, резко остановила, направив полёт к земле почти под прямым углом. Первой к битой птице успел курцахар, хотя и стрелок не намного от него отстал. От полноты чувств он схватил пса в объятья и поцеловал в морду. Потом отобрал утку и, подняв её на вытянутой руке, как на параде, прошествовал к нам.

Его лицо сияло неподдельным восторгом, шаг был степенен и широк, вот только наша реакция его слегка настораживала, а мы – потешались от всей души: за его спиной манерно вышагивал пёс, с умильным выражением на морде, таща в зубах ещё одну, ну очень похожую утку... Где уж он её ухитрился добыть – неизвестно, только пару они с охотником составили уморительную. Мы сначала сдерживались, так, слегка подхихикивая, но потом, когда человек, глядя на нас, начал нервничать, не понимая причины такого веселья, стали уже более откровенно «хрюкать» в ладошку, ну и совсем заржали, когда он обиделся и стал проверять – застёгнута ли штаны? Мол, нашли над чем смеяться... Даже когда охотник остановился и «напарник» несколько раз ткнул ему в ногу, разрешая забрать и этот трофей, до него не сразу дошло происходящее. Зато потом он присоединился к нам, и мы покатывались втроём, под укоризненным взглядом собаки, который как бы говорил нам: «Мужики, кончайте эти детские хихоньки! Охота – дело серьёзное».

ПОЭЗИЯ

Татьяна ШУВАЛОВА

Татьяна Григорьевна Шувалова (Петровская) – родилась 7 декабря 1961 г. на Украине в с. Миляноичи Турийского района Волынской области. До 7 класса обучалась в украинской национальной средней школе. Мать – русская, отец – украинец. Замужем, имеет двоих взрослых сыновей. Автор трёх поэтических сборников. Есть публикации в поэтических альманахах «Звезда полей» и «Золотая строфа» (Москва). Лауреат и неоднократный победитель областных и международных поэтических конкурсов.

Живёт во Владимире.

В молитве пестую Любовь...

Вы женщину всегда боготворите
За жизни дар и за семью,
И мир её ранимый берегите,
Как тайну за печатями семью.

Ну, чем она, скажите, не Богиня?
Как небеса светла, точь-в-точь,
Что не одно ей начертали имя:
Жена и мать, и бабушка, и дочь.

У женщины так много ипостасей,
И путь её земной велик,
Лишь с нею мир воистину прекрасен,
Как и любой её прекрасен лик.

Роль дочери, конечно же, чудесна:
Расти, цвести, благоухать,
Но лишь тогда светла она, как песня,
Родную если почитает мать.

Женою быть – задача непростая,
Искусство высшее есть в том,
По жизни, чтоб самой идти блистая,
Ведя притом блистательно свой дом.

Прекрасней нету имени, чем мама,
Она нам дарит жизни свет,
Пока она по жизни рядом с нами,
Спасает, будто ангел, нас от бед.

Как хорошо: есть бабушка на свете,
С ней в дом приходит волшебство,
И обожают бабушку все дети,
Добрее в мире нету никого.

Да, женщина в любой прекрасна роли,
Мир пасть готов пред нею ниц,
Ведь всё, что выпадает ей на долю,
Несёт она с достоинством цариц.

А потому её благодарите,
Как щедрую судьбу свою,
И мир её ранимый берегите,
Как тайну за печатями семью.

В молитве черпаю я силы,
В молитве пестую Любовь,
Что в жизни не Любовью было,
Не возродилось чтобы вновь.

И жизни горькие полыни
Мне с нею, будто на меду,
И стужи зимние – теплыни,
С ней, верю я, не пропаду.

С ней оставляю всё, что ложно,
И даже в самый трудный час,
С ней всё возможное возможно,
И невозможное, подчас.

Библиотекарь

В мире, как в небе звёздочек ясных,
Профессий и званий – не перечесть,
И среди самых-самых прекрасных
Библиотекаря звание есть.

Библиотекарь – путеводитель
В самый загадочный мир из миров,
Библиотекарь – добрый хранитель
Знаний и мудрости целых веков.

Библиотекарь, будто аптекарь,
Всегда вам подскажет, что почитать,
Библиотекарь – душ наших лекарь,
Его невозможно не почитать.

Пастырь духовный библиотекарь,
Храма служитель пресветлого книг,
Издравле зовёт этот храм человека,
Чтобы он мудрости силу постиг.

Средь всех даров просвещённого века,
Книга по-прежнему лучший нам друг,
Библиотека – лучше аптеки,
Знания силою крепок наш дух!

Сильнее связи в жизни нет!

Что в жизни нас объединяет?
Родства в том истинный секрет,
Что храм души не обедняя,
Хранит её высокий свет.

Сквозь равнодушия оковы,
Любви несущие поток,
Живое нас сближает слово,
В нём единения исток.

А коль сложилось слово в песню,
Когда, как миро, льётся звук,
Оно – гарант, оно – предвестник
Сердец сплетения и рук.

Пока язык храним могучий,
Пока Любви струится свет,
Едины мы и неразлучны,
Сильнее связи в жизни нет!

Подружилась осень
С дождиком занудой,
Взять бы его – бросить,
Да расстаться трудно.

Он ей думой тяжкой
 Не даёт проходу,
 Песнь свою, бедняжка,
 Грустно так выводит.
 Осень – сердобольна,
 Сердце золотое,
 Врачевать ведь боли,
 Дело-то – святое.
 Коль её участия
 Слезно дождик просит,
 Ни души, ни платья
 Не жалеет осень.

Звезда

Вот звезда с небес сорвалась...
 А могла б сиять века,
 Та, что на небе осталась,
 Гордо смотрит свысока.

Разве ж в небе было плохо?
 Тут тебе – любой каприз,
 Вот уж, полная дурёха,
 Полетела к людям, вниз.

Чтоб сбывались их желанья,
 То не всем дано понять:
 Отдала своё сиянье,
 Чтоб помочь другим сиять.

А другая мнит, что выше,
 Что её заметней след,
 Только всё ж тот ярче вышит,
 Где Любви струится свет.

Я петь не устану о городе дивном,
 Во мне он мелодией светлой звучит,
 Под небом под синим сияешь, Владимир,
 Как солнышка вешнего чудо-лучи.

Мест славных на свете немало, но разве
 Тебя я могу променять иль сравнить,
 Любимый мой город, в объятиях Клязьмы,
 Ты жизни моей – путеводная нить.

Ты, будто святыня, душе моей дорог,
 Тобою пленяюсь, люблюсь, горжусь,
 Луга и дубравы, и птицы мне вторят,
 Тобою гордится и славится Русь.

Твой щит, как и встарь, Золотые Ворота,
 И царь твоих храмов – Успенский Собор,
 Что символом веры стоит и оплотом,
 И красен тобою России простор.

О, сколько свершений, дел славных, великих
 Судьбою дано тебе в светлом пути,
 Но молод душою и светел ты ликом,
 Милее на свете тебя не найти.

В пути

Рассказы

Весенняя степь Чардара

День 13 апреля 1958 года навсегда остался в моей памяти. Тогда я впервые после переезда из Германии в Ташкент выехал на рыбалку. Это было моё первое большое знакомство с природой Средней Азии, в частности с рекой Сырдарьёй, её пойменной частью и Чардаринской степью Казахстана...

Ранним утром группа из пяти человек – офицеров-рыбаков штаба Туркестанского корпуса ПВО, в числе которой был и я, на грузовой автомашине с тентом выехала из Ташкента и, миновав посёлки Янгиюль, Чардара и мост через Сырдарью, оказалась в казахстанской Чардаринской степи. Здесь, по левому берегу великой среднеазиатской реки, было немало образованных за многие столетия стариц и озёр, пополняемых водой в весенне-летние половодья притоками Сырдарьи Нарыном, Карадарьёй и другими горными реками от таяния ледников и вечных снегов Тянь-Шаня и Фархатских гор.

Вот она какая, весенняя равнинная Средняя Азия и юго-запад Казахстана! Бескрайние просторы на сотни километров вокруг, широкое безоблачное небо, ослепительное солнце и каштановые, бугристые холмы и увалы. Далеко на юге в туманной блёклой дымке угадывались горные хребты, а на север, восток и запад, насколько можно было видеть, простиралась пёстрая, разнотравная типчако-ковыльная степь. Пестрота её заключалась в коричнево-жёлтых, солончаково-белых, серо-бурых и песчаных пятнах земли, с апрельской молодой зеленью на ней различных, в основном полынно-злаковых и полынно-солянковых, степных трав.

Я и раньше видел Казахстанские степи, когда в ноябре 1957 года ехал к новому месту службы в

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых Сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Николая Гумилёва, многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – вехи» (2011). Живёт в Москве.

Ташкент. Ту степь я видел из окна поезда, она была пожухлой, мрачной, неприветливой, ведь тогда была глубокая осень. Сейчас же степь, под чистым весенним небом, блистала: она была светлой, радостной, живой. Осенняя и весенняя степь отличались друг от друга, как ночь от дня.

Радостное волнение охватило меня, когда я увидел перед собой переливающиеся на свежем степном ветру волны дикого красного мака! Мак рос и красовался по обеим сторонам просёлочной степной дороги, по которой мы ехали, и простирался до самого горизонта. Он был в непрерывном движении: наклонялся, поднимался, изгибался, менял свой цвет от кроваво-красного до изумрудно-зелёного, в зависимости от порывов и направления ветра. Я никогда не видел столь грандиозной, обворожительной маковой фереи! Смотреть на огромный, раскинувшийся на всю степь красный ковёр было непривычно, и я подумал: уж не сон ли я вижу? Но нет, это был не сон, а реальная панорама апрельской Чардаринской степи. В этом живом, кумачовом маковом разливе просматривались островками и другие дерновые и ксерофитные растения: ковыль, типчак, полынь, приспособленные к жизни в условиях недостатка влаги в жаркое летнее время. Недавно прошедшие здесь тёплые, затяжные весенние дожди напоили степь досыта, и она всколыхнулась молодой зеленью, даря всему живому защитный кров и обильную пищу.

Тут и там виднелись небольшие табуны лошадей, отары овец, малочисленные кучки коров и одинокие фигуры верблюдов. Верблюды своей величиной напоминали морские корабли, как бы плывущие по фантастическому безбрежью красного макового моря. Всюду чувствовалась неограниченная дикая природа, вольность и свобода!

При приближении нашей машины к табуны лошадей, те, видимо напуганные ею, изогнув шеи дугой, с взметнувшимися густыми гривами, задорно взбрыкивая копытами задних ног, стремительно умчались прочь. Вскоре появилась не менее впечатляющая картина – большая отара длинношёрстных, широкохвостых, вислоухих овец, пасшихся на разнотравье зелёного ковра степи. И что больше всего удивило меня – это множество маленьких ягнят, которые, словно воздушные шарики, то и дело перемещались с места на место, резвясь возле своих мамаш. И над всей этой овечьей отарой непрерывно звучала «овечья симфония» – бляение на разные голоса: от трубно-басовитых старых баранов и маток до нежных, дрожаще-пискливых звуков только что родившихся ягнят. Я, в прошлом деревенский житель, не раз видел таинство рождения разных домашних животных, но сейчас видел и слушал эту великую «овечью симфонию» с затаённым от восторга дыханием, ведь она рождалась и звучала на моих глазах из сокровенных первоисточников самой природы! Вся степь была наполнена гармоническим сочетанием множества различных звуков и красок: тонов и полутонов, солнечных зайчиков и бликов, радостной энергией животных и растений. Степь светилась и ликовала: она утверждала и прославляла своей первозданной природной музыкой весну, тепло и жизнь. Я подумал тогда: вот бы так писали музыкальные произведения композиторы.

Великолепные живые степные картины с животными и изумительными красочными пейзажами то и дело менялись, но одна общая картина бесменно доминировала над всеми другими – это светлый, лучезарный, солнечный день, необъятные просторы красных маков и обворожительная трель небесных колокольчиков – жаворонков!

Наблюдая цветущую, звенящую, сияющую степь с её фауной и флорой, я ни разу не встретил и не видел никого, кто бы охранял эту идиллию: не было ни пастухов, ни собак, ни машин. Природа обходилась без лишних посторонних глаз. Вокруг царила гармония света, свободы, вольности и великая святая беспечность...

Я с удовольствием и огромным интересом ехал по широкому степному бездорожью и разливанному красно-маковому приволью, где чистейший весенний воздух оведал мою уставшую голову своим благодатным степным дыханием. На душе было легко и радостно оттого, что я наконец-то вырвался из штабного кабинетного заточения на вольный и чарующий простор необъятной среднеазиатской земли. Так было у меня и раньше, когда я служил в Германии: природа, охота, рыбалка восстанавливали мои физические и умственные силы, и я был готов снова и снова выполнять свои служебные обязанности.

Вот, наконец, мы прибыли на намеченное место рыбалки, на берегу одной большой пойменной старицы, обросшей по берегам высоким, густым тростником и тугаями. Место оказалось обжитым: тут было потухшее пепелище от костра, а метрах в ста от него находился небольшой глинобитный домик, обнесённый жердевым забором – кошарой. Там жили люди: слышались их голоса и лай собаки. Не мешкая, мы высадились из машины, подготовили рыболовные снасти (спиннинги, удочки, закидушки) и разошлись по берегу в разные стороны к местам рыбалки, предварительно договорившись вернуться к машине к 10 часам вечера, чтобы варить уху. Так было запланировано: рыба от вечерней рыбалки – для вечерней ухи на природе, последующая утренняя и дневная – для дома в Ташкенте.

Солнце, сверкнув над степью последними своими лучами, зашло за горизонт. Степь посуровела, помрачнела, затаилась. Наступили сумерки. Вечерняя рыбалка началась. Ах, рыбалка! Хотя я больше охотник, чем рыбак, но мне много раз приходилось бывать на рыбалке: в родных местах на реках Барыше и Суре, на Волге-матушке, на реках и озёрах Германии и в других местах. Какое же было вкусное варёво или жаркое из добытой тогда рыбы! До сих пор помню благодарную улыбку моей бабушки Анны Ивановны, когда она подавала к столу уху или жаркое из пескарей и плотвичек, пойманных мной в кезьминской речке Сосновке во время Великой Отечественной войны, при этом приговаривая: «Кормилец ты наш заботливый...». Никогда не забуду ульяновскую стерляжьую уху, сваренную в 1955 году во время моего отпуска у одного бакенщика на берегу Волги: не было, нет и, видимо, больше не будет такой ароматной и вкусной ухи!

И вот моя первая рыбалка в Средней Азии. Конечно, по сравнению с результатами рыбалки в Германии, она оказалась скромнее, но для вечерней ухи рыбы, выловленной всеми нашими рыбаками, было вполне достаточно: каждый рыбак поймал за вечернюю зорьку по 1,5–2 килограмма прекрасных сазанчиков, подлещиков, ершей и краснопёркок. К нашему возвращению к бивуаку Саша – водитель машины – всё приготовил для варки ухи: мы привезли с собой бидон с чистой водой, дрова, металлическую треногу и 15-литровый чугунный котёл-казан. Вскоре, после чистки и закладки рыбы в казан, над местом нашей стоянки вспыхнул долгожданный костёр, возвестивший о редком, желанном удовольствии рыбаков – отведать настоящую рыбацкую уху! Вкус ухи бывает разный, он зависит от многих компонентов: от качества воды и дров, от посуды, в которой варится, от сорта рыбы, от приправ и

специй, от опыта и мастерства кулинара-распорядителя и, конечно же, от настроения самих рыбаков. Нынешняя уха удалась. Разнообразие сортов рыбы, вьющийся над костром дымок – придавали варёву неповторимый, щекочущий нос запах настоящей рыбацкой ущицы.

Стемнело. Степь как бы сузилась, сомкнулась, приблизилась к нам, и дальше 10–15 метров ничего не было видно. Только пламя костра освещало небольшое пространство вокруг нашего месторасположения.

Уха сварилась! Из рюкзаков и сумок рыбаков извлеклись тарелки, ложки, консервные банки, хлеб, разные продукты и водка с рюмками, – какая же уха на лоне природы без водки?! В подтверждение этому есть анекдот про охотников: «Как-то на привале охотники рассказывали друг другу случаи из охотничьей жизни: чего бывает и не бывает на охоте. Один говорит, что он однажды убил лося и положил его в свой ягдташ. Охотники сказали: “бывает...”, второй говорит, что всё о чём рассказывал про охоту барон Мюнхгаузен – суцая правда. Охотники с ним согласились и сказали: “бывает...”, третий рассказал о том, что он однажды на охоте решил выпить рюмку водки, да штопора не оказалось, чтобы открыть бутылку, пришлось водку обратно везти домой. Все охотники дружно закричали: “не бывает, не бывает!”». Первый тост, как водится, подняли за удачную рыбалку, второй за уху, третий за весну, четвёртый за пребывание на лоне природы, пятый за Чардаринскую степь и пошло-поехало! А когда неудержимый, буйный хмель ударил в голову, а бесподобная уха утолила голод, наши души раскрепостились: зазвучали песни, начались всевозможные анекдоты и побасенки, охотничьи и рыбацкие рассказы. Смех, песни, вольность речи и движений – завладели нами всецело: нам не надо было ничего другого кроме костра и того, что творилось вокруг него с нами. Наверное, это и есть та самая великая сила, которая влечёт современных охотников и рыбаков из перенаселённых и загазованных городов на природу: в поле, в лес, на реки и озёра, утоляя их природную, естественную охотничью и рыболовецкую страсть.

До глубокой ночи шумела и гудела опьянённая свежим степным воздухом, вольностью и спиртными парами наша компания. Над ней, во всей своей широте и безграничности, распростёрлась чёрно-бархатная безоблачная бездна неба с мириадами мерцающих звёзд. Ничто не мешало небу и звёздам быть в такой стерильной чистоте, что мне казалось, протяни руку, и ты сможешь потрогать любую из них. Вселенская ширь неба и ночные просторы земли слились в одной всепоглощающей тишине: вокруг – ни ветерка, ни звука, ни шороха. Земля, укрывшись невесомым звёздным покрывалом неба, спала. И только тогда, когда наши воспалённые, усталые, полупьяные глаза стали невольно слипаться, мы всей гурьбой залезли в кузов машины спать.

Однако, спать мне не пришлось. Моя давнишняя болезнь – непереносимость храпа, заставила меня покинуть сообщество тяжело дышащих, чмокающих и храпящих моих коллег – рыбаков, разместившихся на ночлег в кузове машины. Я потихоньку спустился на землю, накрылся своей офицерской плащ-накидкой и ушёл гулять по тропинке вдоль водоёма. Остаток ночи провёл там, вслушиваясь в загадочную тишину ночной степи, приводил в порядок свои мысли, взбудораженные волнениями вчерашнего дня, вечерней рыбалкой и разговорами за ухой. Как много нового, удивительного, интересного и поучительного увидел и услышал я за эти последние сутки: наблюдал цветущую весеннюю казахстанскую степь с её фауной и флорой, ощущал очаровывающую тишину степной ночи, переживал азарт вечерней рыбалки,

наслаждался превосходным вкусом рыбацкой ухи и любовался завораживающим, огромным звёздным небом!

Мне тогда вспомнилось село Кезьмино. Я любил по ночам, во время отпусков из Германии, гулять у городецких родников близ моей родной деревни Городец, где в далёком апреле 1928 года я родился в баньке, находившейся в 10-15 метрах от этих родников. Отсюда начинался небольшой ручеёк – источник, протекающий через Кезьмино, и я любил смотреть на такое же огромное, бархатное, звёздное небо и слушать волшебный говорок ручейка с белоснежными гольшами-камешками на перекатах. Здесь была моя малая родина, я набирался новых сил и вдохновения, чтобы служить большой Родине – Советскому Союзу. Не знал я тогда, что мне судьба подарит в будущем идентичную возможность, но только в более широком и крупном масштабе, в Средней Азии...

*Люблю ночей торжественную тишь,
Когда все спят, а ты – не спишь,
Когда Земля в объятьях грёз
И в окружении янтарных звёзд.
Тогда фантазии стремительный полёт
Меня в космическую даль несёт.
Вселенная становится подвластной,
Родной, желанной и прекрасной.
В её просторах, в бездне голубой,
Я чувствую себя звездой.
Мне кажется, с Земли – недолгого причала –
Я возвращаюсь к своему началу,
Сливаюсь вновь с космической судьбой,
И становлюсь самим собой...*

На рассвете рыбаки снова разбрелись по своим местам на водоёме. Но того вдохновенного задора и настроения, какое было на вечерней рыбалке у них уже не было. Вид у всех был помятый, заспанный и угрюмый. Вчерашний поздний ужин с ухой и спиртным сделал своё неблагодарное дело. Однако рыбачить было надо, ведь без рыбы приехать домой в Ташкент никто не хотел. Но, как часто бывает в таких ситуациях, клёв был плохой, и рыбы было мало.

К часу дня все собрались у машины и стали готовиться к отъезду. В это время из тростниковых зарослей водоёма появилась лодка и подплыла к берегу. Из неё вышел человек, с виду казах, подошёл к нам и на хорошем русском языке сказал:

– Здравствуйте, товарищи офицеры! Меня зовут Касым. Много ли рыбки наловили?

Мы удивились его осведомлённости о нашей профессиональной принадлежности.

– Здравствуй, откуда знаешь, что мы офицеры?

– А как не знать, сюда приезжают многие, в том числе и офицеры. По нашим разговорам во время вчерашней ухи я и понял, что вы и есть офицеры.

Мы ещё больше удивились:

– Что тебе надо, зачем пришёл?

– Я вам рыбку привёз, не хотите ли купить её у меня?

– А где рыба, показывай?!

– Пойдёмте со мной, покажу.

Касым подвёл нас к своей лодке, раскрыл брезентовый полог, и мы увидели на её дне нечто необычное: там трепыхались живые огромные сазаны, щуки и судаки, их было штук двадцать. Мы пораскрывали рты от удивления...

Нас больше не надо было уговаривать. Все деньги, находившиеся при нас, и продукты, оставшиеся после вчерашней ухи, немедленно перекочевали в карман и лодку Касыма.

Мы ехали домой вдохновлённые и безгранично счастливые оттого, что у всех было по четыре больших рыбины, каждая весом почти по 3-4 килограмма! А как они были «пойманы», никого не смущало и не волновало, главное – мы были с рыбой и неоспоримым убеждением, что приедем домой «рыбаками героями»! А Касым пригласил нас приезжать ещё...

Над Сырдарьёй и Аралом (запись в самолёте)

В начале октября 1958 года я подал рапорт на предоставление мне очередного отпуска за текущий год. Разрешение было получено, и я 15 октября самолётом ИЛ-18 (рейс №518 Ташкент – Куйбышев) вылетел в Ульяновск.

Через несколько минут после взлёта столица Узбекистана осталась далеко внизу и постепенно растаяла в туманной дымке. Летим строго на северо-запад. Вскоре показалась река Сырдарья. Подлетаем ближе и летим над ней. Река сейчас полноводная, несмотря на осень. Но что значит осень для Средней Азии: ещё горячо светит солнце, и установившаяся за летние месяцы жара спала ненадолго, памирские и гиндукушские снега и ледники ещё продолжают полновесно отдавать свои вековые запасы воды Сырдарье, как впрочем и Амударье – двум великим рекам Средней Азии, которые несут эту воду в раскалённые пустыни и степные просторы Туркмении, Каракалпакии, Узбекистана и Казахстана. Однако надо сделать некоторое пояснение: сейчас, когда я пишу эти строки, Амударья и Сырдарья сильно обмелели, особенно Амударья, которая в маловодные периоды не доходит до Аральского моря из-за полного расхода воды на орошение и другие хозяйственные нужды. По этой причине Аральское море тоже сильно обмелело и сократилось в своём размере. Если раньше (я это видел сам) город Аральск находился прямо на берегу восточной части моря, то сейчас он отстоит от моря на 25-30 километров...

Самолёт летит относительно низко, и повсюду видны небольшие озера, заливные пойменные луга, топи и многочисленное количество всевозможных островков на самой реке. Всё это разнообразной цветной полосой проплывает под крылом самолёта. Слева – Чардаринская степь, она уходит на запад и теряется в безграничных просторах Кызылкумов. Степь покрыта густой сетью просёлочных дорог и троп, они хорошо видны и белеют паутинками на серо-бурой поверхности земли. Горизонт в бледно-голубой дымке. Сырдарья то отходит вправо, то отодвигается влево, то оказывается прямо под нами. Хорошо видна граница между бассейном речной долины и степью. Низина по обеим сторонам зелёная. Но вот граница действия воды кончается, и сразу же

начинается выжженная солнцем, голая, бугристая, пустынная степь. Если там и есть какая растительность, то признаков зелени почти нет. Всё одного цвета – серого или серо-коричневого. В некоторых местах река делает такую удивительную большую петлю, что невольно поражаешься, почему она не течёт прямо, ведь перешеек, разделяющий русла и переходящий в каплеобразный полуостров, настолько мал, что, кажется, возьми лопату, копни разок-другой, и могучая река потечёт прямо. Но не тут-то было: игривая, петляющая лента реки по-своему рисует сложный, запутанный орнамент своего пути.

Уже больше часа летим над Сырдарьёй. По её берегам, тут и там, множество солончаков, они серебряными бликами выдают себя, отражая яркое солнце. На небе – ни облачка, и только далеко впереди самолёта еле заметны нитеобразные, расплывчатые, молочного цвета облачка. Правый берег реки ещё привлекает к себе внимание некоторым разнообразием растительности, а слева, насколько можно видеть, простёрлась выжженная, пепельно-серая, местами с чёрными бесформенными пятнами сгоревшей травы, голая, безжизненная степь. Сверху река кажется мёртвой, неподвижной, застывшей. Никакого движения пароходов или лодок на ней нет. В некоторых местах сырдарьинская вода по низинам проникает на несколько километров в пустыню и образует там зелёно-жёлтые топи из зарослей тростника и камыша. Над ними можно увидеть одиноко парящих птиц – это беркуты, ястребы и коршуны высматривают свою тростниково-степную добычу.

На своём пути самолёт несколько раз пересекает мутно-серую ленту Сырдарьи: она вырисовывается то слева, то справа. Правый берег, над которым мы сейчас летим, сухой и ровный, на нём хорошо видны прямые, параллельные нити рельсов железной дороги, уходящей в северо-западную даль. Летим над железной дорогой: встречаем и обгоняем медленно ползущие (так кажется с высоты) грузовые и пассажирские поезда. Год тому назад я ехал по этой дороге в Ташкент...

За Кызыл-Ордой река делится на два рукава: правый – старица, поменьше; левый – основное русло, широкий, полноводный. Летим прямо над поймой, которая украшена сотнями больших и малых озёр. Зелёный ковёр межрукавной поймы разрастается всё шире и шире: видны огромные пространства затопленной равнины, здесь царство камыша и тростника, всевозможных проток и рисовых чеков. Такая картина – до посёлка Джусалы, где рукава Сырдарьи снова сливаются в один общий поток – широкую, цвета глины ленту.

Показались Джусалы, летим низко – самолёт идёт на посадку. Посадка. Через 30 минут взлёт, и мы снова летим над Сырдарьёй.

На западном горизонте постепенно стало проявляться Аральское море. Оно уже около получаса синело слева от самолёта, раскинувшись среди пепельно-серой Туранской низменности. Идём над лиманами, над зелёным ковром сырдарьинской дельты, которая упирается своими причудливыми зелёными бахромами в голубую гладь моря. Справа внизу видна парящая стая больших белых птиц – это лебеди: они тоже летят куда-то по своим лебединым делам...

Подлетаем вплотную к морю. Слева небо сливается с водой, и трудно определить, где небо, а где вода: всё сверкает и блестит в лучах яркого полуденного солнца. Справа море уходит вдаль широким полукругом залива Шевченко. Я знаю, на его восточном берегу находится город Аральск – районный центр Кызыл-Ординской области Казахстана, где в ноябре прошлого года я покупал копчёных лещей...

Разнообразна и неопишимо красива гамма красок отражённого в воде солнечного степного неба! Море и небо как бы соревнуются между собой: сияют и блестят нежными голубыми и золотыми зайчиками. В их естественном сочетании чувствуется великая природная сила и гармония: всё на своём месте, всё выражает целомудрие, одухотворённость и величественное спокойствие.

Летим точно над серединой залива. На его северо-восточном берегу видны побелённые глинобитные домики. Около них, на воде, несколько лодок, часть их в море. Это рыбаки, они ловят замечательных аральских лещей, судаков и жерехов. У берега вода мутная, жёлтая, глинистая – там ветер: хорошо видны белые барашки волн, которые накатываются на берег, размывают его и создают прибрежную серо-глинистую прибрежную полосу. Берега моря в основном песчаные, пологие, но есть и высокие, крутые, обрывистые. На них нет ни кустика, ни травинки: всё голо, выжжено – или огнём, или раскалённым солнцем. И это рядом с водой! Казалось, стоит только кому-то захотеть – воды хватит на всю пустыню, и она может досыта напоить истомлённую, раскалённую солнцем землю. Но, увы, неумолимая, слепая сила природы по-своему распределила и разместила на этой многострадальной земле свои скупые дары.

Надвигавшийся на нас с запада фронт белых облачков постепенно разрастался, подбирался ближе. Передовой его отряд – небольшая кучевая облачность – уже повисла над нами и любуется собой, отражаясь в водах Арала. Голубые воды моря начали уходить назад, под крыло самолёта, и постепенно исчезли в бледно-молочной дымке. Впереди снова запестрела степь, но уже с оттенками осени – коричневая, бугристая, морщинистая. Это пески Большие Барсуки и холмы Мугоджары. За ними – Актюбинск, Оренбург, Куйбышев...

Как быстро всё изменилось: небо уже не в белых, а в тёмно-синих сплошных облаках, солнца не видно, степь посуровела, пестрота её сгладилась и как бы опустилась ниже...

Сердце моё почувствовало приятный наплыв радости: наконец-то из него начал исчезать надоевший, беспощадный гнёт среднеазиатской жары.

Впереди была Россия, родина моя!

ПОЭЗИЯ

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

Дмитрий Алексеевич Терентьев – родился в 1987 г. в городе Горьком. После школы, в 2006 г. окончил Нижегородское Речное Училище им. И.П. Кулибина; юрфак ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Работал на теплоходе, заводе «Красное Сормово», в системе правоохранительных органов. Участник нижегородского литературного объединения «Волга». В 2012 г. вышла первая книга – сборник стихов «Человек дождя». Лауреат конкурса «Северная звезда» 2013 г.; 2-е место в конкурсе православной поэзии «Слава Богу за всё». Живёт в Нижнем Новгороде.

«Там, где дремлет страна, что зовётся Россией...»

Вербное воскресенье

Плачут балконы и крыши
В Нижнем, Рязани, Москве.
Юный, задумчивый, рыжий
Лезет в окошко рассвет.

В это воскресное утро
Я у окошка, за ним
Видится мне почему-то
Город Иерусалим.

То ли на улицах верба
Снег растопила и лёд,
То ли окрепшая вера
В сердце осанну поёт.

Солнце утром из своей кровати
Выпало и завалилось на бок...
Я сегодня еду по «канатке»
На Бор.

Наготовой, чаруя, Волга ляжет.
Подо мной изгибы её тела.
Никогда такого не покажет
Телек.

Я не пил, не нарывался, вроде,
Но сегодня не на шутку взвинчен,
Как в руках у девушки напротив
Пинчер.

Мне бы не дойти до сумасбродства,
Не попасть в хитросплетений невод,
Задирая нос, как некто Бродский,
В небо.

Ветер наш вагончик раскачает.
Голову от радости закружит,
Там на берегу меня встречают:
«Нужен!»

Цветущий сад в росе.
Плоды роняют сливы...
Мне тоже, как и всем,
Быть хочется счастливым.

Босым в лугах плясать
И радостные крики
Охапками бросать
В озёра земляники.

Подняв бокал вина
Холодной ночью где-то,
С улыбкой вспоминать
Утраченное лето.

Белая зима
Вспыхнула невольюно.
Не сходи с ума,
Милая, довольно.

Ты меня прости,
Но твои наречья
Словно конфетти
В новогодний вечер.

Пусть не топят дом,
Повышают цены,
Всё переживём
И переоценим.

Было бы тепло
В очаге домашнем.
Тихо и светло
В завтрашнем, вчерашнем.

Только не ревнуй,
Не срывайся грубо.
Первый поцелуй
Помнят мои губы.

Посуди сама, –
Нам ли жить в тревоге.
Белая зима...
Чёрные дороги.

Чёрных стрелок бег неумолимый.
День за днём летят как две минуты,
Безнадёжно пролетают мимо,
Находя знакомые маршруты.

Скоро будет нам гадалка осень
Из листвы раскладывать пасьянсы.
И никто поэта не попросит
Напевать забытые романсы.

Только будет за окошком ветер
Завывать, стучать по мокрым крышам.
И никто поэту не ответит,
Для кого он вдохновенно пишет.

21.12.2012 г.

На землянах «нет лица»,
Все вокруг твердят об этом.
В ожидании конца,
Конца света.

Древний календарь не врёт,
Так сказали старцы Майя.
Что-нибудь произойдёт,
Что не знаем.

Кто с ума сошёл вообще.
Я узнал из интернета, –
На Речном стоит ковчег,
Нет билетов.

В этой панике и лжи
Торгаши суют «галоши»,
Чтобы потребитель жил
Чуть подольше.

Я не верю в эту чушь,
Оставляю Богу выбор.
Что-нибудь да получу,
Тишины бы.

А пока кругом кричат:
«Время вышло, мы погibli»,
Я стараюсь замечать
Перегибы.

Падает, падает, падает снег,
Будто в иллюзиях, будто во сне.
Кружит метели шальной карнавал,
Как же я ждал его, как же я ждал.

Белой косынкой подвязанный клён
Я пеленал простынями имён,
Тонкие руки кудрявых берёз
Я отпоил целомудрием слёз.

Русь моя, сколько в тебе красоты!
Сколько поэтов вскормила нам ты.
Даже дворовых стихов моих трёп
В дебрях твоих никогда не умрёт.

Падает, падает, падает снег,
Падает вновь, и мечтается мне,
Что моим слогом исписанный лист
Скажет когда-то кому-то: «Держись!»

Мы леса вырубаем под стройки,
Под шоссе вырезаем луга.
Превращаем, простите, в помойки
Заболоченных рек берега.

В парках больше не веет прохладой,
Дым шашлычных в аллеях застыл.
Прорастает серебряный ландыш
Через пластиковую бутылъ.

Мы бесстрастны, – природе по силам
Не погибнуть от нашей руки.
Льются горькие слёзы России,
Обвиненьем её, родники.

Может быть, и не поймёшь ты, как проснулись
Эти чудные узоры зимних улиц.
Эти правильные росписи на окнах,
Как на странных, неизвестных нам полотнах.

Может быть, ты не увидишь, как зажгутся
Над землёю высоко планеты-блюдца,
Как широкий месяц, их раздвинув рогом,
Жёлтым соком прыснет ночью на дорогу.

Может быть, ты не услышишь, как завоюют
Во дворах стальные флейты и гобои.
Как, разрезав фиолетовые струи,
Зазвенят столбов натянутые струны.

Может быть, ты не поймёшь и не оценишь
Это время виртуозных превращений,
Но, под пение метели засыпая,
Ты почувствуешь – зима совсем не злая.

Там, где дремлет страна, что зовётся Россией,
Где качается двор в облаках тёмно-синих,
С неба падает снег. Я сижу на качелях,
Безнадёжно увязший в безрадостных целях.

А зима завывает печально и громко
И целует меня, как больного ребёнка.
Улыбнусь – она хлопает будто в ладоши:
«Недоласканный мой, ненаглядный, хороший!»
Я сижу, и снежинки ложатся на шапку.
И мне жалко снежинки, себя мне не жалко.
Потому что я жив, а снежинки растают,
Не дождавшись зелёного юного мая.
Не увидят они сладкий клевер и мяту,
Только в клочьях пушистую белую вату.
И, упав, соберутся больные, горбатые,
Превратившись в такую же белую вату.
Только я не умру, видя холод и пустошь...
Если был бы я слеп, может, меньше бы чувствовал?
Может, если не чувствовал, был бы спокойнее,
Чуть добрее, а в общем веселье раскованнее?
Но зима завывает печально и громко.
Я жалею себя, как больного ребёнка,
И с качелей встаю и со всхлипами плачу
С огорчённым собой, с отрешённым в придачу,
В незнакомом дворе, в облаках тёмно-синих,
В незнакомой стране, что зовётся Россией.

Был я однажды в кругу
Литературной гостиной.
Тихо скучал, на беду
Девочка-критик спросила:

– Знаете Брюсова?

– Нет.

– Бальмонта, Белого?

– Нет же!

– Боже, какой вы поэт,
Прямо скажу вам – невежда!

Как же я мог лично знать
Тех, кто в двадцатом отжили.
Дал ей стихов почитать,
Малость слукавил – чужие.

Над эшафотом стола
Слиплись упрямые брови:
– Вижу, что это талант,
Вам, безусловно, неровня.

Ночная прогулка

Мы мучили полночи упрямого таксиста:
«Вези нас, парень, в детство; вези нас, милый, быстро!»
Но он в манере грубой сказал, чтоб мы катились.
Мы поняли буквально и жутко разозлились.

И хлопали дверями его автомобиля,
И очень много пили, и столько же курили.
И в жёлтых светофорах искали луч ответа:
А где твоя планета? А где моя планета?

Но вскоре мы узнали, что слишком много знали.
Всё оказалось проще: мы просто опоздали.
Такси не возят в детство по городу ночному,
Туда бежать босыми по лугу заливному.

В отчаянье глубоком мы сели на бордюры,
Одно спасало только: сошлись дурак и дура.
А над Зеленским съездом лизало крыши утро.
Я пел, а ты плясала. И это было круто!

Цифры

Скучная цифра 1:
Очень ленива, порочна.
Буду, похоже, один
Пить и скучать этой ночью.

Важная циферка 2
В двери мои позвонила.
Крепко обнялись. Слова
Комнату заполнили.

Добрая циферка 3
Наш разговор не нарушит.
Сколько игры, посмотри!
Сколько подачи, послушай!

Наглая цифра 4
Портит и ритм и рифму.
Закусь последнюю стырит,
Даст цифре 6 по заправку.

Слишком умна цифра 5,
Вечно гордится «пятёркой»,
Раскритикует опять,
Больно обидев шестёрку.

Плачет в платок цифра 6.
Вряд ли уже успокоишь,
Видно скребут на душе
Чёрные грязные кошки.

Отрешена цифра 7,
Ей собеседник не нужен.
Стала буддисткой «совсем»,
Даже разлаялась с мужем.

Дама в годах цифра 8
Взглядом пронзит бесконечность.
Остро беду переносит,
Часто волнуется сердечко.

С ней кавалер – цифра 9:
Важный, холёный, пузатый,
Знает за всех, – что им делать,
Смотрит уверенно в завтра.

Особняком цифра 0,
Каверзу выкинет точно.
Тут уж рисуй не рисуй,
Снова получится ...
Вот и шедевр испорчен.

Записная книжка

Нашёл её в серванте,
Распухшую от пыли.
Ждала, когда захватят,
Надеялась... Забыли!

Открыл – страницы в клетку,
Исписанные ручкой:
Фамилии, заметки
И цифр закорючки.

До злости непонятный
Врачебный почерк деда,
Но всё-таки приятный,
Как скрип велосипеда.

Год нет его; от мрака
Нам никуда не деться.
Как варёжка, бумага
Хранит тепло владельца.

Приговор

Памяти погибших поэтов

На скрипучих старых нарах,
С грустной рифмой на устах –
Я не кенарь на Канарах,
Я в неволе – вольный птах.

Ветер, ветер, вей ли, дуй ли,
Лет прошедших не вернуть.
Может, скоро чьи-то пули
Продырявят парню грудь...

Дар поэта – петь и славить,
Бить по клавишам души.
Оттого черствеет память,
И не пишется в глуши.

В эту проголодь и сырость,
В незнакомом мне краю,
Боже мой, скажи на милость,
Для кого сейчас пою?

Нас немного, тех, кто верит
В поэтическую жизнь,
Тех, кто может и умеет
Выходить на рубежи.

Мы не лжём и не лукавим,
И не прячем слов в карман.
Не у нас на сердце камень,
А за пазухой наган.

Революция на слове,
Революция в стихах.
До последнего, до боли,
До биения в висках.

Вырвав сердце, словно Данко,
Бросив душу на листок,
Дорожит поэт талантом
Многословья между строк.

Вот и я с рукой поднятой
И с сияньем головы
Прокричал толпе горбатой.
Что ответите мне вы?

Что за это не сажают?
Не сажают, ну и что ж.
Мы по жизни – каторжане,
Хоть статейку, да найдёшь.

А ведь я не бил, не грабил,
Не разбойник и не вор.
Рифмой сам себе поставил
Свой последний приговор.

Ветер, ветер, вей ли, дуй ли...
Путь не пройден до конца...
Только скоро вражьи пули
Продырявят грудь певца.

Триптих: первый снег

1.

Он ворвался в тяжёлые будни,
Радость в хмурые лица вдохнул,
Как уставший от странствия путник
На дорогу прилёт отдохнуть.

Спать мешают оконные блики, –
Отражаясь, пылает заря.
Засиял в белозубой улыбке
Неприлично угрюмый ноябрь.

Распахнувший глаза горожанам,
Пребывавшим в зомбическом сне,
Он пошёл, как всегда долгожданный
И невинный такой, – первый снег.

2.

Он упал на город разом,
Превратив асфальт в железо,
Обесточив автобазу,
Перекрыв мосты и съезды.

Чтобы не тонуть в трясине,
Гнуть отбойники в заносах,
Нам пришлось менять резину
На ногах и на колёсах;

Раньше застилать кровати,
В пробках дёргаться с работы...
Первый снег, похоже, кстати
Только детям беззаботным.

3.

Он убивает
Наши надежды,
Валит и валит...
Вылет задержан.

Надо добраться.
Снова и снова
Мучают пальцы
Сенсор смартфона.

Зыбкое счастье,
Пропуск на небо,
Всё в его власти:
Первого снега.

Он задыхался от рыданий.
И взгляд его, размытый клеткой,
Блуждал по залу заседаний
На ветер брошенной салфеткой.

Ему доступно объяснили,
Что лазить по чужим сараям
Запрещено УКа России,
А также нормами морали.

Ему бы раньше объяснили,
Но мать с отцом безбожно пили...

Листья вы, листья, опавшие листья,
Рыжие беженцы сонных берёз,
Молча лежите вы шубами лисьими
В лужах осенних неласковых слёз.
Дайте мне веру, опавшие листья!
Веру в другую, счастливую жизнь.
Лишь для того, чтобы вновь поднялись мы
К веткам, которыми так дорожим.

Дайте мне силу, опавшие листья,
Чтобы мне с вами дожить до весны,
Чтобы зимой под снегами искристыми
Я сохранил эти яркие сны...
Листья вы, листья, опавшие листья,
Рыжие пленники серого дня,
В лужах лежите вы шубами лисьими,
Не оставляя воды для меня.

Шумит и носится столица
День ото дня.
Обидно, некому раскрыться,
Не до меня.

Весна

Она ждала горячих фраз,
Холодных мыслей не боялась.
В который раз, как в первый раз,
Я видел, как она смеялась.

А по угрюмой мостовой
Ползли прохожие-улитки.
Лишь на губах её одной
Цвели мимозами улыбки.

Антону Щеплягину

Снег сырой, дорога скользкая.
Пробки, ничего не сделаешь.
Я возьму бутылку «Окского»,
Чтобы вспомнить вкус безденежья.

Я пойду к друзьям прошаренным,
С кем не надо лживо чушь нести.
Я сыграю на гитаре им,
Чтобы вспомнить песни юности.

Аутсайдеры капустников –
Рок-н-рольщики избитые
На залапанной «акустике»
Мы заткнём любого битника.

Пусть у нас дипломы синие
Не из Кембриджа и Оксфорда,
Все мы критики и циники,
Все употребляем «Окское».

Не заманишь нас Айфонами,
Местом, удостоверением.
Мы последнее свободное
Творческое поколение.

Я вижу гибель красивой сосны.
Падая в снег, она громко рыдает.
Тает надежда на встречу весны,
Кровью-смолой на коре проступая.

Лес утопает в горячих лучах.
В беге ручьёв соревнуются воды.
В чаще, в ветвях, на опушках звучат
Арии птиц, монологи животных.

Только весны мужикам не познать,
Лихо горбятящим потные спины.
Ею жила до убийства сосна,
Та, над которой звенят бензопилы.

Человек дождя

Ждущих раненых туч не бывает,
Но, возлюбленный осени, я
Среди прочих других называю
Лишь себя человеком дождя.

Научился я в дни увяданья,
(Всё ж не зря был рождён в октябре)
Тонко чувствовать ливня дыханье,
Не глазами, всем телом смотреть.

Лужи мне не напомнят болото,
Неба синего не оттенят.
Если я недоделаю что-то,
Дождь закончит потом за меня.

Много в наших делах беспокойства,
Мало светлых, возвышенных чувств.
У воды есть целебное свойство,
У небес есть замена плечу.

Одиноко, на сердце тревога,
Места в церкви себе не найдёшь,
Выхожу исповедаться Богу
Под воскресный молитвенный дождь.

Вновь стою на могиле поэта,
Ветви клёнов как струны звенят.
Если я и не плачу при этом,
Дождь рыдает потом за меня.

Слово, где его прежняя сила,
До мурашек потрясая нас?
Говорили когда-то красиво,
Не по делу плюются сейчас.

Я хочу в песни ливня услышать,
Что доносят до нас небеса,
Попытаться мелодию крыши
Откровеньями записать.

Даже если я слаб и простужен,
Не умею себе изменять.
Если я не сказал всё, что нужно,
Дождь расскажет потом за меня.

Слышал ты про бунт на Украине?
Дым над ней тяжёлый и густой.
Наши оказались на чужбине,
Грудью защищают свой устой.

Я, конечно, всей не знаю правды,
Чей, в итоге, флаг займёт флагшток.
Только между правых и неправых
Многие погибнут ни за что...

Вы каждый день, строго по времени,
Своей удивляя полезностью,
Садитесь за столик уверенно
«Высокую» делать поэзию.

В одеждах из шёлка и золота
Пегаса седлаете быстрого,
Летите то пташкой, то соколом
В цветочное поле душистое.

А я, замерзая, тем временем,
С похмелья тревогой измученный,
Стою на вокзале потерянный
Под низкими чёрными тучами.

Немытый, небритый, нечёсанный,
Прикрывшись последней рубашкою.
Я в поезд сажусь, что колёсами
Стучит не в деревню Ромашково.

Вы ловко в полях собираете
Букеты ромашек и лютиков,
Телегами их отправляете
Актёрам, певцам и политикам.

Вам дарят награды и звания,
К вам ходят полсотни любовников.
Вам нравится с этим признанием
Работать словесным садовником.

Я пялюсь в окошко вагонное:
Там роют могилы солдатские,
По тюрьмам сажают законников,
И взрывы гремят волгоградские.

Плюют пассажиры мне под ноги,
Менты угрожают по рации.
А я собираю из подвигов
Мозаику раненой нации.

ПЕСНЬ СЛАВАНСТВА

Протоиерей
Драгомир САНДРО

Красота как понятие и основа образования и воспитания

Одним из основных свойств педагогики является красота. Красота, в широком понимании, означает всё, имеющее отношение к эстетике, подразумевает способ творения, бытия и конечного смысла мироздания, и самим этим учреждает воспитательно-образовательный порядок. Красота таким образом становится свойством космологических, антропологических, теантропологических, эклисиологических, социологических и других отличий мира. Человек сотворён как прекрасное существо, прекрасное, но несовершенное, и такой, каков есть, он является носителем возможной вечной жизни и создан быть лученосцем божественной светлости и красоты. Человек, как икона Божия, сотворён с намерением быть совершенно прекрасным и просвещённым, поскольку словесен и богоподобен, то есть боголик, и предназначен для чего-то возвышенного и более ценного, чем то, что существует.

Одним из основных свойств христианства и Церкви является эстетика или понятие красоты. Педагог и профессор Православного Богословского факультета в Белграде доктор Радмило Вучич церковную педагогику базирует на четырёх составляющих: науке (как истине), морали (как доброте), религиозности (как святости) и эстетике, которая принимает выражения прекрасного и творческого. «Человек в своём творческом свете встречается, меньше или больше, с выражением прекрасного, привлекательного, трагичного, величественного <...> Проявляя это разными способами: словами, изображением, резьбой, движением... так создаётся искусство¹». Человек осознаёт, что Творец созданного мира обладает эстетическими признаками. Абсолютная Красота есть Его свойство. Поэтому всякое Его творение отражает в себе красоту. В творчестве человек приближается к Богу, проникаясь особенностями Божьего делания. Красота и гармония, трагичность и

Протоиерей Драгомир Сандро – родился 29 ноября 1956 г. в с. Високо (Босния и Герцеговина). В 1976 г. окончил Духовную семинарию в Сремских Карловцах и был рукоположен в сан священника. Учился на богословском факультете Белградского университета и на философском факультете университета города Нови Сад. Стажировался в Германии (Гейдельберг, Мюнхен). В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию по православной педагогике, а в 2004 г. – докторскую. Отец Драгомир является автором многих книг и научных трудов, главным редактором журнала «Сербский Сион», профессором Белградского университета.

Живёт в Белграде (Сербия)

любовность принадлежат не только искусству, но и самой действительности; они составляют её сущность, сердцевину. Поэтому искусство духовно возводит человека ввысь, облагораживает его, поскольку творения искусства обладают вневременной ценностью. Создавая произведения, человек освобождается от обыденности и осваивает новый мир, который выше природного и не гибнет. Когда человек творит, он старается привнести в мир нечто прекрасное, обогащающее эстетику, таким образом достигая вечных ценностей. Также и в отношениях с людьми человек преображает свою речь, письменность, любую свою деятельность. По Вучичу, христианское искусство устремлено к чему-то более глубокому, что формирует основу для мысленного полёта в побуждении познавать абсолютный мир. Человек искусства ищет непреходящего, вечного, божественного в человеке и того, что в мире указывает на присутствие Бога, он не задерживается на поверхности явления, не изображает только тело, но дух, глубочайшие побуждения и движения, расположения и склонности. Поэтому искусство без религии становится поверхностным и безыдейным².

Целью Божественной педагогики является спасение человека от греха и его последствий. Спасение лежит в том, чтобы человек вернулся к первобытной цельности. Это достигается Божьей благодатью и человеческим подвижничеством усвоением Божьей благодатной силы, а совершенством становится жизнь по Богу и в Боге, единственный нормальный и естественный способ человеческого существования³. Совершенство как плод уподобления Богу представляет собой внутренний ритм человеческого жития и возрастания в тесном соприкосновении с красотой, иначе скажем, эстетикой, то есть с более глубоким образом жизни.

Первая ассоциативность при упоминании понятий «красиво» и «красота» взывает к человеческим чувствам и переживаниям. Человек – это существо, которое, прежде всего, соткано из чувств. И все чувства гармонично могут сопрягаться в соответствии с «высшими» потребностями человеческой жизни. Ощущение красоты для чувства зрения означает понятие образности. Чувства имеют свою восприимчивость не только к тому, что обладает порядком, гармонией и палитрой, но и к глубокому своему смыслу образности, который возвышает, устремляет, мотивирует, и в итоге, преображает целого человека. Так и с чувством слуха, где между высшим и низшим порогом человеческих возможностей, красивой симфонии слов, песнопений, звуков, тонов и взаимосвязей даётся возможность верного восприятия красоты. В новом понимании красоты в «эстетических чувствах» открывается отношение к прекрасному в искусстве, философии посредством интуиции.

Чувство прекрасного имеет и свою библейскую основу. На первых страницах Библии, посвящённых сотворению мира, в главе Бытие уже в десятом стихе упоминается о сотворении суши и воды. И увидел Бог, что это хорошо (*καλόν*). Те же слова повторяются и на третий день Божьего творения мира, и на четвёртый, и на пятый, и на шестой день, когда Бог сотворил животных и человека. «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма». О всём творении можно было бы сказать человеческой мерой: хорошо. Слова «хорошо» и «красиво» здесь имеют подобный смысл. У древних Греков это понятие называется *калокагатия* (принадлежность доброму и прекрасному). Такой пример мы имеем и сегодня, когда говорим: «Взгляните на красивого человека». Не имеется в виду, обычно, только физическая красота, но и внутреннее

достоинство человека. Библейским свидетельством здесь становится неоднократно восклицание: «Хорошо!», – что равнозначно понятию «прекрасно». И звучит сие восклицание весьма оправданно, поскольку творение самого Творца в первой книге Моисея действительно прекрасно (Быт 1:8; 10; 12; 18; 21; 25). Ибо «увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт 1:31). Такое толкование Библии с эстетической стороны есть у Септуагинты, о нём говорил Татаркевич. Библейское восприятие создания мира из ничего открыло перед греко-римской культурой красоту сотворённого мира с иного аспекта. Так в основе библейской идеи явилось новое эстетическое понятие мира в христианстве. Красота и гармония мира в своём разнообразии явили отражение божественной премудрости. «Всё соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс 103:24).

Идентификация понятий *добра* и *красоты* встречается не только в греческих текстах. У Евреев, как и у Греков *красота* и *добро* почти не различаются. Греческое *τό καλόν* отвечает смыслу ветхозаветного понятия *tob*. Красивой (*tob*) вещь называется тогда, когда отвечает своему назначению, ведь пригодность к употреблению является главной чертой ветхозаветной эстетики. И «*tob*» ветхозаветного оригинала, и «*bonum*» Вулгате отвечают старославянскому переводу «добро» или «хорошо», то есть дают положительную оценку в нашем смысле слова⁴. Так и Отцы Церкви приняли библейское понимание этих определений. У Отцов Церкви в значении красоты и прекрасного часто звучат традиционные выражения *τό κάλλος*, *τό καλόν*, *καλός*, *pulchritude*, *pulcher*, *décor*, нередко для разнообразия в выражении смысла красоты употребляются *ώραίος*, *ή ώραίότη* (угодный), *εὐορφος*, *εὐεϊδής* (приятный), *ό κόσμος* (нарядный). Между тем, ближневосточные народы, в отличие от Греков, видели красоту во всём том, что живёт, двигается, играет, но особенно в силе и власти. Чувство красоты в них пробуждалось светом, цветом, звуком, голосом, вкусом и подобными средствами⁵.

Сравнение Бога Творца с Художником не родилось у самих христиан. Оно принадлежит целокупной духовной атмосфере поздней античности, и трудно установить, кто и где первым употребил такое сравнение⁶. Христиане в свете христианской космологии привнесли новый взгляд на всё, переосмыслив идеи своих противников в язычестве и утвердив учение о божественном сотворении мира с точки зрения его порядка. Истина и языческие взгляды изначально отличались. Иустин и Афинагора воспринимали Бога как Художника, как и стоики. Бог упорядочивает и украшает предвечно существующую материю, в то время как Феофил и Татиан на Востоке, а Тертулиан на Западе осознанно поднимают вопрос об особенном сотворении мира из небытия⁷. Как позднее скажет А.Ф. Лосский, что ранняя античная эстетика много внимания уделяла хорошо изготовленным вещам. «Для эстетики времён Гомера красивыми считаются пригодные вещи, а начиная с Платона эстетику интересовала сама по себе идея красоты». У классического античного искусства главное место занимала красота человеческого творения⁸. Кроме искусства, античной науки и философии, античному восприятию красоты и искусства Дионисий, как типичный представитель ранней патристики, противопоставляет принцип нового христианского эстетизма. Ему красота сотворённого мира служит важным аргументом для доказательства существования Божественного Творца, так же как наивысшая красота и истинное наслаждение находится в сфере будущего преображения бытия человечества, проповеданного христианским учением, то есть в сфере идеального бытия⁹.

Божественный Логос, Богочеловек Иисус Христос существует как Альфа и Омега человеческого спасения. В Его тайне открываются безкрайние возможности человеческого роста, заложенные в его природе, показывая возможность более глубокого уподобления Богу, а также ипостасного с Ним единства¹⁰. Во Христе объединяются различные предназначения: Учителя, Воспитателя и Советника. Как Учитель Христос обучает людей наивысшей Истине, как Воспитатель указывает на путь праведника в обычной жизни и советует избегать ложных путей. На Западе Христа поняли иначе. Один из западных эстетов Велкер констатирует: «Педагог есть практик, а не теоретик, его цель преобразование души, а не учение; педагог указывает путь мудреца, а не человека науки. Прежде всего, он приводит в порядок моральную жизнь. Он подготавливает "больного" к выздоровлению, чтобы мог воспринимать наивысшие Истины. Моральный путь стоит выше пути знаний. Его база – это вера, страх и любовь. Это религиозно-этический-эстетический путь усовершенствования человека, ведущий к "уподоблению Богу"»¹¹. А мы бы добавили, что истинный педагог есть и практик, и теоретик, который показывает, как путь мудреца, так и путь человека знаний. Моральная составляющая важна, но она не является исчерпывающей.

Человек сотворён как прекрасное существо, внешне красивое, но несовершенное, как носитель возможной вечной жизни, как лученосец божественного света и красоты. Человек, как икона Божия, сотворён с намерением быть совершенно прекрасным и просвещённым, поскольку словесен и богоподобен, то есть боголик, и предназначен для чего-то возвышенного и более ценного, чем то, что существует. Совершенная красота есть смысл и цель, и человеческое устремление невозможно основывать только на человеческих критериях, которые весьма ограничены по отношению к вечности. Главным выразителем красоты является Бог, то есть Богочеловек. «Боголикость, образность, красота человека были и есть первоэвангелие, праэвангелие, бессмертное эвангелие, неуничтожимое эвангелие. В той боголикости находится человеческая опора на Бога, человеческое осознание Бога, человеческое устремление к Богу и человеческая огромная свобода, и человеческая вечная жизнь, и человеческое изъятие от смерти, и человеческое усилие приблизиться ко всему, что вечно, и непрестанная педагогика»¹². По свидетельству многих антропология занимает главное место в христианской философии, и апологеты уделяли ей огромное внимание. Разумеется, без изучения проблем человека, ни эстетика, ни художественная культура, не могут быть полностью поняты. Для апологетов целый космос движется между двумя полюсами – Богом и человеком. Человек есть главное и любимое творение Божье. Забота о нём есть главная задача Божьего делания и промысла. Ради спасения и вечного блаженства человек стремится к Богу. Просвещаясь божественным авторитетом проявления внимания к своей личности, человек и сам начинает исследовать себя более серьёзно. В истории культуры наступил момент, когда человек стал понимать, что ему надо беречь свою человечность как основную ценность, стараться быть человечнее, что не было ясно для большей части всего человечества. Так, христианство, изобразив на своих знамёнах лик Богочеловека, Который пострадал за других, первый раз в истории культуры подняло голос в защиту слабого, униженного, страдающего человека, покушаясь теоретически обосновать и доказать (полагаясь на божественный авторитет), что человек прежде всего должен быть человеческим. Именно со времён поздней античности, начиная с апологетов, вводится понятие *человечности*¹³.

По учению Климента, истинная красота скрыта в человеке: она содержится в человеческой душе и в его теле. Конечно, Господь ценит природную красоту тела меньше, чем красоту души. Последняя проявляется в совершенстве и неразрывно связана с добром. Только добродетельный человек истинен καλός κ' αγαθός. К добродетели ведёт разум, если человек желает быть прекрасным, ему следует развивать в себе одну из дарованных способностей – разум. Такой человек будет устремлён к познанию истины, он будет жить Логосом, чтобы иметь в себе «облик Логоса, чтобы в итоге уподобиться Богу», и тогда человек воистину станет прекрасен. Его добродетель есть красота души, которая преобразит и тело¹⁴.

Понятие красоты у древних народов

Красота как более широкое понятие, имеющее воспитательно-образовательный характер, известно ещё у древних народов. Такой подход выражался в фантастических формах. Гедонистическое восприятие связывается с понятием того, что красота усваивается «высшими чувствами» – слухом и зрением. Эстетика изделий не зависит от природы восприятия, но восприятие всех наших чувств может быть возведено до нужного уровня, соответствующего образу¹⁵. Педагогическую меру красоты искали в утилитарно-моралистическом видении искусства так, чтобы красота приносила нравственную пользу в жизни. Но, чтобы не быть поверхностными, следует вновь обратиться к софистам. У Греков и Римлян бытовало утверждение, что чистой наивной радостью можно укрепить дела истины и добра. Такое понятие красоты уже не из физической области, но из эмоциональной и больше имеет отношение к духовной энергии человека. Физические вещи являются лишь помощниками к достижению сущности красоты. Содержание слова «красивый» привлекло внимание многих остроумных мыслителей с изысканным вкусом, особенно критиков старой Эллады. У Сократа в одной из бесед, сохранившихся у Ксенофонта, видим, как он останавливается, приходя к противоречию в заключениях, что красиво то, что пригодно и отвечает потребности, или красиво то, что мы любим¹⁶. У Платона предложено развитие решений сих умозаключений. Где-то он говорит, что красота находится не в телах, а в законах, занятиях и науках; где-то он связывает красоту с понятиями об истине, добре и божественности; иногда возвращается к Сократовым утверждениям о принадлежности красоты к пригодности в употреблении и целесообразности предмета; затем он разделяет «красивое» само в себе и по себе (*кала кат авта*) от относительно «красивого» (*прос ти кала*); иногда он видит красоту в чистом наслаждении без тени боли и страданий; иногда рассматривает пропорции предметов, цвета и тона в поисках красоты самой по себе. Когда он исключил осязательность красоты, тогда стало ещё труднее определить область её поиска. В философской мысли трудно перечислить всех, которые скрупулёзно занимались понятием «красоты», поскольку за Платоном и его трудами, такими как «Горгию», «Филебу», «Федру», это стало любимой темой многих его последователей в разных областях философских направлений¹⁷. Шеллинг сказал: «Платон хотел осудить искусство только своего времени, его натуралистичность и реалистичность, а так же античное искусство в целом, которое несло в себе характер чего-то окончательного. Но он никогда бы не повторил своё осуждение, если бы познакомился с христианским искусством, чья характерность лежит в бесконечности. Недостаточна чисто абстрактная

красота а la Winckelmann, ошибочно и негативно понятие индивидуализма в творениях искусства, когда ставится задача изобразить мёртвую, грубую и неприятную вещь в узких рамках изображения индивидуального характера¹⁸. Искусство само по себе характерно: характерна сама красота, по словам Гёте, из положительного характера произведения искусства красота призвана излучаться, поэтому красота не индивидуальна, но является живым понятием, из которого способна произрастать любая личность. С точки зрения художника важно найти творческую идею, и уже из неё создать произведение так, чтобы оно преображало личность в мире и её окружение (Gattung), чем величественнее идея (Urbild), тем она меньше ограничена мирскими рамками обыденной жизни. Характерность красоты есть полнота форм, обуздывающая страсть, подобно руслу реки, направляющей ток воды в нужном направлении¹⁹.

Понятие прекрасного в христианстве

Чтобы инициировать понятие красоты, на базе многих проверенных и вдохновенных свидетельств, следует подтвердить то, что красота достигает полного своего выражения только в христианстве. София Божия, открытая в Христовой Церкви, делает Церковь непрестанной школой. В Ней учение постоянно. Церковь по своей природе и по своему деланию дарует не только знания, но и пути к их постижению, с добродетелями на первом месте. Всё, что Она имеет своей целью, по словам Апостола: «Верные могли бы уразуметь со всеми Святыми, что есть ширина, долготы, глубина и высота» (Еф 3:18), «имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем» (Еф 2:20). «И уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божию» (Еф 3:19). Светлость через христианскую антропологию и через образование не означает примитивное накопление знаний, но означает духовную пищу Хлебом Жизни²⁰, или, говоря словами преп. Серафима Саровского, «стяжание Духа Святого». Эту тайну христианства и Церкви, в которой мир и человек достигает своей полноты, познаём в общении, образовании и воспитании. Целокупно божественное откровение Ветхого и Нового Завета живёт как педагогическая память (*анамнеза*) и как действительность через проявление Духа Святого. Это единственная действительность и в то же время общенаглядный пример просвещения.

В Церкви мы узнаём Христа как своего Учителя или, лучше сказать, Он там узнаёт и обнимает нас как Своих (ср. Галл 4:9). Просвещение в Церкви, как совершенная школа, проявляет себя не просто как теория, воспитывающая ум, но практически влияет на целостное наше существо, пронизывая красотой на все времена. Мы присутствуем на каждом богослужении как ученики на скамье урока Божьего и продолжаем учёбу, выходя из храма в мир, на протяжении всей благочестивой жизни. Называя Крещение Просвещением, мы продолжаем просвещаться через остальные таинства: Миропомазание, Причащение и все другие. В Литургическом катехизисе (поучении) нам открывается премудрость Церкви. Премудрость Церкви состоит из стяжания истинных знаний, высоконравственной жизни, а также из приобретения общих знаний, и прославления Бога в совершенстве поучений. Библейские истины являются средой вдохновения. Ведь «наше учение согласовано с жизнью в Церкви, а наша практическая богослужбная жизнь подтверждает наше учение (*adversus haereses* – св. Ириней Лионский). В ней приобретаем

знание и общение с небесными ангельскими силами; в ней учимся жить и мыслить вместе со Святыми²¹.

Понятие красоты в христианском религиозном толковании раскрывает возможность её влияния на все грани духа в нашем народе на разных уровнях, и в искусстве, и в литературе, и в философии, и в других теоретических обликах высокого существования. В том отношении и специфических обстоятельствах национального существования и жизни, теория переплавляется в практику, ведущую к святости жизни.

Древнее христианство испокон веков вдохновляло Сербское Православие. «Красота спасёт мир», – изрёк Ф.М. Достоевский. Такое утверждение верно проявляет себя во всех доминантах сербской духовности и культуры. В литературе, как педагогической основе, красота сербской книжности отражена в переписи богослужебных книг. Имеются древние списки Мирославового Евангелия и Псалтири, которые хранятся в Мюнхенской библиотеке, позднее были списки Рачана, именно Гавриила Стефановича Венцловича. Строительство средневековых храмов с их архитектурой являют миру великую красоту. Иконография и церковная утварь причисляются к ряду произведений высокого искусства, открывающих стремление к вечной красоте. В средневековом времени на стенах монастырских храмов изображались монахи и священники с детьми на школьных скамьях (по примеру Старых Нагоричан) или святые врачи с лекарством в руках, культура жизни рядовых жителей, посуда и другие бытовые предметы, то есть изображалась не мечта, а реальность. Сочность красок и пропорции икон не могут сравниться с современной виртуальностью.

Красота в Церкви почивает и на церковных песнопениях, проповедях, словах молитв, на запахе ладана, на мощах, открывается в прикосновении к иконам, целовании и в принятии Христовых Таин.

«Проблема» красоты

Человек – существо, которому свойственны три потребности: общение, жажда красоты и жажда знания. По мнению Святого Григория Паламы, все эти три потребности подвергаются демонским нападениям, подобно тому, как враг человеческий употребил ложь, искушая человека перед деревом познания добра и зла всеми уладами чувственной природы. «И увидела жена, что древо хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожаделенно, потому что даёт знание» (Быт 3:6). Демон, предлагая человеку красоту, предлагает и то, что отвечает его природе и без чего человек не может быть человеком. Помрачая у него благодатный дар отличать кратковременное от вечного, демон вместо действительной красоты подкладывает ложную красоту, как он это делает с бесполезной пищей и опасными знаниями, предлагает человеку кратковременное вместо долговечного, тленное вместо нетленного, смерть вместо жизни, тьму вместо света. Ложная красота, сотканная из чувственной природы, общение с ней и насыщение, вместо того, чтобы подавать предчувствие вечной красоты, по наговору демона превращает всё в трагизм, лишая благословения Божьего, толкает к злоупотреблению обманом и прельщением²². В тайне древа познания добра и зла нам открывается целый порядок полезного употребления вещей с первых до последних дней человеческого существования, и этот порядок связан с правильным отношением к действительной и ложной красоте.

По рассуждению преп. Иустина, внешняя красота форм исконно принадлежала благодатному содержанию, отражая сущность предмета, в то время как порок, прикрывая своё злое делание, стремится скрыть себя под красивой формой, которая ему не свойственна. Поэтому добродетель, не желая иметь с пороком ничего общего, отказывается от внешней красоты. А порок прилагает усилия маскировочную форму применить как можно эффективнее²³. Отцы Церкви первых времён не отказывались от внешней природной красоты. Они в природной человеческой красоте и в красоте природы стяжали новый эстетический идеал, переосмыслив старый. Они активно выступали против актёров порока на всех уровнях. Они осуждали стремление людей украшать свои тела роскошными одеждами, драгоценными украшениями и косметикой, что ведёт, с одной стороны, к возбуждению страсти, а с другой, уродует природную красоту тела и лица. Многие богатые женщины, приняв христианство, не могли освободиться от своих навыков носить, к примеру, парик, или удивлять всех цветом набелённого лица, необычными тканями или обилием драгоценных камней и золотых украшений. Таким распущенным и соблазнительным способом украшать себя они портили истинную красоту. Тертуллиан призывал отказываться от внешнего украшательства, утверждая, что всё это направлено на животные похоти, на разжигание страсти в мужчинах. Но не только женщины бывали виновны в непотребном украшательстве, такой слабости подвергались и мужчины. Некоторые слишком тщательно брились, укладывали волосы, скрывали седину, придавали телу моложавый вид, постоянно разглядывали себя в зеркале. Римское общество (и неудивительно для запада) издавна жило искусственной красотой, забывая о существовании природной красоты. Тертуллиан высказывался о том, что внешний вид в одежде должен соответствовать внутреннему духовному содержанию и убеждениям. Чистота и простота христианки должны быть так велики, чтобы духовное изобилие расширялось вокруг, отражаясь и в одежде. Но не только идеалы целомудрия и скромности двигали первых христиан к аскетическому удалению от внешней роскоши, излишеств и украшательства. Сама суровая действительность, постоянная готовность к мученической смерти за свои идеалы, умаляли значение внешней красоты и устремляли к воздержанной жизни. Само социальное положение первых христиан во многом определило эстетические идеалы²⁴.

Раннехристианская эстетика поставила духовные и моральные ценности выше примитивной привлекательности. В римском обществе того времени существовала противоположная тенденция внешних проявлений, изысканность и манерность речи притесняли духовное значение культа, искажая смысл слов. Христианство на первой фазе вынуждено было отречься от античного культа эстетизма, чтобы позднее, исполнив его компоненты новым значением, преобразить и учредить его благотворную необходимость. Так дело дошло до средневекового эстетизма, который гораздо глубже античного. Новая культура, пройдя очищение, вернулась к эстетике природы, чтобы на базе платонизма и профетизма создать «эстетику духа» и потом уже на новом уровне возродить «эстетику художественного произведения», наполнив её новым духовным содержанием. Христианская интуиция хорошо ощутила необходимость преобразования человеческой эротической энергии из сферы интимных взаимных отношений в область духовной любви к Богу, что стало сущностным побуждением в укреплении благочестия²⁵.

Этот процесс длился более столетия и был отягощён сложными духовными и социальными конфликтами²⁶.

1. Др Радм ило Вучић. *Педагогика*. Богословский факультет, Белград, 1973, стр. 12.
2. Там же.
3. Митрополит Амфилохий. *Основы православного образования и воспитания*. Светигора, Цетиње, 2002, стр. 51.
4. Виктор Бичков. *Эстетика Отаца Цркве*. Службени гласници Хришћански културни центар, Београд, 2010, стр. 32.
5. Там же.
6. А.Ф. Лосев. *История античной эстетики. Ранний эллинизм*, стр. 155.
7. Там же, стр. 157.
8. В. Бичков. *Вышеупомянутый труд*, стр. 228.
9. Там же, стр. 343.
10. Митрополит Амфилохије. *Вышеупомянутый труд*, стр. 38.
11. W. Völker. *Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus*, стр. 251
12. Јустин Поповић. *Житија светих за јануар*, стр. 12.
13. Известна сентенция софистов и риториков классического времени Протагора: «Человек есть мерило всех вещей» – существующее существует, а несуществующее не существует – нет никакой связи с человечностью. Истина в контексте Протагоровой субъективной и реалистичной гносеологии означает, что объективной истины не существует, только люди в различных мышлениях что-то принимают за истину (см.: *Lexikon der Antike*, Leipzig, 1979, стр. 454).
14. В. Бичков. *Вышеупомянутый труд*, стр. 344.
15. В.П. Шестаков. *Гармония как эстетическая категория. Учение о гармонии в истории эстетической мысли*, М., 1973, стр. 54.
16. Бенедето Кроче. *Эстетика*, Космос, Београд, 1934, стр. 380.
17. В. Бичков. *Вышеупомянутый труд*, стр. 184.
18. А. Kalkmann. *Tatians Nachrichten über Kunstwerke*-Rheinisches Museum, 1887, стр. 42.
19. Бенедето Кроче. *Вышеупомянутый труд*, стр. 380.
20. Драгомир Сандо, *Богослужење као основа образовања и васпитања у Цркви*, Глобосино, Београд, 2010, стр. 20.
21. Прибислав Симић, *Црквена уметност*, Београд, стр. 14.
22. Митрополит Амфилохије. *Вышеупомянутый труд*, стр. 56.
23. В. Бичков. *Вышеупомянутый труд*, стр. 238.
24. Там же.
25. Василије Зјењковски. *На прагу зрелости*, Богословски факултет, Београд, 1984, стр. 60.
26. В. Бичков. *Вышеупомянутый труд*, стр. 244.

Перевела с сербского Екатерина ВАСИЛЕВИЧ

ПОЭЗИЯ

Юрий ЯХОНТОВ

ЮРИЙ ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Член СП России. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2011–2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «А.П. Чехов».

Живёт в Москве.

В тишине раздумий

*Закатилось солнце и покрылись
тьмою все пути...*
Гомер. Одиссея

Если близко осень, если в сердце – стылость,
Новую надежду можно ль обрести?
Отгорело лето, солнце закатилось,
И покрылись тьмою все мои пути.

Но усталый путник, пот смахну рукою.
В эту темень силы, я ещё сберёг.
Я пойду просёлком, знаю, за рекою,
В маленьком окошке светит огонёк.

В тишине раздумий, непокой не властен.
Словно в тихой келье батюшка живёт.
Про свои печали, про свои напасти
Расскажу, но всё он знает наперёд.

С сокрушённым сердцем как-то легче станет.
С батюшкою вместе тихо помолюсь.
И окрепнет вера, и душа воспрянет,
И ушедшей бурей расточится грусть.

Осень цвет последний, собирая, бродит.
Горечью полыни пахнет тот букет.
С временем не сладишь, что пришло – уходит.
Только, что нам время, если смерти нет.

В детстве нужно так немного,
Помню, мне двенадцать лет,
По тропинкам, по дорогам
Катит мой велосипед.

Жми педали, что же проще,
Жизнь понятна и легка.
Заждалась грибная роща,
Пахнет рыбою река.

Мир заветный был со мною,
Радость тихую храня,
Словно крылья за спиною
Вырастали у меня.

Тот восторг в душе остался,
Как звезды погасшей свет.
Где-то в прошлом затерялся
Добрый мой велосипед.

И невольно понимаешь,
Эту радость до небес,
Больше ты не испытываешь,
Подари хоть Мерседес.

Некошена трава,
Здесь нелегко движенье.
Давно забытый дом,
Здесь никого не ждут.
И, вроде бы, покой,
И, вроде, запустенье,
Но флоксы под окном
Так трепетно цветут.

Средь зарослей травы,
Как светлое начало.
И нежен аромат,
И бесподобен цвет.
От этих ли цветов,
Но сердцу легче стало,
Их посадила та,
Уже которой нет.

И мысли высоко,
И день прозрачно-летний.
И чувствую душой
Невидимый полёт.
Всё думается мне,
Что, как привет последний,
Она через черту
Свою любовь нам шлёт.

Где друзья минувших лет...

Д. Давыдов

Я звоню, но без успеха –
Никого застать нельзя.
Кто-то сгинул, кто-то съехал.
Где вы, старые друзья?

Затерялись в лихоборах
Наши общие пути.
И в сердечных разговорах
Вечерок не провести.

И уже совсем не веришь,
Как беспечно было жить...
Горе с кем-нибудь поделишь,
Радость не с кем разделить.

Ароматы лета

Поле солнышком согрето,
Воздух там, дрожит вдали.
Ощущаю запах лета,
Запах вспаханной земли.

Лето жарче, лето выше,
Дуновения легки.
Ароматом лета дышит
Луг, цветущий у реки.

Под ногой запахнет мятой.
Запах влаги – речки гладь.
Долго эти ароматы
Будет память сохранять.

Возникают эфемерно
И не могут надоесть.
Что-то вечное, наверно,
В ароматах лета есть.

Я глаза опять закрою,
Снова вижу, как во сне –
В платье давнего покроя
Мама там идёт ко мне.

Как и прежде улыбнётся,
Я навстречу ей рванусь.
Сердце радостно забьётся,
И уйдёт на время грусть.

Как же я скучал, родная,
Хоть бы раз мечтал взглянуть.
Ты такая молодая,
Не состарилась ничуть.

Память, память – это роздых
От волнений и беды.
В душном мире – свежий воздух,
И в жару – глоток воды.

И, как будто, легче стало,
И разлуки словно нет.
Словно вовсе не бывало
Этой бездны в тридцать лет.

...славяне первее жили в Сирии и Финикии.

История Российская. В.Н. Татищев.

Как жарко здесь, давно нас манит север,
Там, далеко, земля иная ждёт.
В прохладе там черёмуха цветёт,
И на лугах краснеет нежно клевер.

У тихих речек травы там густы,
И под ногой запахнет вдруг душица,
От свежих ветров там румяны лица,
И Дух Святой нисходит с высоты.

Там о простом и вечном шепчут кроны,
Там к небу ближе, оттого милей
Земля ещё не раненых полей,
Земля ещё дорог непроторённых.

И пусть наш путь нелёгким будет, пусть,
В лесах дремучих водный путь короче,
Мы поплывём по рекам, дальше к ночи,
В страну лесов – и это будет Русь.

Смотрю я на экран, там некто обещает,
Что красота весь мир когда-нибудь спасёт.
Туманные слова уже не восхищают,
И красота покою душе не принесёт.

Я не за красу смиреннейший воитель.
Мне цели и дела другие хороши.
Себя тянуть наверх, в духовную обитель,
И если что спасёт, то чистота души.

И на душе легко, я сына обнимаю.
И, кажется, что жизнь чудесна и проста.
Так ясен детский взор, смотрю и понимаю,
Что чудо из чудес, совсем не красота.

Город здесь, домов коробки,
Меж домов растут деревья.
В тех деревьях, как по лесу,
Ходит бабушка гулять.
Привезли её, наверно,
Из оставленной деревни.
Увеличивать жилплощадь
Или просто доживать.

Ничего ей не осталось,
То, что раньше окружало.
Огорода нет с укропом,
Нет её родной избы.

А в деревне – там берёзы,
Было там грибов немало.
И деревья здесь напомним,
Как ходила по грибы.

Средь листвы ей, всё привычней,
А в квартире душно очень.
Ходит, палкой проверяет,
Словно что-то здесь растёт.
Каждый день она гуляет,
Продержаться будто хочет,
До поры, до той, покамест,
Бог к себе не призовет.

Помню сад с сиреневым кипеньем,
В белом цвете, аромате дней.
Может, сном, а может быть, виденьем
Ты осталась в памяти моей.

И с тех пор я жду весенней рани,
Всё возможно раннею весной.
Не с того ли, в этой глухомани
Я бреду тропинкою лесной.

Чаща глуше, меркнет постепенно,
Только вдруг, где сумрачная тень,
Засияет что-то белопенно,
Не твоя ль заветная сирень?

Говорят, есть терем среди леса,
В тишине, тоскуя и любя,
Там живёт вечерняя принцесса –
И она похожа на тебя.

Горноста́й

Тайга начиналась сразу за домами, без всяких опушек, подлеска и предполья. Сосны стояли даже в огородах, местами так кучно, что не видно было, где кончается ограда усадьбы и начинается коренной лес. Когда-то село слыло преуспевающим леспромхозом, но пришли новые времена, вернее – безвременье, и леспромхоз быстро исчез, как его и не было. Теперь всё население было предоставлено самому себе. Рынок. И никогда, и ничего не продававшие в жизни своей лесорубы, окунулись в мир купли-продажи.

Разорились сразу и все. За редким-редким исключением. Не ушли в разор в основном те, у кого жёны, мужья или дети работали по торговой части. Как правило – сельповские продавщицы. И, как ни странно, часть учителей, тех, что преподавали математику...

Разорившиеся «новые таёжные русские», очистив от пыли и ржавчины свои охотничьи ружья, разбрелись по тайге. И завывания доморощенных гринписовцев о сохранении животного мира тайги их совершенно не трогали. Вопрос для них стоял по-другому – выжить бы самим. В самом прямом физическом смысле. А для некоторых в сложившейся ситуации – вопрос о жизни вообще не стоял – они убивали себя самопальной водкой, а то и просто стрелялись или вешались от безнадёги...

Страшное безвременье девяностых годов двадцатого столетия кривой смерти и нищеты прошло по России. Так что, леспромхоз не был каким-либо исключением из общей судьбы.

От села до райцентра вёрст шестьдесят с гаком. И дорога одна – старая раздолбанная донельзя бетонка, с паромной переправой через речку Пройма. Есть ещё заросшая мелким осиновым подлеском ветка железной дороги – лес кругляк по ней когда-то вывозили, но последние годы её не ремонтировали, и ныне она местами совершенно не проезжая. Даже для дрезины. Кое-где просела насыпь, а где-то и просто повело рельсы в разные стороны.

Андрей Васильевич Растворцев – родился в 1958 г. в Амурской области, учился в Ленинграде. Работает начальником топографо-геодезической партии Средневолжского аэрогеодезического предприятия. Автор ряда поэтических сборников и книг для детей. Часто печатается в общероссийской литературной периодике.

Живёт в Чебоксарах.

Так что, стал округой править новый закон – тайга, где прокурор – медведь. И где каждый сам за себя...

Новоявленные охотники не утруждали себя получением лицензий, да по такому лихолетью и получать-то их не у кого было. Безденежье развалило все охотхозяйства, а егеря и лесники сами всюю браконьерничали. И очень скоро не осталось хорошего зверя в леспромхозовских угодьях. Но не остановило это пристрастившихся к стрельбе бывших лесорубов – они всё глубже и глубже уходили в тайгу...

А потом охотники стали гибнуть. Не от ран звериных, не от голода, не от утопления – стали банально замерзать на охоте. Да ладно бы зимой, а то и весной, и осенью. И не просто замерзать, а вымерзать насквозь, как ледышки.

И зашелестели, волнами побежали по округе слухи – мстит кто-то охотникам.

А что? – может, оно так и было – ведь месяца не проходило, чтобы из тайги новую «ледышку» не выносили.

И вот что интересно – беда обходила охотников, всю жизнь промышленявших в лесу. В селе таких было немного – шестеро. И ни один из них не замёрз за эти годы. Сельчане, особенно те, чьи родственники погибли в тайге, стали косо поглядывать на счастливчиков – может, они конкурентов убирают? – тайгу охотники как свои пять пальцев знают – заманивают лесорубов туда, куда только им дорога ведома, и в какой-нибудь яме с вечной мерзлотой и замораживают...

Слухи вещь удивительная – никто ничего не видел, а такие подробности порой в них пересказываются, будто со свечкой рядом стояли.

На стволе поваленного дерева сидел горноста́й. Обычный. Самый обычный горноста́й. Только шубка его была не зимняя – белая, а летняя – верх рыжевато-коричневый, снизу – желтовато-белый. Кончик хвоста стандартно чёрный. Да над правым ухом белая прядка, будто седина. Горноста́й пуговками влажных немигающих глаз внимательно смотрел на бредущих по глубокому январскому снегу людей.

Людей было двое – первый – высокий крепко-сложенный мужчина, и второй – среднего роста, широкий в кости, но, видимо, не очень хорошо владеющий техникой ходьбы на охотничьих лыжах...

Горностаю было неинтересно, откуда появились эти двое на снежной целине – для него было важно другое – за плечами высокого ружьё, и, значит, шли они убивать.

Значит, ничему жизнь людей не учит. И значит, снова придётся защищаться...

Идущие на лыжах по снегу через мелкий осинник – муж и жена Пряхины. Виктор и Анна. Свадьбу уж два года как сыграли, а до сих пор один без другого не могут. Куда муж – туда и жена, словно нитка за иголкой. Не скучно им друг с другом – у них каждый день, как праздник. Анна в школе учительствует, муж электрик леспромхозовский. Леспромхоза уже и нет, а электрик в нём числится – село большое, его ж без света не оставишь. Виктора давно на работу в райцентр переманивали, больно уж мастеровит в деле своём, и деньги не самые плохие обещали, только он без Анны ехать не соглашался. А для неё работы в райцентре не было. А порознь они друг друга не представляли...

Виктор, не спеша переставляя тяжёлые широкие лыжи, торил тропу и негромко посмеивался над неумением жены ходить на охотничьих лыжах. Анна

отшучивалась да называла мужа зазнайкой и хвастуном. Лицо её раздумялось, лоб покрылся лёгкой испариной. Морозец пощипывал щёки и не давал долго застаиваться на одном месте. Высокое бесконечно-синее небо нависало над заснеженной тайгой. В такие минуты душу человека просто захлёстывает необъяснимое, необычайное чувство чистоты и перехватывающее дух чувство радости; радости, где есть только ты, только мир, только небо...

В очередной раз пошутив над барахтаньем Анны в снегу и поняв, что жена устала, Виктор стал приглядывать место для отдыха. В этот миг взгляды горностая и охотника встретились...

Виктор азартно охнул, ловко, одним движением скинул с плеча ружьё, прицелился, но выстрелить не успел. Наполненные бездонной ледяной пустотой горностаевы глаза пробили мозг и тело охотника невыносимым холодом. Взгляд Виктора потух, лицо, руки, одежда стали быстро покрываться инеем. Ружьё упало в снег. Никем и ничем не нарушаемая тишина зимнего леса заполнилась жуткой неземной стужей. Мгновение, и промороженное насквозь тело стало столбиком заваливаться на бок...

Опомнившись Анна шагнула вперёд и закрыла от взгляда горностая мужа. Её разгорячённое тело словно разорвало изнутри студёной болью! В ледяной комок превращалось сердце, кровь смерзалась в венах, иней с волос быстро заструился по лицу и рукам. Этот короткий миг всепоглощающей боли показался Анне вечностью. Но вдруг взгляд горностая дрогнул, в нём мелькнуло что-то напоминающее недоумение, пропала во взгляде ледяная пустота, и глаза стали медленно оживать.

«Женщина?!» – это был не голос, не вслух заданный вопрос, просто откуда-то к Анне пришло понимание, что недоумение горностая вызвано именно тем, что она женщина.

Тело и разум Анны возвращались к жизни. Ушла боль, ушёл холод.

Анна, прекрасно осознавая, что перед нею, на стволе поваленного дерева, сидит просто обычный горноста́й, не могла отделаться от ощущения, что видит она перед собой средних лет мужчину с бесконечно уставшим взглядом и белой седой прядью на правом виске. Он не задавал ей вопросы, он вообще не открывал рта, да и образ его всё время менялся – то это горноста́й, то это человек – трудно было уловить черту этого перехода, а уж о том, кто из них говорит, а кто нет – уследить было вообще невозможно...

«Женщина. Молодая. Ну, и зачем эти жертвы?».

Вопросы и слова приходили из ниоткуда. Они просто проносились в голове Анны, и она понимала, что ответов от неё никто не ждёт, да и что отвечать, она не знала...

«А-а, ну, да, ну да – любовь. Как же я сразу-то не догадался? Значит, возьми мою жизнь в обмен на жизнь мужа? А не возьму – дай мне умереть с ним? Значит, и в радости и в горе только вместе?».

Лёгкая позёмка металась между деревьев, изредка, с шумом, с веток в сугробы падали снежные шапки. Чуть поскрипывали промороженные стволы деревьев. За поваленным деревом виднелась полузанесённая снегом цепочка чьих-то следов. Обычный зимний лес, который Анна хорошо знала и любила, как-никак здесь, в этой тайге она выросла, сегодня был необычным. За спиной Анны лежало ледяное тело мужа. И жизнь его теперь напрямую зависела только от разговаривающего с нею незнакомца.

«Вместе – это хорошо. Вместе – это красиво. А то, что ещё не рождённый тобой ребёнок не давал тебе права его жизнью распорядиться – это как?»

Какой ребёнок?! А-а, ну, да – ты же ещё не знаешь, что в тебе новая жизнь прорастает. Поторопился я – о главном в вашей жизни вы, люди, обычно узнаете очень поздно... Думать, ощущать, предвидеть – это не для вас, вы давно забыли об этих инструментах познания. Вы оставили себе только ненасытность и похоть. Вы пытаетесь царствовать в мире, о котором ничего не знаете. Для вас мир – это то, что вы видите и не более. Скажи, а тебе не страшно жить с убийцей?».

«Кто убийца?! Витя?!» – Анна вдруг услышала свой вопрос, хотя ни слова не произнесла вслух.

«Мужа, значит, Виктором зовут. Победитель, значит. Ну, и кого сегодня победитель победил? Двух белок?! Что они ему сделали? Вам, что, есть нечего? Или в мехах беличьих походить решили? Так белка вы не едите. А для меха белку в глаз бить надо, а победитель бил дробью почти в упор. Так, что мех вами застреленных белок решето напоминает. Значит, победитель твой убивал только ради того, чтобы убить. И никаких других желаний у него не было. Убивают ради убийства только убийцы...».

«Витя не убийца».

«И Витя не убийца, и остальные, что сейчас по лесу бродят – не убийцы, тогда почему мы, мы, которые живём в этом мире, который мы любим, почему мы – жертвы? Вот, вы целый день шли по лесу – много зверя видели?! Или хотя бы след его? Нет? Почти не видели? Выбили вы всего зверя, и малых зверушек тоже. Можно понять профессионального охотника – охота его способ выживания, его работа. А вас, ради потехи убивающих всё вокруг себя – как можно понять?! Почему я должен простить Витю и вернуть его к жизни? Вы же не возвращаете к жизни прострелянную, за просто так, вами чужую жизнь? Тайга мой дом – и я в этом доме хозяин. Вы пришли меня убить и я – защищаюсь. Я защищаю свою жизнь и защищаю жизнь моих соплеменников...».

Голос затих. Горноста́й или тот, кого она видела человеком, поднял голову и бесконечно уставшим, глубоким до черноты взглядом, внимательно посмотрел Анне в лицо. Анна взгляда не выдержала – прикрыла веками глаза. По её щекам медленно катились слёзы.

«Мужа жалеешь? Себя? Ребёнка, значит» – горноста́й надолго замолчал. Его молчание казалось Анне бесконечным.

«Хорошо». – Анна вздрогнула, она уже почти потеряла надежду услышать этот чужой ледяной голос, голос от которого зависела жизнь её семьи.

«Хорошо. Я не мщу женщинам и детям. Тем более ещё не рождённым. Я дам тебе шанс нянчить и растить ребёнка. И я верну твоего мужа к жизни, хотя он жесток и безразличен к чужой боли. Только он не будет помнить о том, что с ним произошло. А ты – ты будешь молчать. Женский ум изворотлив – придумаешь правдоподобную историю о неудачном его падении на охоте или что-то близкое к этому. Но как только ты проговоришься, расскажешь чужому или даже самому близкому человеку про то, что здесь случилось на самом деле – и муж, и ты, вы оба – превратитесь в ледяные глыбы. А чтобы ты всегда помнила о нашем уговоре, я оставлю на виске твоего победителя отметину – белую прядь».

«Я согласна».

«Наш уговор будет действовать до тех пор, пока кто-то из нас не умрёт. И неважно – ты это будешь или я...».

Жизнь не может состоять из одного только плохого. Постепенно и в селе народ стал выбираться из нищеты. Нашёлся частник, что начал заготовку

древесины, открыл пилораму, цех по изготовлению мебели и срубов под бани и дома – вот и зашевелился народец, стал вспоминать, как работать, появились в домах сельчан деньги...

Ожила торговлишка, магазинчики открылись, киоски, даже небольшой рынок. У взрослых детей лесорубовских, что давно в город да райцентр переехали – машины появились, и стали великовозрастные детишки на тех машинах частенько к родителям добираться, а многие уже своих детей-внуков на лето к дедам да бабкам привозили. И гоняли те внуки на великах по сельской пыли с утра до ночи, да на реку Проиму купаться ездили.

Годов через пять-шесть забываться стали времена чёрные. Да и что о плохом-то помнить? Хорошим жить нужно. Это только плохое само приходит – хорошего трудом добиваться нужно, потому всё больше народу в селе работало, всё меньше по тайге шарахалось да водку лопало...

С того дня, как Анна вывела из январской тайги едва живого мужа, много событий произошло в их жизни. Родился сын – Егорка. Этим августом ему уж шесть исполнилось.

Анна директрисой в своей школе стала. Виктор – главным инженером на частной фирме, той, что теперь село содержало. В доме достаток появился. Живи да радуйся.

Но чем дальше всё было хорошо, тем чаще в душу Анны закрадывался страх, страх того, что всё это может закончиться в одночасье. Седой клочок волос на правом виске мужа временами просто приводил её в ужас. В такие минуты муж не понимал, что происходит с любимой женой – с глазами, заполненными слезами и ужасом, она металась по дому или улице, ища сына, найдя, хватала его и, крепко прижав к себе, забивалась в самый дальний уголок дома. Сидела там часами и никого к себе не подпускала.

Трудно жить человеку под постоянным гнѐтом любого взятого на себя обязательства, а уж такого, где на кону жизни близких людей, в том числе и своя – тем более. Боязнь проговориться превратилась в ежедневный, выматывающий, не отпускающий ни на минуту, кошмар.

И Анна стала молиться. Хотя трудно назвать молитвой те слова, что она шептала. Наверное, эти слова можно назвать заклинанием, но Анне они казались молитвой. И вряд ли её можно осудить. В её молитве-заклинании было всего два слова: «Умри, горностаи!».

Где бы и что ни делала: «Умри, горностаи!». Куда бы ни шла, ни ехала: «Умри, горностаи!». И днём, и бессонной ночью: «Умри, горностаи!». Часто проснувшийся утром Виктор видел, как Анна сидит с мокрыми, красными от бессонницы глазами и что-то шепчет. А в ответ на его вопросы, она только прижималась к его груди и тихо плакала.

Муж понимал, что все эти перемены, произошедшие с Анной, это отголоски несчастного случая, произошедшего с ним на охоте. И то, что он не помнит, что конкретно с ним произошло, и этот белый, словно вымороженный клочок волос на правом виске, который не удаётся ничем закрасить, ни выстричь, и нежелание Анны вспоминать какие-либо подробности того дня – только укрепляли его в этом понимании. Он не знал, чем помочь любимой женщине, но как мог, оберегал её от страшных воспоминаний. А то, что воспоминания Анны были страшными – в этом Виктор не сомневался. Единственное, что он смог сделать для Анны реально, как ни глупо это может показаться, так то, что шляпы, которые он любил, или фуражки, которые он терпеть не мог, носил теперь с креном на правую сторону, чтобы белой клочок волос как можно реже попадался ей на глаза.

Жаркий август постепенно растворялся в утренних туманах. Ещё неделя, и уже осень. Первое сентября. Анна ещё не решила, то ли в школу к себе Егорку определить в первый класс, хоть и с шести лет, то ли пусть ещё год в садик походит. Виктор был против раннего обучения, Анна же колебалась.

Сегодня за завтраком решили так, вот завтра приедет Егор от бабушки из города, скажет в школу – пойдёт в школу, скажет в садик – пойдёт в садик.

Проводив Виктора на работу, Анна принялась мыть посуду. Во дворе слышался скрип калитки, а через мгновение кто-то постучал в двери.

«Нюрка! Дома, что ли?».

«Дома, дома! Входите, Алексей Дмитриевич, не заперто».

«А то б ты ещё запиралась – чай не в бандитском городе живём», – высокий, сухопарый старик Жарков, пригибаясь в дверном проёме, шагнул в сени. В одной руке у него длинный, вытертый до блеска батожок, в другой холщёвая сумка.

«Дома твой-то?».

«На работу уж ушёл. Нужен, что ли?».

«Он-то, как раз, и не нужен. К тебе дело имею. Неотложное».

«Ну, так в дом пойдѐмте, чего ж в сенях-то говорить будем».

«Сегодня, как раз, в сенях-то нам удобнее будет», – старик подошёл к старому столу, что в углу сеней, и что-то вывалил на него из сумки.

Анна заглянула через плечо Алексея Дмитриевича. Охнула и тихо сползла по стене на пол.

«Анька! Да ты что, помирать собралась что ли?! Что ж вы, бабы, дуры-то такие! Ну-кась, отворяй глаза! Отворяй, кому говорю! Во-о-от, давай, давай, отворяй. Не закатывай, не закатывай их! Воды? Где она у тебя?» – старик оглянулся. На табурете стоял большой эмалированный бак, прикрытый деревянным кругом. На круге стоял ковш.

Старик заполошно черпанул ковшом воды из бака, да с размаху плеснул ту воду в лицо Анне. Анна вскинулась головой и больно ударилась о стену. С минуту посидела, откинув назад голову с закрытыми глазами, затем отёрла лицо и, опираясь на дедову руку, встала.

«Что ж, ты, баба, фортеля такие выкидываешь! Разишь так можно? – не ты, так я помереть могу», – старик осуждающе покачал головой и, без всякого перехода, ткнув рукой в сторону худенького тельца горностаи, что бездыханно лежало на столе, спросил: «Знакомец твой?».

Анна кивнула. Трудно не узнать горностаи с белой прядью над правым ухом.

«За огородом своим нашѐл. Не убитый он. Никто его не стрелял. Сам помер. Недолгий срок жизни горностаи отмерен. Нет твоей вины в его смерти».

«Почему моей? И почему, дядь Лѐш, вы его ко мне принесли?».

«А к кому ж ещё?! Как тогда, зим шесть-то назад, ты Витьку из тайги едва живого приволокла, я сразу смекнул – нет правды в твоих рассказах, что мол, упал Витенька – зашибся сильно. А уж когда на правом его виске отметину увидел – всё и сложилось. С дозорным вы встретились. С тем, кто тайгу охраняет. Одно только мне непонятно – от дозорного ведь спасу нет. Виноватых дозорный не щадит. А мы ить перед тайгой – ох, как шибко виноватые. А вас отпустил. Как так?! А потом подумал – нет на памяти людской того, чтобы дозорные с бабами, да ещё которые на сносях, воевали. Потому думаю, он вас и отпустил. Тебя с дитѐм нерождѐнным. А Витьку ты уж у него, видать, отмолила. Чем-то ты ему глянулась».

«Как это – глянулась?! Он же зверушка?!».

«У живой души обличье всяко-разное может быть. Что зверушкино, что птицы какой, что человежье. Тело – это ж оболочка, как пиджак или рубаха. И какое кому обличье достанется – не мы решаем. Иной раз душа вот такого горностаея во сто раз человекнее, чем душа какого-нибудь людского выродка. Да и дозорные во всяком виде человеку показаться могут – тебе вот горностаем показался. А кому куницей может, рысью, волком-медведем... Но только хищником. Никаких там – зайчат, белочек, мышат. Дозорный должен уметь защищать, а при надобности и жизни врагов лишать».

«Простите, Алексей Дмитриевич – он говорил со мной в обличье человеческого».

«Вот, и я о чём. Видать в мужицком обличье? – тогда точно – глянулась ты ему. А Витьку в острастку тебе с отметиной отпустил, чтобы значит, лучше помнила и не болтала. Вот, оно, как в жизни-то бывает...».

«Простите, дядь Лёш...».

«Что ты, как попугай – простите, простите! Думать-то когда начнёшь?! Не девка чай – женщина зрелая, учительша, даже выше бери – директриса! – а ума, что у пацана несмышлёныша! Я ить, что пришёл-то – не поболтать с тобой – а то мне заняться боле нечем, пришёл я к тебе с серьёзным вопросом – куда мы его девать-то будем? Ты думаешь, я его только сегодня углядел? Да он все шесть лет этих у твоего дома отирался, всё тебя выглядывал. Говорю же – глянулась ты ему. Запала чем-то в душу. Может, тем, что Витьку не бросила, может, ещё чем. Вроде, как сродственник или там крёстный он твой, да получается и всей семье вашей, вот тебе и решать, что с ним делать. Не собакам же отдавать?».

«Каким собакам?! Вы что, Алексей Дмитриевич?!» – Анна схватила маленькое холодное тельце горностаея и прижала к себе.

«Каким-каким. Нашим. Собаки-то наши – охотничьи. Где у села ни захороним – враз отыщут, будут по селу таскать его да обглаживать...».

«Не да-ам!» – Анна ещё плотнее прижала к себе горностаея.

«Окстись, Анька! Кто же его собакам-то отдавать собирается?! Похоронить его нужно. В тайге похоронить. Там, где вы с ним встретились той зимой. Он же из-за тебя сюда помирать-то пришёл. Душой он к тебе прикипел – а она, душа-то его, к своим вернуться должна. Да и дозор он передать кому-то должен. Тайге без дозору никак...».

Старик Жарков и Анна похоронили горностаея под поваленным деревом, тем самым деревом, на котором горностаея сидел в памятный январский день. Постояли. Помолчали. Старик свернул из старой газеты самокрутку и с нескрываемым удовольствием затянулся. Сизый дымок с терпкой горчинкой домашнего самосада поплыл по тишине августовской тайги...

Невдалеке раздался треск сучка под чьей-то ногой. Анна и Алексей Дмитриевич оборотились на звук шагов. К ним подходил Виктор. Лёгкий ветер перебирал его русую шевелюру, на которой не было никакой белой отметины.

Обняв Анну, Виктор спросил Жаркова: «Что же не позвали? – помог бы. Я ж к этой истории тоже касательство имею...».

Старик, поперхнувшись дымом и не дослушав Виктора, стал тыкать рукою ему за спину. Виктор и Анна обернулись. На небольшом взгорке, метрах в десяти от поваленного дерева, сидел и смотрел на них волк. Обычный. Самый обычный волк. С белой прядью над правым ухом...

ДРАМА

Сергей ЧЕРНЫШЁВ

Детство Прохора

Действующие лица:

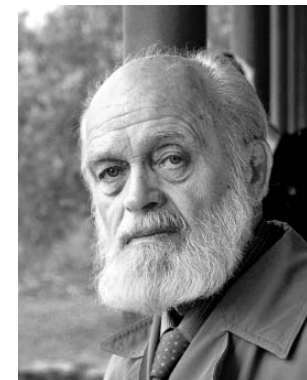
- мальчик Прохор Мошнин,
- его мама Агафья Мошнина,
- крестоходец,
- ведущий.

Действие 1.

Случай в младенчестве Прохора
(сценка для девочки с куклой)

Ведущий:

Великий святой Русской земли преподобный Серафим родился в Курске и назван при крещении Прохором. Имя Серафим ему дано при постриге в монахи. Родители его были Исидор и Агафья Мошнины. Наш рассказ о детстве Прохора Мошнина, который стал потом Серафимом (Саровским).

Сергей Николаевич Чернышёв – профессор двух московских университетов – строительного (МГСУ) и православного гуманитарного (ПСТГУ), доктор геолого-минералогических наук. Преподаёт экологию и инженерную геологию в университетах и Закон Божий в воскресной школе. Окончил Московский геолого-разведочный институт (1959) и Православный Свято-Тихоновский институт (1994). Родился в Москве в старомосковской православной семье в 1936 г. Работал на стройках Сибири, Средней Азии, Ирана, Монголии геологом-испытателем. С 1970-х гг. включился в работу по охране и реставрации памятников истории и культуры. Член ЦС ВООПИиК, Научно-методического совета Министерства Культуры. За педагогическую и реставрационную деятельность награждён орденом и медалью Московской Патриархии.

Живёт в Москве.

*Музыкальная пауза.
Занавес открывается.*

Сцена 1.

В доме Мошниных в городе Курске

Агафья:
Вот тебе кашка.
Ешь её, бедняжка.
Сиротинушка моя.
Здесь с тобою буду я.
Ложка, ещё ложка,
Съедай понемножку.
Кашка белая,
Пшено спелое.
Молоко не проливай,
И не трогай каравай.
С поля братцы прибегут.
С хлебом молока попьют.

Прохор:
Мама милая, давай
Я разрежу каравай.

Агафья:
Хлеб горячий,
 ножик острый:
Резать каравай
 не просто.
Ну, наелся?
 Говори.

Прохор:
Сыт. Спасибо.

Агафья:
Рот утри.
Бога поблагодари,
Да вставай, иди играть:

Дом из чурок собирать,
Твой отец строитель был,
Домы, храмы возводил.
Только умер он.
 Одна
Я Агафья Мошнина,
И с детьми, и по делам.
Не достроен, видишь, храм.
Колокольню там кладут.

Ты будь здесь.
 Я – там и тут.

Прохор:
Мама, можно я с тобой?

Агафья:
Будет трудно, дорогой:
Там, ведь, лестница крута,
И большая высота.

Прохор:
Высоты я не боюсь,
За тобою заберусь.
Ближе к небу быть желаю,
С ангелами поиграю.
С ними я повеселюсь
И на землю опущусь.

Агафья:
Ну что ж, пойдём.
 Посмотрим. Там
Кому-нибудь
 тебя отдам.
Уходят.

Сцена 2.

У строящейся колокольни

Агафья:
Ну, вот, пришли мы к колокольне.
Внизу-то нету никого.
Кому же поручить его?
Здесь поиграй.
 Песка довольно
Для стройки с папой завезли.
Пеки куличики свои,
Пускай ручьи, плотины строй

Прохор:
Нет, мама, я наверх с тобой.

Агафья:
Опасно там, мой дорогой.

Прохор:
Возьми меня ты, Бога ради.
Я там не подойду к ограде.

Агафья:
Ограды нет, и крыши нет.

Ну, что ж:
 семь бед
 — один ответ.
 Идём!
 Взглянёшь на белый свет.

Уходят. Слышны голоса.

Прохор:
 Спасибо, мама, что взяла.

Агафья:
 Повесим, вот, колокола.
 Тогда по лестнице крутой
 Набегаемся мы с тобой.

Музыкальная пауза.

*На сцену сверху в отрезе ткани (полотенце) спускается Прохор и ложится на пол, либо падает кукла в размер исполнителя.
 Вбегают Агафья и боятся смотреть на землю, где лежит Прохор.*

Агафья:
 Упал!
 Разбился мой сынок.
 Не-до-смо-тре-ла!
 Бог мой! Бог!

Прости нескладную меня.
 Верни его хоть на полдня,
 Пред смертью Прошу причастить
 И с миром к тятю отпустить.

Прохор:
 Не плачь.
 Я цел и жив-здоров.
 Мне Богородица Покров
 Простёрла в небе голубом,
 И мягко опустила в нём.
 Я встал на ножки и, любя,
 Бегу обрадовать тебя.

Агафья:
 О чудо!
 О Великий Бог!
 Да-а-а!
 Кто б себе представить мог...?

Обнимает сына и долго стоит в молчании.

Действие 2. Болезнь отрока Прохора

Ведущий:

Прошло несколько лет. Прохор подрос. Он уже не младенец, а отрок, резвый весёлый, любимый домашними. Начал учиться. Читает церковно-славянские тексты. Но вдруг заболел, слёг, сильный жар. Уже много недель болеет, а на поправку дело не идёт. Побледнел, исхудал, с постели не встаёт.

В этот момент мы увидим его, когда откроется занавес.

Прохор:
 Мама, дай испить водицы.
 Что-то нынче мне не спится.

Агафья:
 Может, съешь чего?

Прохор:
 Нет, нет.

Агафья:
 Ты совсем не ел обед.

Прохор:
 Вот поправлюсь я. Тогда
 Буду есть обед всегда.

Агафья:
 Чтобы силы накопить
 Надо молочка испить,
 Красного, топлёного,
 В печке запечённого.

Прохор:
 Ах! Мама, я тебя люблю.
 Ты просишь, что ж — давай попию.
 Сама ты мне его налей,
 И поднеси-ка поскорей.
 Твоей прохладною рукой
 Мне лоб, пожалуйста, накрой.
 Одолевает жар меня
 Уже, я думаю, три дня.

Агафья:
 Нет, сын, не три дня и не пять.
 Я не могу их сосчитать.
 С ночами эти дни слились
 И в сердце все отозвались.
 Когда же встанешь ты, сынок?
 Не чаю уж узнать тот срок.

Прохор:

Тебя утешу я, родная.
Сейчас лежал, глаза смыкая,
И как бы начал я дремать.
Стояла тишина такая,
Что можно Бога увидеть.
Вдруг слышу в этой тишине,
Как бы приснился голос мне:
«Внимай, внимай, внимай, малыш.
Знай, телом спишь, душой не спишь.
Грядёт Пречистая сюда,
И с Нею ангелов череда».
Вдруг хор торжественно запел.
Я таял весь, я весь сомлел
От красоты тех тихих слов.
Я стал сам слух и был готов...
Вдруг снова стала тишина.
И тут мне говорит Она:
«Я приняла тебя в Покров.
Вот и теперь ты будь готов:
Я посету и исцелю.
Тебя, как сына я люблю».
И снова тишь, и снова хор.
Цветущий вижу я бугор,
И песнь уходит за него.
И уж не слышу никого.
Тут закрипела наша дверь.
И ты вошла, и мы теперь
С тобой любовно говорим,
И Бога мы благодарим
За обещанье исцелить.
Ведь, Божья Матерь навестить
Нас обещала здесь. Да, да!
Но только вот когда? Когда?

Агафья:

Сынок, я счастлива светло,
Когда б то ни произошло,
Я земно поклонюся ей
Небесной Матушке моей.

Смотрит в окно и говорит:

Смотри-ка радость-то какая!
Во двор к нам наша Коренная
Царица-Матушка идёт.
С ней повернул весь крестный ход.

Входит крестный ход с иконой Богородицы Курской Коренной.

Крестоходец:

Прости нас, матушка Агафья.
Вишь, экое случись несчастье:
Мы крестным ходом шли, как встарь.
Да ливень вдруг. Мой государь!
Такая сильная гроза,
Что тьма, хоть выколи глаза.

Прими под твой домашний кров
Хоругви, баб и мужиков.
Пусти ты нас в свой крытый двор,
Что строил брат наш Исидор.
Открой нам выход на зады.
На улице моря воды.

Агафья:

Нет, милый, в горницу прошу.
Молитву с вами совершу
Царице нашей Коренной,
Чтобы поправился сын мой.
Уж месяц он лежит больной.
К нему икону поднесём,
Его приложим и споём,
Споём тропарь на голоса:
Царица деет чудеса.

Молятся, поют тропарь Богородице, её иконе Знамение; прикладывают отрока Прохора к иконе.

Все:

Богородице Дево, радуйся.
Благодатная Марие,
Господь с Тобою.
Благословенна Ты в женах
И благословен
Плод чрева Твоего,
Яко Спаса родила еси
Душ наших.
(Либо тропарь иконе «Знамение», гл.4)

Крестоходец (взглянув в окно):

Видать прояснило чуть-чуть.
Продолжим мы свой крестный путь.
Мир дому и здоровье сыну
Дай, Господи, в сию годину.

Агафья:

Благодарим за посещение.
Надеемся на исцеленье.

Уходят.

Прохор:

И, правда, мама, я здоров,
Как сто, как тысяча коров,
Когда они, идя по лугу,
«Му-му» трубят на всю округу.

Агафья:

Они тогда спешат домой,
Скорей на дойку, милый мой,
Хотят отдать нам молоко:
При полном выеме не легко.

Зачем ты говоришь пустое?
Скажи, по правде, что с тобою.

Прохор:

Я исцелён.

Агафья:

О слава Ей!
Небесной Матушке моей.
Она тебя ласкает, Проша.
Ты для неё, как мне хороший.

Действие 3

Благословение от матери

Ведущий:

Прошло ещё несколько лет. Прохор возмужал. Юношей он отпра­сился на богомолье в Киев. Он был постоянно занят в торговой лавке, но мать отпусти­ла его. Сейчас мы увидим Прохора в момент возвращения из Киева домой.

Прохор:

Здравствуй, мама милая!
Я пришёл из Киева.
Помолился за тебя,
Крепче крепкого любя.
За покойного отца
Клал поклоны без конца.
Братцев тоже помянул,
Чтоб тебе был караул,
Чтоб родителей труды
Продолжали без беды.

Агафья:

Но ведь ты наследник тоже.

Прохор:

Мне в дела входить негоже.

Агафья:

Ну а ты куда ж, мой свет?

Прохор:

Старцем велено обет
Мне монашеский сказать.
Значит, иноком мне стать.
Любо мне молиться Богу.
Скоро в дальнюю дорогу
 Попрошу меня пустить
Русский север навестить.

Агафья:

Как же так, родимый мой?
Только что пришёл домой.
В лавке место для тебя.
Учись работать для себя.
Твой род – купцы, твоя среда...
Дела и честь для нас всегда...

Прохор:

Ах! Мама, мама! Что мне честь?
Молиться Богу, вот что есть
Мне дело жизни навсегда,
На очень многие года.
За Вас молиться весь свой век,
На то я создан, как мне рек
Затворник киевский в тиши.
Но и сказал мне: «Не спеши,
Утеши мать, уверься сам,
Что через келью к небесам
Пройдёшь монашеским путём,
Чтобы не пожалеть потом».

Агафья:

Ах, Проша! Тятя нас покинул.
Теперь намерен ты на рать
С полками бесов воевать.

Пауза; задумавшись, значительно:

Но старца есть благословенье,
О Боже! Дай вдове терпенье
Семьи родимой умаленье
Безропотно переживать.
Благословлю тебя крестом.
Иди на север. Там твой дом.

Сказ о святых Петре и Февронии Муромских

Действующие лица:

- ангел или ангелы,
- князь Пётр, в монашестве Давид,
- княгиня Феврония, в монашестве Евфросиния,
- 1-ый боярин,
- 2-ой боярин,
- Змей Горыныч,
- сказитель.

Действие 1.

Явление 1.

Князь Пётр сидит на троне, при нём меч и держава. Перед ним его люди, бояре и зал.

Сказитель:

Не сказку-небылицу,
Мы быль покажем вам.
Небесная Царица
Поможет в этом нам.
Начнём, благословенье
У Бога испрося
На каждое движенье,
На каждое мгновенье,
На всё, на все и вся.

Лет эдак восемьсот назад,
А может быть, и более,
Стоял, где ныне, Муром-град,
В лесах, а не в ополии.
Под ним текла река-Ока
И широка, и глубока.

Князь Пётр в том граде управлял
И православных наставлял:

Кн. Пётр:

Люди мои, хрестьяне,
Будьте послушны князю.
Каждый своё работай.
Дети, учитесь добро.
Воины, врагов разите.
Мужи, пашите землю.
Плотники, стройте дома.
Каждый трудись под Богом,
А за другим не бдите:

Видит Бог и наставит.
Всякому даст утеху.

Явление 2.

Появляется Змей Горыныч. Рычит и нападает на князя.

1-ый боярин:

Нечистый, сгинь.

Кидается на змея и падает, сражённый в борьбе.

2-ой боярин:

В свою Горынь, (Горынь – название реки к западу от Киева)

Нечистый, сгинь.

Нечистый, сгинь

В свою Горынь.

Повторяет слова в борьбе со Змеем. Но отступает за сцену.

Кн. Пётр:

Повадился ты зря сюда.
Здесь не минует тя беда.
Меч Агриков в моей руке:
Не уцелеть твоей башке.

Князь мечом поражает Змея.

Кн. Пётр:

Я Змея победил,
Я кровь его пролил.
Кровь его поганая
Причинила раны мне.

И разболелся я немало.
О, горе мне! О, горе мне!
Вся голова моя в огне.
На теле язвы, силы нет.
Не мил мне ныне белый свет.

Занавес.

Сказитель:

Друзья его утешали,
Да не утешили.
Врачи его лечили,
Да не вылечили.
Но вот достигла князя весть,
Что на земле рязанской есть

В лесах дремучих за Окой
 Деревня, где царит покой.
 В деревне той живёт девица,
 Ещё почти отроковица.
 Она премудрою зовётся
 За то, что лечит да смеётся:
 Лечение ей легко даётся.
 От Бога дар она имеет,
 И доброту без меры сеет.

Поехал князь искать девицу –
 Премудрую отроковицу.

Занавес.

Действие 2.

Явление 1.

Феврония разбирает травы.

Феврония:
 Травки мои милые,
 Травочки зелёные,
 Цветики препёстрые,
 Ягодки пресладкие,
 Людям вы излечите
 Их болезни разные.
 Вот крапива жгучая,
 Кровь очистит чёрную.
 Вот калина горькая,
 Для того же годная,
 А ромашка белая
 Чистит кожу хворую.

Явление 2.

Входит кн. Пётр, крестится на образа.

Кн. Пётр:
 Здравствуй, красная девица.
 Не ты ль Февронья премудрая?

Феврония:
 Верно. Я
 Феврония.
 А что премудрой назвал,
 Так загадку тебе дам.
 Жду я братца.
 Он травки и ягоды
 Из леса несёт.

Но не идёт он.
 В лесу на дереве висит.
 Через ноги на свою смерть смотрит.
 Отгадай, чем он занимается ?

Кн. Пётр:
 Да жив ли он?
 Бежим его спасать.

Феврония:
 Жив мой братец и здоров.
 Сам на дерево залез.
 Рядом туча комаров,
 А кругом дремучий лес.

Кн. Пётр:
 Ужель смекалки я лишён?
 Нет! Не пойму я, кто же он.

Феврония:
 Чтобы легче отгадать,
 Я песенку тебе спою.
 Её пока никто не знает.
 А через много-много лет
 Все детки будут петь её.

Кн. Пётр:
 А ты откуда знаешь?

Феврония:
 Господь, ведь, милостив ко мне
 И всё мне открывает.
 Вот и зовут меня Премудрой.
 Им невдомёк, что всё от Господа.
 Так слушай и отгадывай:

«Я тучка, тучка, тучка,
 А вовсе не медведь.
 Ах, как приятно тучке
 По небу лететь».

Кн. Петр:
 С твоей подсказкой отгадал:
 Он на деревьях мёд собирает.
 Видать, он молод и удал,
 Из дупел соты вынимает.

Феврония:
 Да, бортник он и древолаз.
 На дерево залез сейчас.

Верно отгадал.
 Вылечу тебя.
 Поясочек развяжи.
 Свои язвы покажи.
 Мы молитву Богу скажем.
 И их мазями помажем.

Занавес.

Сказитель:
 Закрыт врачебный кабинет.
 Приёма нынче больше нет.
 Премудрая дева Феврония вылечила князя.
 Он полюбил её душой.
 На ней женился.
 Стала Феврония княгиней в Муроме.
 Жили они, правили,
 Христа-Бога славили.
 Только невзлюбили княгиню бояре,
 А пуще жёны боярские:
 Не ихнего она рода,
 А крестьянского.
 Зачем не женился князь на боярышне,
 На дочке боярской?
 Стали они наговаривать на Февронию и то, и сё.
 Мол, негоже княгине, как крестьянке,
 Крошки хлебные со стола собирать.

А вот и обед.

Действие 3.

За столом сидят князь с княгиней; заканчивают обед и беседуют.

Кн. Пётр:
 Жизнь у нас хорошая,
 Жена моя пригожая.

Кн. Феврония:
 Жизнь у нас отличная –
 Княжья и столичная.

Кн. Пётр:
 Люди все довольные.
 Слуги наши вольные.

Кн. Феврония:
 Жёны и детишки
 Читают по книжке.

Кн. Пётр:
 И торговые суда
 По Оке плывут сюда.

Кн. Феврония:
 В храмах молится народ
 За свой град и княжий род.

Бояре уносят посуду. Кн. Феврония собирает крошки рукой.

Кн. Пётр:
 Ты не в селе отроковица.
 Тебе, княгиня, не годится
 Сметать остатки со стола.
 Скажи, что в руку набрала?

Кн. Феврония:
 И хлебным крошкам нет цены.
 Они трудом обретены.
 Крестьяне пашут, сеют, полят,
 Собирают хлеб и Бога молят,
 Чтобы до будущего лета
 Хватило для прокорма деток.

Кн. Феврония разжимает ладонь. В ней играют камни-самоцветы.

Кн. Феврония:
 Смотри-ка, князь, не крошки это,
 А дорогие самоцветы.

Кн. Пётр:
 От Бога чудо, видно, нам!

Кн. Феврония:
 Я земледельцам их раздам.

Занавес.

Сказитель:
 Правил князь с княгиней славно.
 Для народа был он главный,
 И защитник, и отец,
 Но пришел тому конец.
 Взбунтовались бояре.
 И княгине приказали,
 Чтобы шла она из града.
 За добро ей вот награда.

Не оставил князь жену.
 Вместе в сторону одну

На ладьях они поплыли,
И грустны, печальны были.

Действие 4.

Бунт бояр. Тот же стол. Но за ним бояре пируют.

1-ый боярин:

Ура! Настала нам свобода.
Вниз по реке отчалил князь.
Ну, что же, лучше для народа,
Чем петь, беспечно веселясь.

2-ой боярин:

Однако кто-то должен править.
Кого бы князем нам поставить?

1-ый боярин:

Я первый здесь. Я буду князь.

2-ой боярин:

Нет, я!

Дерутся.

Сказитель:

И оба пали в грязь.

Голос из зала:

Смотреть не надо потасовку.

Сказитель (работочему сцены):

Тяни скорее за верёвку.

Занавес.

Сказитель:

В борьбе за власть обиды, раны –
Всё получили хулиганы.
И поняли: без князя – ад.
Давай, кричать:

1-ой боярин (появляется перед занавесом):

Князь, князь! Назад!

2-ой боярин:

Вернися княжить к нам с княгиней.
Послушны будем мы отныне.

Сказитель:

Тотчас из ссылки возвратясь,
Своих бояр простил же князь.
Смиряться, гордые бояре
Теперь княгиню уважали.

Так пробежало много лет.
Но не нарушили обет
Любви к народу, Бога ради,
Пётр и Февронья в стольном граде.

Князья состарились с тех пор.
Они, оставив пышный двор,
И от мирских подальше битв,
Ушли в монахи для молитв.

Клубок волос скрывает иней.
Ей дали имя Евфросинья,
А он, сменив свой внешний вид,
Был назван именем Давид.

Живя по кельям во все дни,
Во снах лишь видятся они.
Но сердце сердцу говорит,
Когда любовь горит.

Действие 5.

*На сцене две монастырские кельи, разделённые поперечным занавесом.
Отец Давид и матушка Евфросиния не видят друг друга.*

О. Давид (кн. Пётр):

Слышишь, милая, меня?

М. Евфросиния (кн. Феврония):

Слышу. Вышиваю я.
Что ты? Как ты, дорогой?

О. Давид (кн. Пётр):

Захворал. Лежу больной.
Жизнь кончается моя.
Много, много прожил я.

М. Евфросиния (кн. Феврония):

Не тужи, крепись, мой друг,
Потерпи ты свой недуг.
За терпение твоё
Бог готовит нам жильё.

О. Давид (кн. Пётр):
Тебя ради потерплю,
Но от боли я не сплю.

М. Евфросиния (кн. Феврония):
Вот закончу вышивать,
Вместе будем умирать.

На тот свет пойду с тобой,
Князь мой милый, дорогой.

Жизнь не кончится для нас.
Смертный час – нам добрый час.

О. Давид (кн. Пётр):
Нету больше сил терпеть.
Пришло время умереть.

М. Евфросиния (кн. Феврония):
Коль нет милому житья,
Тут уже не до шитья.

Втыкает иголку в вышивку и умирает.

Сказитель:
Немного не дошив воздух,
Мать Фрося испустила дух.
И, слава Богу, в тот же миг
Монаха смертный час настиг.

Их жизнь не кончилась при том,
Сейчас покажем, что потом.

Свет гаснет. Поперечный занавес падает. Появляются ангелы или ангел в узком луче света, как бы исходящего от него.

Ангел:
Господь к Себе Вас призывает,
На небо двери открывает!

К м. Евфросинии:
Вставай, душа, Господь зовёт.
Мы отправляемся в полёт.

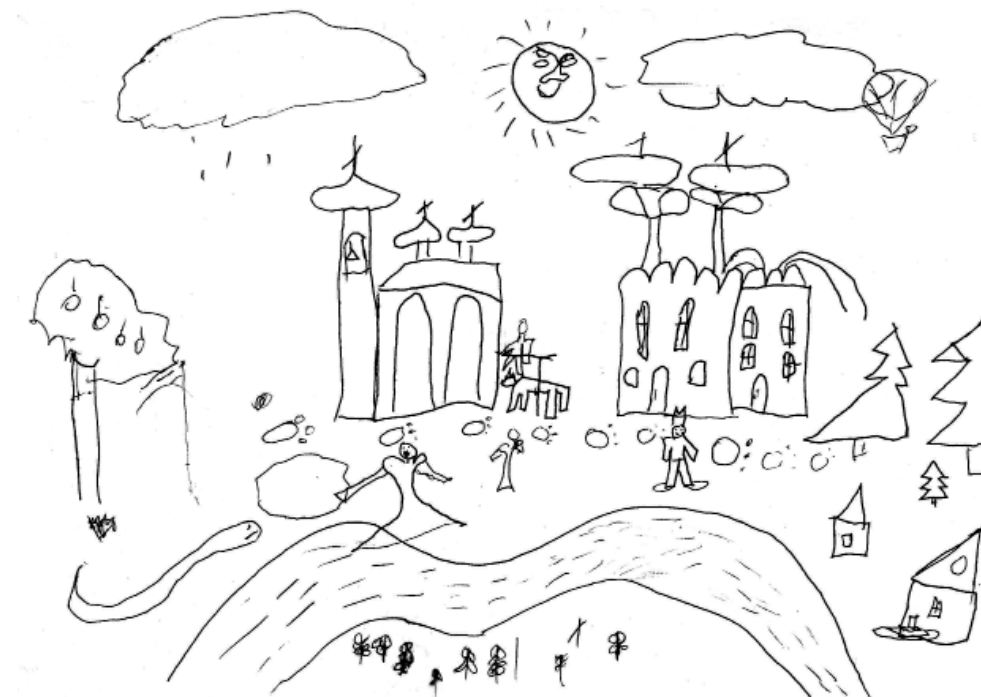
К о. Давиду:
И ты, Давид, скорей вставай,
Подруге руку подавай.

Превыше неба и светил
Поднимет вас Дух Божьих Сил.

Души святых Петра и Февронии видят друг друга и с ангелом (или в окружении ангелов), идут в рай, поднимаются вверх по лестнице.

Сказитель:
Итак, душами единаясь,
С княгиней в рай поднялся князь.

Занавес.

«Пётр и Феврония». Рисунок внучки автора Фроси.

ПОЭЗИЯ

Наталья ПОНОМАРЧУК

НАТАЛЬЯ ПОНОМАРЧУК

Наталья Анатольевна Пономарчук – родилась в п. Деденёво Дмитровского района Московской области в 1958 г., окончила экономический факультет Тимирязевской академии. Работала в колхозе им. Калинина, Дмитровском ГК ВЛКСМ, Бюро молодёжного международного туризма «Спутник», в ряде коммерческих организаций. К 40 годам всерьёз увлеклась астропсихологией и литературным творчеством. Постоянный участник литературного объединения «Слово». Живёт в Лобне.

«Без расставания нет встречи...»

Зимний сон

Зима для философских дум
Нам предлагает время,
Единственный сезон в году
Оправданных сомнений.
Жизнь возрождает солнца луч
Из тёмной низкой тучи,
Ручей среди замёрзших круч
И птиц инстинкт могучий.

Ты моё отражение в зеркале,
Мой двойник, но отнюдь не близнец.
Годы судьбы и лица коверкали,
Предрекая печальный конец.

Можно снять зеркала и задуматься,
Для чего отраженья даны?
Отражаюсь в витринах на улицах,
Застеклённых панелях стены,

Отражаюсь в своём поколении
И словах, что, порой, невпопад,
В уходящем пространстве и времени,
Где хранится событий каскад.

Отражаюсь в своём окружении
И зеркальных поступках детей,
Их реакции, отношении,
Притяжении встречных страстей.

Отражение быстро меняется,
Словно в речке плывут облака...
Может нравиться, может не нравиться –
Отвернулся, и нет двойника.

Не обрета – не потеряешь,
Не взявши в руку – не отдашь,
Всего на свете не узнаешь,
Желания – пустая блажь.
Без расставания нет встречи,
Аскезу не минует страсть,
Нет без молчанья мудрой речи
(В молчанье ценность всякой речи),
Вознёсшись, трудно не упасть.
Искания – пустое дело,
Открытия сейчас и здесь
Нас поджидают и умело
Сгоняют спесь.

Уход от стресса

Поддаваясь извивам судьбы,
Покоряясь невидимой силе,
Понимаю, что люди слабы,
Не всеильны, как в школе учили.

Реки вспять повернуть – ерунда,
Осушить не проблема болота,
Но идут под откос поезда,
Из земли извергается что-то,

Накрывает гигантской волной,
Вырывается атом наружу...
Я б закрылась в избушке лесной,
Не сражаясь с лютующей стужей,

Затопила бы печь поскорей,
Чайник греется, муркает кошка,
Сапоги у закрытых дверей,
На плите закипает картошка.

Так уютно, покойно, тепло,
 Может, чуточку и одиноко,
 Отделяет от мира окно,
 Защищает от страхов до срока.

Непогода, метель – ерунда,
 Лёд ровняет бугры и болота,
 Не пробьются сюда поезда,
 Лыжник в солнечный день на охоту

Забредёт, и опять тишина
 Защищает от всяческих стрессов.
 Освещает сугробы луна,
 Когда прячется солнце за лесом.

Я, конечно же, в город вернусь,
 Где машины, метро, освещение,
 К близким людям, скрывающим грусть,
 При отсутствии общения.

Созерцание

Деревья у воды растут не только вверх,
 Их манит глубина, их отраженье чётко,
 Мозаика листвы, калейдоскоп, трансфер,
 Где в зазеркальный мир вливается тихо лодка.

Движение весла – и отраженья нет,
 Нарушен стройный ряд гармонии и цвета,
 Молчанье и покой помогут дать ответ,
 Чтоб осознать всё то, что за чертою света.

Разрушить гладь воды так просто и легко
 И камнем утонуть в глубинах подсознания
 Или сухим листом, взлетевшим высоко,
 Кружиться, падать, плыть, придавшись созерцанью.

Как хочется узнать, что скрыто в глубине,
 Как страшно разрушать привычную основу,
 Я наблюдаю мир в реальности и сне,
 Не оскорбив его ни действием ни словом.

Путь в бесконечность

Серпентарий змеится злобой,
 Серпантинном дорога ввысь.
 Шансов мало, но выжить пробуй,
 Путь нелёгкий, но поднимись.

Здесь признание как награда.
 Испытанием станет твоим
 Ежедневная доза яда,
 Но останешься неуязвим.

Добродушие неуместно,
 И улыбка не всем к лицу,
 Некомфортно, но интересно,
 Все идут к одному концу.

Не всегда выбывает слабый,
 У сильнейшего больше врагов.
 Больше яда и больше славы.
 Выживает тот, кто готов

Не вскипать от любой обиды
 И, прощая, не помнить зла.
 Серпентарий пугает для вида,
 Где дорога в спираль ушла.

Путешествие на воздушном шаре

Скользят воздушные шары,
 Взмывают вверх, к земле стремятся,
 По правилам чужой игры
 Они взлетают и садятся.

Привычны к ветру и огню,
 Под опытной рукой пилота
 Вздут оболочку, как броню,
 Для них обычная работа.

Освобождаясь от оков
 И пут земного притяженья,
 Коснуться могут облаков,
 Стремясь к стихийному сближенью.

Встречают провожают день,
 Плывут, послушные потоку,
 Дразня собак из деревень,
 То к западу, а то к востоку.

Летят красивы и смелы
 Усиьем воздуха и жара
 Над оболочкою земли
 Подобием земного шара.

Барский суп

– Не знаю, что ты положила в свой необыкновенно вкусный суп, но я нигде никогда такого не ел, разве что у тебя?!

Её самый младший внук, тридцатилетний современный мужчина, занимающий своей богатырской фигурой значительное пространство кухни, просил добавки.

– Ешь на здоровье, – ответила бабушка Нюра. – Ишь, какой вымахал! Чтобы пообедать, тебе не тарелка супа требуется, а целая кастрюля.

Оба засмеялись. Они любили друг друга, но из-за сегодняшней стремительной жизни виделись редко.

– Дома мои женщины: мама, жена, сестра, – продолжал внук, – суется на кухне, ничего подобного приготовить не могут. Я как осёл должен грызть сырую морковку, листья салата с редькой, а затем недоваренные итальянские макароны с какой-то кислой пастой. Очень прошу тебя, научи их готовить настоящую еду!

– Бесплезно, – обречённо покачала головой бабушка. – У каждой из них мои рецепты подробно записаны в тетрадках, но следуя моде и не утруждая себя кухонной работой, они кормят мужчин пиццей и супом из пакетика.

– Ума не приложу, что с ними делать? – уныло отозвался внук.

– Если ты считаешь себя главой семьи, то должен навести порядок, – откликнулась бабушка, – например, как мой прадед, а твой трижды прадед Арсений. Он родился ещё при крепостном праве, но получив «вольную», остался барским кучером. В семье дед имел непререкаемый авторитет, главным аргументом которого был постоянно носимый с собой кнут.

Внук весело рассмеялся:

– Я бы очень хотел посмотреть на то, как воспримут такой аргумент мои женщины? Познакомь меня с нашими предками! Расскажи мне о них!

– Охотно – согласилась бабушка, доживавшая девятым десятком. Она сознавала, что жизнь

Евгения Викторовна Дорогова – родилась в 1928 г. в Москве. Врач. Кандидат медицинских наук. Ветеран Великой Отечественной войны. Член Литературного объединения «Проба пера» при Центральной библиотеке №165 имени Ф.И. Тютчева Южного округа города Москвы. Опубликованы автобиографические рассказы в альманахах «Чонгарский бульвар» за 2011, 2012, 2013, 2014 гг.

Живёт в Москве.

приближается к концу и, наверное, пока не поздно, надо рассказать внуку о всех бывших семейных тайнах. – Пойдём, устроимся на диване, – пригласила она внука, – и перенесёмся в девятнадцатый век...

Семья Арсения была уважаемой и считалась в селе благополучной. Однако жизнь не была привольной, радостной и сытной. Тяжкий сельский труд длился от зари до зари. В церковно-приходской школе учили только мальчиков – один, два или три года. Женщины всех возрастов были неграмотны. Сельчане искренне верили Богу и старались в жизни выполнять Его Заповеди. Бюджет семьи исчислялся копейками, зато детей было тринадцать человек. Их просторный кирпичный дом, всеми своими восемью окошками вросший в землю, сохранился до сих пор.

Шестым по счёту ребёнком была Пелагея, звавшаяся Поляткой. Когда ей исполнилось восемь лет, Арсений, хлопнув по столу кнутом, объявил: «Пора зарабатывать свой хлеб!» Отец отвёз девочку в уездный городок и определил в услужение хозяину мясной лавки.

Полятке поручалось нянчить недавно родившегося сына хозяина Борьку: качать его в люльке, прикреплённой к крюку в потолке, поить водичкой, менять пелёнки и не давать ему реветь. Полятка, оторванная от матери и дома, тосковала, плакала, свернувшись калачиком на половичке под люлькой, укрывшись выданным ей старым тулупом. Борька всегда хотел есть, но хозяйка, его мать, кормила младенца редко, помогая весь день торговать мужу в лавке.

Что давала девочке кухарка, хозяев не интересовало, но чёрного хлеба в доме было вдоволь. Хорошо разжевав хлебный мякиш, Полятка клала его в рот ребёнку. Тот жадно ел и быстро рос. Дети привязались друг к другу.

Весной случилась беда. Заболел Поляткин ровесник Лукашка, служивший в лавке. Весь день он натирал маслом плесневевшие палки колбас и развешивал их по рядам. Иногда он приносил подружке кусочки и обрезки колбасы. Девочке было жалко сироту, она поила страдающего друга водой, клала на его голову мокрые холодные тряпки... Вслед за Лукашкой в лихорадке и бреду умерли старшие хозяйские дети. Заболевшего Борьку, ужасно горячего, Полятка всю ночь держала на своих руках, пока ребёнок не перестал дышать.

Когда приехал Арсений, девочка в жару и беспомощности металась в тёмном углу на своём половичке. Арсений заплакал. Ему говорили: «Оставь её, видишь, отходит!». Однако отец, закутав дочку в остатки того же тулупа, на барской бричке привёз домой. Дома Полятке стало легче, но заболели её братья и сёстры, и одного за другим отец относил их на кладбище. «На всё – Божья Воля!» – сквозь рыдания твердили домашние. Поправляясь, Полятка за всеми ухаживала, всех жалела и любила, своим тонким звонким голоском, утешая, пела песни. Никакой медицины в селе не было. Лекарь, привезённый Арсением по велению барина из города, не смог спасти даже барских детей.

В семье Арсения после неизвестной эпидемии осталось трое детей: самая старшая Алёнка, Полятка, и младший брат Мишутка. Мнение сельчан было общим: «Господь даровал Полятке жизнь для служения Богу!» Дальнейшая её судьба считалась счастливой. Ей предстояло жить в безбрачии и быть Христовой невестой. Девочка славилась своей добротой, не пропускала церковные службы и пела «ангельским голоском» в церковном хоре.

Поправившийся брат стал ходить в школу. Учиться он не любил, за что был не раз бит отцовским кнутом. Чтобы помочь братишке, Полятка стала учить уроки вместе с ним и быстрее Мишутки научилась читать и писать. Родные считали её очень образованной, так как наряду с грамотой она знала наизусть множество церковных молитв.

На одиннадцатом году жизни юная церковная певчая, скромная и пригожая девочка приглянулась барыне. Недавняя крепостница, владелица тысячи крестьянских душ, полновластная хозяйка огромного имения взяла её в барский дом «на побегушки» к горничным. В народе хозяйка звалась Змеючкой. Однако родители Полятки посчитали переселение дочки счастьем, дарованным небесами.

Снова Полятке пришлось спать на полу у кровати барыни, но теперь уже на коврике с настоящей подушкой и одеялом, круглосуточно выполняя различные приказания хозяйки. Расторопная, смышлёная девочка вскоре стала любимой горничной. Никто не мог так ловко справиться с бесчисленными крючками корсета барыни или без слов понять, чего желает повелительница. Хозяйка брала её с собой в частые поездки в столицы, по Волге до самой Астрахани и даже в Париж. В качестве поощрения барыня выделила для служанки отдельную комнатку в людской избе, где девушка могла отдыхать и хранить получаемые в подарок туалеты и украшения. Подрастая, Полятка превращалась в яркую красавицу, притягивающую к себе внимание мужчин.

С ухаждёрами Полятка вела себя строго, категорически отвергая все их ухаживания. Она верила, что Небесный Жених ждёт её. Особенно тяжело было летом, когда приезжал из Англии на каникулы сын хозяйки в компании двух друзей-однокашников. Один из них был скромным бедным дворянином, будущим управляющим этого имения, другой – наследником огромного состояния отца, видного российского промышленника. Молодые «баре», что называется, не давали прохода Полятке. Однажды в безлюдном месте они напали на неё. Полятка яростно отбивалась, но силы были неравными и, поняв, что погибает, во всю силу своего звучного голоса закричала: «Господи, помилуй!!!» Богатый наследник вздрогнул, подхватил под руки своих друзей и увёл их от Полятки прочь. В знак благодарности за спасение она постоянно поминала богатого барина в своих молитвах.

Через несколько лет горячая, безудержная любовь всё же настигла Полятку. Она возникла между ней и Карпом, красивым и весёлым помощником барского повара француза Мишеля. В праздничные дни при большом количестве важных гостей в помощь поварам на кухню направлялись женщины, и Полятка в их числе. Карпушка влюбился в неё «без памяти». Он всячески оберегал понятливую и внимательную девушку, охотно постигающую кухонную науку и французские кулинарные тонкости хвалившего её повара Мишеля. Яркое вспыхнувшее чувство неудержимо влекло Полятку к Карпушке, но изменить Небесному Жениху она была не в силах.

Романтические отношения между молодыми людьми стали известны Змеючке. Она «отчески» оттащила за косы горничную, а Карпушке запретила с ней встречаться. Нарушивший запрет Карпушка был по её приказанию избит. Но эта мера не остановила парня. Тогда хозяйка уволила его и прогнала из дома. Один из гостей, имевший большое имение недалеко от Москвы, пригласил хорошего повара к себе на службу. Вскоре повар Карп должен был далеко уехать вместе с новым хозяином.

Перед отъездом Карп Иванович предложил своей любимой выйти за него замуж и уехать с ним вместе. Полятка оказалась в тяжёлой психологической ситуации. Замужество для неё означало нарушение Завета Богу, поэтому девушка решила стать монашкой. В тот же день с группой паломников она направилась в город Саров, в Дивеевский монастырь. Известный всей стране Старец выслушал несчастную Полятку, на монашество благословения не дал, сказав: «Иди замуж или возьми сироту на воспитание и живи одна».

Радостная Полятка заспешила домой, чтобы дать ждавшему её Карпушке согласие на брак. Свою первую единственную ночь они провели вместе как муж и жена. Едва заснув на рассвете после проводов невенчанного мужа, она услышала стук в дверь. Решив, что он вернулся, Полятка распахнула её. На пороге стоял тот самый молодой барин, спасший её когда-то от своих друзей. На этот раз он приехал из столицы по делам, купил лес на том берегу реки и заехал на день навестить поляткиных господ. Нечаянный гость нежно взял на руки ошалевшую, растерянную Полятку и отнёс её на постель.

Поле этого случая Полятка заболела. К Карпу Ивановичу уехать не посмела. Через короткое время она почувствовала под своим сердцем растущее дитя.

Когда всем стало известно и понятно состояние Полятки, барыня выгнала её из своего дома. Но одновременно с потерей Поляткой службы, в селе стали происходить необыкновенные чудеса. Вдруг, Змеючка, известная своей жадностью, купила новенькую избушку рядом с избой многодетной Поляткиной сестры Алёны. В неё она поселила свою бывшую горничную со стариком отцом, в прошлом барским кучером. Вслед за этим событием произошёл не менее удивительный случай. Внезапно разбогател Алёнкин муж. Для своих шестнадцати детей он построил просторный дом и открыл прибыльно торгующую сельскую лавку. Когда же Полятка родила девочку, зять собственноручно отнёс младенца в церковь, записал себя её отцом, назвал Дарьей, дал свою фамилию и отчество, после чего принёс младенца на воспитание родной тётке.

Ходил слух, что заплатил за все чудеса молодой барин, купивший лес за речкой. Многие считали произошедшее делом рук Карпушки. Вскоре село успокоилось. Полятка занималась своим хозяйством, помогала священникам, пела в церковном хоре. Быт сложился так, как сказал в своё время саровский Старец. Она тихо жила одна и воспитывала девочку. Дед Арсений, впавший в детство, всячески оберегал внучку, играл с ней в куклы. Пелагея с любовью, терпеливо переносила его нелепые поступки. Однажды зимой среди ночи ей пришлось ловить его, спрыгнувшего с печки в исподней одежде. Старик, шагая босиком по снегу, ворчливо спрашивал дочку, почему она не слышит, что звонят к обедне? Далеко перешагнув свой столетний возраст, накануне Революции, он тихо скончался.

Новая беда пришла в село в тридцатые годы. Алёнкиного мужа (официального отца Даши) раскулачили, обширное хозяйство и большую семью разрушили. Полятка с дочерью, как бывшая прислужница помещиков, еле успела убежать от расправы. Терпя ужасные бедствия, она случайно встретилась в Москве с одним из друзей молодого барина, бывшим управляющим его имением. Тот перешёл на службу советской власти, женился на молодой большевичке и, имея просторную служебную квартиру, поселил в ней старую знакомую в качестве поварики и домашней работницы.

Дочка вскоре вышла замуж за московского рабочего. Устоявшуюся жизнь трагически прервал тридцать седьмой год. Однажды ночью хозяина увезли из

дома. Даша не бросила тётку, лишившуюся крова и средств существования. Она поселила её в своей семье, оформив, как родную мать.

Бабушка Пелагея души не чаяла в родившейся внучке Анне, называя её ласково: Нюрочка, Нюрок. Она тяжело переживала активную комсомольскую деятельность своей дочери, но не возражала, ограничиваясь тихим замечанием: «Господь всё устроит». Сидя рядом с подрастающей внучкой, трепетно слушала её чтение, вникала в решение задачек и в таблицу умножения. Со счастливой улыбкой просила красиво написать по косым линейкам столбцы странных имён (Карп, Прокл, Акси́нья...). Их имена во время церковной службы священник громко называл Богу. Поняв, что и о ней идёт речь, внучка подумала: «Ну как же Бог узнает её, если велено написать «отроковица Анна?»». Она исправила ошибку и написала «отрукавица (мол, от рук отбившаяся) Нюрка» Читая записку, священник строго посмотрел на Нюрку, но назвал её, как велела бабушка. Нюркина мама-комсомолка походы в церковь не одобряла и говорила, что Бога вовсе нет, но девочка не хотела огорчать бабушку и дома о хождении в храм не рассказывала. Бабушка благодарно её обнимала и тихо вытирала свои слёзы.

При окончании четвёртого класса Нюрка за отличную успеваемость и примерное поведение получила почётную грамоту и большой, красиво оформленный «Атлас мира». Рассматривая подарки, бабушка почему-то долго плакала, а потом сказала: «Дарю тебе летнее путешествие! Пора просить прощение и отдавать долги!» Насчёт долгов Нюрка ничего не поняла, но с радостью стала готовиться к поездке.

Стояло жаркое лето. Через полтора часа пути пригородный поезд остановился у пустынной платформы, со всех сторон окружённой лесом. На полянке у самого железнодорожного полотна щипала травку впряжённая в телегу лошадь. Какая-то румяная бодрая старушка подбежала к бабушке и обняла её. Обе старые женщины громко заплакали, потом засмеялись, оглядывая друг друга, и снова заплакали. Затем они принялись обнимать Нюрку и сбивчиво объяснять ей, что полвека назад они вместе служили барыне-Змеючке. Она выбрала Полятку, а другую девочку выдала замуж в здешнюю деревушку.

Новую знакомую звали Макарихой. Ловко управляя лошадьё по тряской лесной дороге, она привезла московских гостей в свой дом. Просторная новая изба стояла на низком берегу речки. В доме проживали взрослые дети старушки и многочисленные внуки. Бабушку с Нюркой поселили в летней светёлке под крышей. Из окна ей была видна плотина, которая служила также мостом на противоположный крутой берег. Сквозь заросли деревьев просвечивала неработающая церковь и строения совхоза, бывшего ранее дворянской усадьбой. Через отверстия в плотине с большой силой и шумом вырывалась вода, крутившая огромное мельничное колесо. Над плотиной стоял туман из брызг, дающий прохладу в жаркий день. Жилая избушка мельника ютилась, прилепившись к крутому склону холма.

Нюрка мгновенно подружилась с деревенской детворой и с подвижной, весёлой старушкой Макарихой. Девочка с интересом наблюдала, как та доит корову, помогала ей нести бидон к ручью и погружать его в воду, привязав к корням деревьев. Перед тем, как крепко закрыть его крышкой, Макариха ловила лягушку и пускала её в молоко, объясняя помощнице, что теперь молоко никогда не прокиснет. Нюрка перестала пить холодное молоко, но пристрастилась к парному. Она не пропускала ни одной дойки, стоя за спиной

Макарихи со своей большой кружкой, и пила тёплое вкусное молоко, пахнущее коровой.

Целые дни Нюрка проводила на речке. Перед плотиной река становилась широкой и спокойной. Вода в ней была тёплой. На нехитрую удочку легко ловились карасики. В береговых норах во множестве жили степенные раки. Нюрка наловчилась ловить их, и всякий раз при варке зачарованно наблюдала, как они из чёрно-зелёных превращались в оранжево-красных. Вместе с местными ребятами москвичка легко преодолевала речную гладь, цеплялась за нависшие над водой ветки черёмухи и выбиралась на совхозный берег, где, отдыхая, с удовольствием лакомясь терпкими чёрными, блестящими на солнце ягодами.

Незадолго до отъезда домой бабушка с Нюркой были приглашены в гости к мельнику. Огромный мужик, похожий на медведя, с лицом, заросшим седыми волосами, при первом взгляде вызывал страх. Однако знакомство с ним выявляло очень доброго и приятного человека. Жил мельник бобылём. Большую часть избы занимала русская печь. К стенам под окнами были прибиты широкие лавки. Гостей ждал уставленный различной снедью стол с большой бутылью хмельной браги.

Нюрка не отказалась от лапши с куриной ножкой, от печёных раков и блинов с вареньем. Напоив её чаем, бабушка велела идти спать в Макарихин дом. Вечерело. Девочка, выйдя за дверь, столкнулась с ужасной, злобно рычащей хозяйской собакой. Испугавшись, она юркнула обратно. Однако, попав в избу, испугалась ещё больше. Спиной к двери стоял мельник и своими огромными руками обнимал громко плачущую бабушку.

Нюрка, не помня себя от страха, забралась по стоящей рядом лесенке на печку, прильнула к жёстким кирпичам и чем-то накрывшись, притаилась. Что происходило в избе, ей видно не было, но голоса слышались хорошо. Бабушка громким голосом, прерываемым рыданиями, за что-то горячо просила прощения у мельника. Нюрка была готова «отбить» бабушку у старика, но услышав своё имя, замерла и стала слушать внимательно.

Оказалось, что старик всё время наблюдал за ней. «Ростом она в меня, – громко говорил он, – но уж больно тонка и нежна, как барышня. А с другой стороны, она так стукнула обормота Миньку, что он чуть не утонул в мелководье. Это – по-нашенски. Моя кровь!» Окончательный ответ насчёт крови мельник отложил до следующего лета, когда бабушка привезёт к нему Нюркину маму. Поняв, что бабушке ничего не угрожает, девочка незаметно уснула на тёплых кирпичках.

Под утро, когда старики вместе дошли до Макарихиного дома, оказалось, что Нюрка пропала. Возникла суматоха. Проснувшиеся жители деревни стали искать исчезнувшего ребёнка. На помощь пришла злая собака мельника. Когда хозяин дал ей понюхать Нюркин платок и сказал: «Ищи!», – она привела его к собственной печке.

В следующее лето началась Великая Отечественная война, и генетический вопрос остался нерешённым.

После Победы, когда Нюрка была студенткой, Макариха, исхудавшая и постаревшая, приехала в Москву навестить свою давнюю подругу. Она рассказала, что их деревня оказалась в 1942 году полем ожесточённого боя. Все избы сгорели, но её дом чудом уцелел.

Мельник воевал в партизанах, попал к немцам в плен. Его долго истязали, а потом, неизвестно, живого или мёртвого, бросили на мельничное колесо,

вместе с которым он ушёл в водную глубину. Нюрка плакала вместе со старушками. Когда бабушки успокоились, то налили в свои стопки настоящую водку и чинно, не чокаясь, выпили за упокой души Раба Божия Карпа. Затем, ещё раз наполнив стопки, осушили их также чинно за упокой души Раба Божия Прокла.

Согревшись и повеселев, с присущим ей юмором, Макариха начала рассказывать, как спасала свою корову от немцев. Когда фашисты внезапно ворвались в деревню, то поселились в доме, а её выгнали вон. Ночь она провела в хлеву рядом с коровой. Не зная, как спасти её от ножа врагов, Макариха мазала животное навозом от рогов до копыт. На хребет и на бока коровы она налепила навозные лепёшки. Немцы, пришедшие утром резать корову, стали громко ругаться и велели бабке отмыть корову. Она вежливо согласилась и повела своё сокровище на речку. Вокруг стреляли, но Макариха по известному ей броду, перешла на другой берег реки и углубилась в лес. Там прятались оставшиеся в живых жители деревни, и пока наши не погнали фашистов, питались молоком спасённой коровы.

– Спасибо тебе за правду, – растроганно сказал внук. – Очень жаль, что невозможно узнать, кем был мой прапрадед?»

– Как кем? – ответила старая женщина. – Дарья родилась в 1908-м году, а упомянутых мной лиц можно найти в дореволюционных архивах. Сведения о мельнике сообщила свидетель его гибели, бабушкина старая подружка. Могу сказать тебе на прощанье: повар Карп закончил Первую Мировую войну Георгиевским кавалером, в Гражданскую воевал в Красной армии и геройски погиб в Великую Отечественную войну, отдав свою жизнь за Родину. Другой патриот, богатый наследник, внёсший ощутимый вклад в развитие промышленности страны, воевал в Белой армии и тоже отдал свою жизнь за Родину. Оба этих человека, принадлежащих к разным сословиям, были сильными, справедливыми, храбрыми людьми, достойными твоей гордости. Ответ на интересующий тебя вопрос могла бы дать генетическая экспертиза. Однако на барском супе, благополучно дожившим до наших дней, её не проведёшь.

ПАМЯТЬ

Валентина БЕРЕЗОВСКАЯ-КОВУСОВА

«Ждите с победой...»

Письма отца, пропавшего без вести
в 1941-м

Отец мой Кузьма Семёнович Березовский родился осенью 1905 года в деревне Ново-Матюшкино Чердаклинского района Симбирской губернии – ныне Ульяновской области. В голодные годы уходил на заработки и посылал деньги в семью. Служил в Красной армии

В городе Термез служил в технической роте. После армии работал строителем в Свердловске, где познакомился с мамой Матрёной Васильевной Башуровой.

Они полюбили друг друга, поженились и поехали в Москву. Он поступил работать на стройку Наркомстроя. Жили сначала в общежитиях, потом комната в Хамовниках, где родился сын Игорь и где родители отметили первый Новый год с ёлкой. Про это напечатали в газете «Вечерняя Москва» с фотографией нашей семьи:

«Вот как встречает Новый 1936 год рабочий-стахановец».

Ёлка в семье рабочего К.С. Березовского. Москва, 1936 г.

Валентина Кузьминична Березовская-Ковусова – родилась в 1931 г. в Свердловске. Прозаик, переводчик, публицист. Член Союза писателей-переводчиков России. Публиковалась в различных столичных и региональных журналах, альманахах, газетах.

Живёт в Москве.

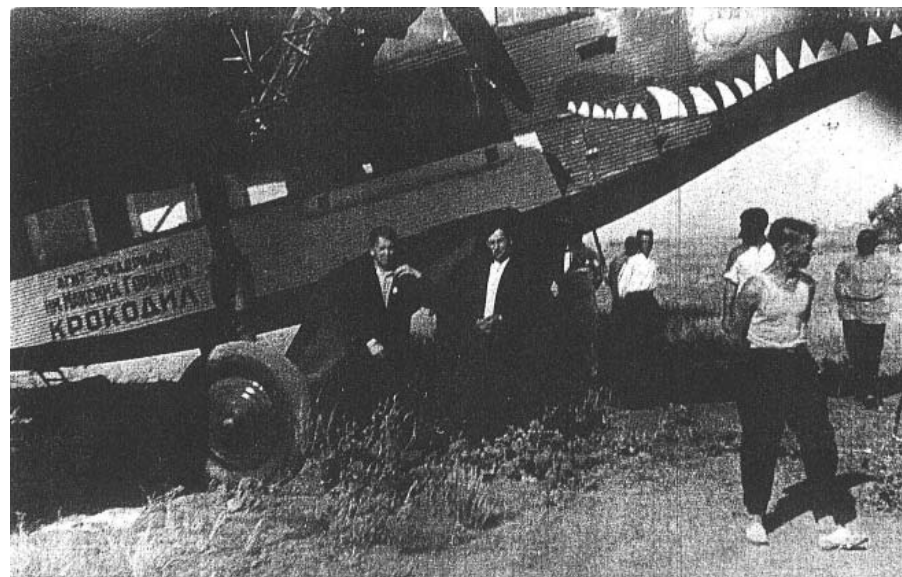
Затем семья получила квартиру в доме близ Белорусского вокзала. Отец хорошо работал, поступил учиться в архитектурный техникум. Изобрёл приспособления для штукатурных работ. Летал на агитсамолёте «Крокодил» инструктором-стахановцем, внедрял по стране по большим стройкам от Наркомстроя новые способы работы.

Экипаж самолёта «Крокодил». Полёт проходил с 1 июля по 5 августа 1938 г.

Бригада строителей-стахановцев, совершившая полёт по стране с «Крокодилом». Первый справа – К.С. Березовский.

К.С. Березовский с бригадой стахановцев готовятся к полёту с «Крокодилом».

Когда началась Великая Отечественная война, мы были в деревне, куда уехали на лето. Отец находился в командировке в Эстонии и вернулся в Москву в пустую квартиру.

С отцом поэтому мы попрощаться не успели. Он уехал на фронт без нас, его никто не провожал, не было прощальных слов и поцелуев.

Тогда ещё никто не представлял, как долго может продолжаться война. Отец думал, что мы вернёмся в Москву скоро, заклеил окна полосками бумаги крест на крест, чтобы их не выбило взрывной волной.

Это мало помогло. На площадь Белорусского вокзала упала бомба, разрушила трехэтажный дом. И стёкла в наших окнах всё-таки не уцелели.

Он писал нам письма каждый день, отправляя открытки и треугольники. Очень беспокоился, как мы живём, не боеем ли, советовал пока оставаться в деревне и купить корову на первое время. Выслал свою последнюю зарплату, оплатил за квартиру, дал займы соседям сорок рублей...

Вот его первое письмо:

«Добрый день дорогие, привет моей родной семье Моте, Вале и Игорю. Во-первых, я вам должен сообщить, что приехал из командировки 4 июля, а вечером 5 июля вручили повестку, срочно явиться в Р.В.К. Сегодня я еще ночью дома, а в шесть утра явиться снова и уедем. Расчет не получил, не успел отчитаться за командировку. Если завтра отпустят за получкой, то pošлю тебе Мотик, а не пустят, то укажу ваш адрес, все деньги переведут вам в деревню. А насчет поездки сюда – пожалуй, не следует. За Валей

приходили, их детей эвакуировали куда-то. Вообще, для ребят и тебя там спокойнее. В ночь на пятое плохо спал. Зять Николай считается как ополченец, завтра едет далеко. От Ефима было три письма, приближается ближе к фронту. Во время тревоги был два раза в бомбоубежище в метро. Там от ребят шум ужасный и народ волнуется. А на счет квартиры и добра не волнуйся – все равно ничего не спасешь. Детей береги и будь хорошей мамой. Работайте в колхозе, помните, что я вернусь с победой над врагом. Верю, что вам трудно там, но ничего не подделаешь. Жаль, что мало пожил хорошо, а может быть, проживем еще лучше. Победим врага – ребятам жить лучше будет. Крепко – крепко целую всех. Всем передайте, что бороться будем до последней капли крови. Проводы были без слез и не зачем плакать, ждите с победой.

Ваш Кузя, писал с 6 на 7 июля 1941 года в 12 часов ночи».

А наши деревенские соседи сидели пригорюнившись и слушали громко прочитанное письмо из Москвы. Давали реплики по каждому совету Кузьмы; по поездке Моти в Москву... Да, мол, лучше оставайтесь пока тут: ведь бомбят же столицу.

Корову по совету отца купили. Мама отвечала отцу:

«...как же без коровы, чем же кормить детей. А на зиму запасем сена. Здоровы, не бодем. Деньги получили, спасибо дорогой, а добра еще наживем, только возвращайся с победой!»

Письмо отца от 18 июля 1941 года пришло уже с фронта:

«Добрый день дорогие Матрена Васильевна, деточки Валечка и сыночек Игоречек. Сообщаю, что жив и здоров, в боях еще не был, но близко находимся на станции Бологое в Калининской области, даже не знаю, где мы находимся...».

А вот короткое письмо с обратным адресом:

«Прошу ответа по нашему адресу: ППЯ 815, почтовый ящик 25 первый батальон Березовскому Кузьме Семеновичу. Ждите с победой.

Кузя от 23/7 – 41. Вечер, лес».

К.С. Березовский г. Термез, 1928 г.

Немцы с остервенением продвигались вперед. Им хотелось завоевать в три месяца нашу страну и, конечно, Москву – столицу СССР.

Нет, не бывает этому. Наши бойцы защищали Родину, не щадя своих жизней. Много их полегло на полях сражений.

На последнем письме отца – штамп: Селижарово Калининской области, где шли тяжелейшие бои:

«Добрый день дорогие мои Мотя, Валя, Игорь и еще всем родным и знакомым привет от защитника родины. Я жив и здоров, сегодня я уже послал письмо, но решил еще написать. Может быть, успею получить ответ от вас ... Целую всех Кузя. 23 июля 1941 года 8 часов вечера. Лес»

Мы все ждали новых весточек от отца, но больше писем от бойца Кузьмы Семеновича Березовского не поступало.

На запросы нам отвечали, что в числе раненых и убитых такой боец не числится. Мы снова посылали запросы. И лишь 18 августа 1944 года пришел официальный ответ из справочного бюро о раненных и больных А.Э.У. Главвоенсанупра Красной Армии:

«...в числе раненных и убитых не числится. Сведения о местонахождении Березовского К.С. не поступало».

Из эвакуации мы вернулись в Москву в июле 1943 года. Маму мобилизовали на завод ЗИЛ, и она там проработала до выхода на пенсию.

Мы с Игорем пошли учиться в школу. До этого мама пыталась устроить сына в Суворовское училище, но графа «отец пропал без вести» сыграла отрицательную роль – Игоря не приняли. После школы он окончил авиационный техникум, затем МАИ, обзавелся семьей и нелепо погиб в авиационной катастрофе в Армении в 1963 году.

Я пошла работать, познакомилась со студентом Литинститута из Ашхабада Анна Ковусовым. Он писал мне нежные стихи.

Когда он окончил институт, мы поженились и уехали в Туркменистан. Там у нас родились дочь и сын, а муж стал народным поэтом Туркменистана. В его творчестве важное место занимала и тема Великой Отечественной, во время которой, защищая свободу и независимость погиб мой отец, погибли славные представители русского, украинского, белорусского, туркменского и других народов нашей многонациональной Родины.

Из Йеменского цикла

Экватор

Волей судеб мы с женой оказались в такой экзотической, малоизвестной стране, как Йемен. С первых дней пребывания мы обогатились массой новых впечатлений, наблюдений.

Мы сразу почувствовали, что находимся на экваторе. В нашем понятии экватор – это тепло, это обильная растительность и самый разнообразный животный мир.

Что касается тепла, его хватает, даже с избытком. Яркое палящее солнце, особенно в середине дня, висит в самом зените и прямыми, горячими лучами впивается в голову, в тело, выжимая пот и тут же поглощая его, потому что влажность воздуха в горах (а город Сана находится на высоте 2 тыс. 300 метров над уровнем моря) доходит до нуля. Небо чистое, и солнце до того блестит, что глазам больно, потому солнцезащитные очки были нашей постоянной принадлежностью. Мы старались в середине дня как можно меньше быть под открытым небом, чтобы не ошалеть от зноя и палящего солнца.

Мы как-то додумались выбраться на море в 10.30 утра. Море чудесное, нежное и синее, синее, как сплошное покрывало васильков, хотя оно называется Красным. Волны не бьют, а как будто ласкаются, капельками воды приликая к телу.

За этими ощущениями приятности мы и не заметили, как прошло полчаса. Зато сразу же заметили, что тело наше стало походить на варёных раков по своему цвету. А через некоторое время с него стала сыпаться шелуха, как тополиный пух в ветреную погоду. Нос мой, как всегда, облупился. И если он раньше походил на луковицу, то после этого напоминал спелый помидор.

Такая жара, зной, безоблачное небо и яркое солнце продолжаются 11 месяцев в году.

Зато в августе (как правило) льют ежедневно проливные дожди, словно забыли закрутить кран

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкүлёва (г. Видное Московской области). Живёт в Москве.

небесного душа. Вода хлещет так, что если в дождь поднять голову кверху, можно захлебнуться от нескончаемого потока воды.

Однажды мы имели неосторожность выбраться после обеда в город. Нас там застал этот дождь – ливень. Сначала мы мыслили переждать его в одном из духанов (магазинов) и вернуться на квартиру. Но пробыв там около двух часов, мы потеряли надежду на осуществление своих планов и решили добираться любыми путями до дома. Улицы представляли собой сплошной поток бурно несущейся воды, словно речки в половодье, захватывая и увлекая за собой весь мусор, отходы, помойки, нечистоты, человеческие испражнения. Центральная площадь, на которой мы оказались, превратилась в грязное болото. Транспорт, пытаясь пробиться через водную преграду, глох, образуя бесформенное скопление затонувших машин. Йеменская пацанва, истосковавшись по воде, прямо в одежде и обуви мерила глубину образовавшихся затоплений, плавала в этом грязном месиве. Нам бы это совсем ни к чему. Но обстоятельства толкнули и нас в подобном виде пробиваться сквозь невероятные препятствия. Потом двое суток отмывались и обсыхали.

Об особенностях погоды, климата этой страны можно было бы продолжать и продолжать, но мы продолжим впечатления об экваторе.

Продолжительность дня в течение всего года почти равна продолжительности ночи. Разница доходит только до получаса. Город Сана находится в нескольких десятках километров от экватора, это расстояние и даёт небольшую разницу во времени.

День сменяется ночью мгновенно, как-то внезапно – точно срывается с каменных гор. Но темно бывает лишь какое-то мгновение. Когда погаснет последний луч солнца, на небосводе вспыхивают яркие звёзды. Я нигде не видел таких крупных звёзд. Кажется, сотни и сотни изрезанных по краям лун повисают над тобой. Звёзды кажутся вокруг, они даже лежат на горизонте. Привычный нам Млечный путь прижался к земле. Медведицы, которыми любуются, наверное, все влюблённые мира, ушли из поля зрения и своими хвостами упёрлись в горы.

В этом феерическом театре серебристого звёздного неба чувствуешь себя как в ярко проявляющемся во время сеанса планетарии.

Так же внезапно на смену ночи приходит день. Свет вместе с солнцем буквально врывается из темноты, словно они были за каким-то укрытием и только ждали сигнала о своём появлении. И тут же несмолкаемый гомон птиц, пронзительные гудки автомашин разрезают воздух. И жизнь опять пошла своим чередом.

Что касается растительности, она здесь весьма скудная, животный мир того беднее. Горы, камни, песок – основная «прелесть» тамошних мест. Всё серо, тускло и мрачно. Только маленькими клочками – долинками – зелень радует глаз. Нет там таких прелестных, ласкающих душу и глаз, мест, как на нашей русской земле. Хотелось сорваться с места, вспорхнуть быстрокрылой птичкой и улететь в родные края. Нет, кажется, мест на земле, где бы было так красиво, приятно, вольготно, как у нас на Руси!

О затмении луны

Вроде бы, что можно рассказать о таком, всем известном явлении природы, как затмение луны?

ПОЭЗИЯ

Анна АВЕРЬЯНОВА

Я наблюдал за лунным затмением в Йемене. Оно было полным. И наблюдать было интересно не только за луной, но за всем происходящим на земле под гаснущим лунным светом.

Дело в том, что у местного населения с луной связано многое. Они живут по лунному календарю, поэтому год у них на 11 дней короче, и новогодний праздник не попадает на одно и то же число. И праздник «Рамадан» (великий пост) – девятый месяц года, тоже «скачет» в зависимости от рождения луны. И наступление его извещают выстрелом из пушки, как только бдительные наблюдатели заметят узенькую полосочку народившейся луны.

Издревле затмение луны в Йемене сопровождалось массовым оплакиванием. Старинная церемония оплакивания луны восходит к далёким временам язычества, когда люди думали, что луна погаснет вовсе, и в страхе зажигали огонь, чтобы разогнать наступающий мрак. Этот древний обычай в Йемене сохранился и до наших дней, так как до сегодняшнего дня в стране бытуют древние, давно позабытые людьми, обычаи. То ли оттого, что народ в большинстве своём неграмотный, забитый, то ли от фанатичной веры во всемогущество Аллаха, он все природные явления связывает со своей судьбой.

Интересно было видеть происходящее в тот вечер.

Где-то около девяти вечера случайно мы заметили, как чёрная тень Земли стала медленно надвигаться на ярко сверкающий лунный диск. Мы с женой забрались на фок (плоскую крышу дома) и стали наблюдать за этим скажочным чудом природы.

Вот тень закрыла луну наполовину. Вот остался только узенький серебряный серп. Наконец темнота полностью поглотила луну. Только виден был темноватый кружок в как-то необычно подкрашенном сферическом куполе неба, и звёзды, словно точки на лакмусовой бумаге будто проявились и зарыбились в глазах. В это мгновение внезапно над Саной (столицей Йемена) вспыхнуло яркое пламя. Сотни костров взметнулись вверх на крышах домов, во дворах, на улицах города. Многочисленная толпа, доселе стоявшая с поднятыми кверху головами, пришла в движение, начала бросать в костры ящики, доски, бумагу, старую утварь – всё, что могло гореть. Языки пламени поднимались ввысь, разгоняя темноту тропической ночи. Казалось, что весь город пылает в огне. А по улицам двигались факельные шествия, звучали печальные старинные гимны, плавная торжественная мелодия плыла над пылающим городом, изредка прерываемая скорбными криками женщин, визгом и шумом возбуждённой детворы.

Из многочисленных колоколов-репродукторов, развешенных на башнях мечетей, неслись, перебивая друг друга, голоса служителей ислама, читающих Коран.

Так продолжалось довольно долго, пока не появился вновь серебряный серп луны. Постепенно прекращалось пение, гасли костры, город погружался в сон. Только яркая луна заливала светом древний город, над плоскими крышами которого ещё кое-где поднимался дым от гаснущих костров.

Наутро все местные газеты вещали об этом необычном явлении природы. Но в описаниях этого события уже не было прежнего страха, неясности, вымышленных предсказаний. В них по-научному разъяснялись причины лунного затмения.

И чувствовалось, что читая эти строки газет, народ Йемена пока ещё с некоторым недоверием, робко, но необратимо идёт к своему просветлению, как небо после лунного затмения.

Анна Валерьяновна Аверьянова – родилась 24 апреля 1960 г. в Минске, в семье военнослужащего. Ещё в школе писала стихи, пьесы и рассказы; некоторые из которых были опубликованы в республиканских газетах, исполнялись по радио. В 1982 г. окончила Белорусский государственный университет по специальности – биофизика. Работала в НИИ ядерных проблем. Окончила Общественный институт научно-технического перевода по специальности – японский язык. Автор серии книг под псевдонимом Лин Бао. Автор сценария полнометражного художественного фильма о событиях времён Екатерины Второй «Повеса». Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Слова на губах застывают, к кому-то опаздывая...

Вера

Я верю, где-то там, в пространстве,
Далёкие, чужие корабли
Спешат... Спешат, чтобы однажды
Заснуть, припав к щеке Земли.
Их было двое,
Пальцы медленно ползли
по бархату,
Как по толчёному стеклу,
Чтобы расплавиться,
Потом растечься
По обнажённому плечу.
Но... ничего не остаётся,
Лишь за стеклом оконным взгляд
Бездонный, ищущий опоры,
Как два щенка слепых,
забредших в сад.
Разбег, полёт, паденье, вечность.
Как всё земное хрупко и непрочно –
Земля сгорает, будто тает свечка
В заброшенной церквушке на обочине.

Но всё-таки я верю, там, в пространстве,
Далёкие, чужие корабли
Спешат... Спешат, чтобы однажды
Заснуть, припав к щеке Земли.

Чудо

Кто-то в платье подвенечном
Вешал на небо скворечник,
А какой-то малый встречный
Заявил, что это – я.

Что ответить, что? – молчу я.
Мне вчера хотелось чуда,
Но чужую радость чью-то
Ты, наверно, увидал.

Он в ответ пожал плечами,
Улыбнулся мне печально
И, как будто бы случайно,
Заглянул в мои глаза.

Свет с листвы, как дождь, струится,
Вдруг взлетели в небо птицы,
Словно занавес из ситца
Ветер, балуясь, поднял.

Три розы

Три засохшие розы и скрипка томились в пыли,
Три свечи догорали в молчании краденой ночи,
И четыре руки не могли расплести
Этот узел, казалось, непрочный.

Несказанное

Слова на губах – будто в церкви,
на Пасху, архангелы
Всё крыльями машут, со стен не умея слететь.
Слова на губах застывают,
к кому-то опаздывая,
К кому-то тому,
Кому без них жизнь, словно смерть.
По-детски наивно, по-взрослому верим – испуганно,
Что, всё-таки, будут слова те произнесены,
Как будто на дальней планете, или даже спутнике,
Искусственных призраков ловим за голубые хвосты.

В дорогу

– А я прошу запомнить запах хлеба
И мягкость пахнущих ромашкою волос,
И землю ту, где детскими губами
Впервые слово «мама» произнёс.
И косы русые, что до земли спадали,
И губы, трогавшие с нежностью глаза,
И руки девичьи, что бешено ласкали,
И холодок, что бросила роса.
И взлёт зари, и гром грозы прошу запомнить,
Что на рассвете разорвала смех листвы –
Ну, разве можно хоть на миг уйти куда-то,
Чтоб сердце птицею не билось бы в груди?

– Но я вернусь, мой дом, да будет встреча!
Как в детство, как в себя, войду в тебя,
И будут снова брать за руки и за плечи
Те пальцы тонкие холодного дождя.

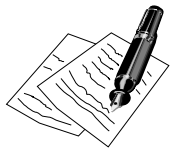
Свидание с домом

К тебе вернулась я, мой дом,
Мы вновь с тобой неразделимы:
Я в каждом уголке твоём,
Где всё знакомо и хранимо,
Где среди пыльной мишуры
Той, что лишь память о любимых,
Лежит цветаевская кисть
Безумно молодой рябины.

Свет растворяется в дожде,
Спокойный, ровный и безмерный,
А дождь в моей душе уже,
Как вечный вестник перемен...

В тишине

Есть в тишине печальное: прости...
Есть детский крик, и есть раскаты грома...
Есть в тишине безумное: пусти
на свет прийти...
Или на крышу дома...
Есть в тишине печальное: прости...
И есть в молчании начало новой жизни,
Как будто хиромант
С твоей рукой запутался
среди параллельных линий...

ПАМЯТЬ

Сергей БУРЕНКО

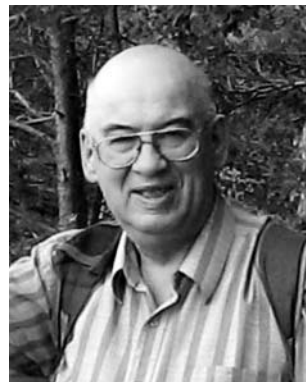
Былое

Детство в московской коммуналке

В начале войны мне было 4 года, и я был отправлен в эвакуацию на Урал. Отец воевал, а мать (журналистка) посчитала, что её место во фронтовой газете, а обо мне прекрасно позаботится родное государство. По поздним рассказам тёти, были пресечены «обывательские» попытки малограмотной бабушки купить на все деньги сахар и мыло. По прошествии десятилетий наивность коммунистической веры моей образованной мамы выглядит дико, как и лозунг «общественное выше личного», доведённый до крайности.

А на Урал приехали земные женщины, они спасали своих детей за счёт «бесхозных», вроде меня. Там мы голодали. Я запомнил, что нас по праздникам кормили щами из крапивы и бутербродами из чёрного хлеба с редькой. Я вернулся домой в 1944 году. По случаю моего приезда на рынке была куплена картошка (по 200 руб. за кг). Мама пожарила её с салом. Мне это было непривычно, я плакал и не хотел этого есть. Взрослые (мать и тётка) в это время ели картофельные очистки.

Когда я вернулся, мать оставила профессию журналиста и стала корректором, чтобы уйти от ненормированного рабочего дня. Мы жили на Петровке в большой коммунальной квартире. Наша комната была раньше частью анфилады. Окно третьего этажа выходило на глухую стену семиэтажного дома. Квартира (на нынешний взгляд) была живописна. Её прежняя хозяйка – купчиха Гаврилова – раньше владела мясной лавкой (магазином) на Охотном ряду. Себе она оставила большую квадратную комнату в два окна, выходящие на Петровку. Почти такую же комнату заняла семья профессора-коневода Желиговского. Ещё две комнаты (поменьше) были у семьи юриста Крупенина. Остальные комнаты с окнами во

Сергей Никитович Буренко – родился в апреле 1937 г. В 1959 г. окончил МХТИ, в 1972 г. – аспирантуру химфака МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат химических наук. Писать начал с 2003 г. Участник ЛИТО ЦДУ РАН.

Живёт в Москве.

двор были заняты (по принципу самоуплотнения) приказчиками купчихи, причём две семьи жили в одной комнате: одна у окна за занавеской, другая у двери. У мамы с бабушкой была почти такая же комната – на них и на меня.

Ещё была кухня, где располагались две газовые плиты. У каждого была «своя» конфорка и свой кухонный столик – один на семью. Обычно я ставил подогревать еду на сковородке и уходил в свою комнату читать. Зачастую соседи стучали мне в дверь и кричали «Серёжа, у тебя горит!». Я выходил и забирал в комнату остатки еды.

Мама работала вечерами. Днём меня отправляли погулять «вокруг квартала» – я шёл по Петровке налево, потом по улице Москвина, где стоит кирпичный теремок – филиал МХАТа, потом на Пушкинскую и по Столешниковому переулку снова на Петровку – домой. Столешников тогда был очень живописен – там был шикарный винный магазин, куда я заходил как в музей, а главное – кондитерская, куда меня посылали иногда за парой пирожных.

Когда я пошёл в школу (168-ю), она была рядом – на углу улиц Москвина и Пушкинской, я попал в первый класс «К». А ещё был 1-й «Л». В классах обучалось человек по сорок.

У нашей бывшей хозяйки была дочь – женщина лет сорока и внучка, моя ровесница. Мы общались, как зверята в зоопарке на площадке молодняка, не сознавая толком «классовых противоречий». В квартире возникали и распадались союзы и коалиции: кто-то с кем-то дружил, кто-то с кем-то враждовал. Время было голодное, всё получали по карточкам. От купеческой внучки (кажется, её звали Таней) я впервые услышал о Боге в таком изложении: «Бабушка помолилась Богу, пришёл дядька и принёс морковки». Во дворе соседнего дома периодически выстраивалась длинная очередь за мукой – там стояли часами. Номера писали химическим карандашом на ладонке. Появилась даже частушка: «А ступка с бабою-Ягой нахально прётся за мукой».

Когда мне было около десяти лет, упомянутая ровесница почти соблазнила меня, но приключение сорвалось оттого, что наша комната не запиралась на ключ. С тех пор она перестала со мной разговаривать на много лет (от стыда, от страха?).

С пятого класса я стал ходить в школу-десятилетку. Она была дальше – там, где Петровка переходит в Каретный Ряд. Не доходя сада «Эрмитаж», надо было свернуть в Успенский переулок. Для меня это было опасное путешествие – приходилось переходить трамвайные пути на Бульварном кольце. С тех пор я стал гулять на Петровском бульваре – довольно широком – аж четыре аллеи. Тогда он казался огромным парком, где играли в прятки. Там я сделал свой первый шаг в ботанике: научился из всех трав узнавать пастушью сумку.

Наше жилище было открытым для всех, приходило много гостей. Если кто-то появлялся внезапно, меня посылали в гастроном, который был в нашем доме, со словами: «Серёжа, купи батон, 200 грамм сыру и 200 грамм колбасы».

Тётка бывала у нас часто и почти всегда оставалась на ночь. Мать с отцом ладили плохо, и после войны он вскоре уехал на родину, на Кубань, где и женился на другой женщине. Он приезжал время от времени и привозил мне подарки. Мать на алименты не подавала из женской гордости, и мы жили бедно – получала она мало.

Зато была семейная стенгазета. В ней сёстры (мать и тётка) беззлобно подтрунивали друг над другом. Вот, например, дискуссия о мыле. Тётя Рая

издевалась над привычкой мамы (Зины) всё время мыть руки: «Зина учит, что мыть руки надо постоянно, так сказать перманентно: входя в комнату и выходя из комнаты, садясь за стол и поднимаясь из-за стола». Повзрослевшему Игорю (сыну Раи) приписывалось крамольное мнение: «Мыло – предмет совершенно бесполезный, так как его нельзя съесть и нельзя поцеловать». Я, со временем, усвоил кое-что из маминого учения, и считалось, что у меня «устойчивые гигиенические навыки». Или другая тема – еда. Мама писала: «Рая входит. "Есть в этом доме что-нибудь поесть?". Зина: "Вот там на подоконнике (а холодильника не было) есть котлеты, варёная картошка, солёные огурцы". Рая (задумчиво): "Нет, это всё плебейская еда, тут я по дороге купила 50 г. жареного миндаля и чай – мне хватит"». В случае, когда входит с тем же вопросом Зина, она слышит в ответ изрядный (по тем временам) список блюд, на что Зина отвечает: «нет мне этого что-то не хочется, а вот на подоконнике уже две недели лежит хвост селедки, который остался с тех пор, когда приезжал Миша. Так вот, мне что-то захотелось его доесть». (Речь шла о моём отце; вообще-то его звали Никитой, но он не любил своего имени и просил, чтобы его называли Мишей).

Мама была жертвенная натура, очень добрая, а тётка – человек талантливый, но жёсткий, опытный полемист, в бытовых привычках – с налётом аристократизма. На всех семейных праздниках звучали стихи. Главным чтецом была тётка, потом двоюродный брат и потом уже мама.

Мать и тётка окончили особенную киевскую гимназию, где было совместное обучение мальчиков и девочек. Литература и история преподавались там на университетском уровне. Женское равноправие стало маминым «коньком» с тех пор, когда она прочла книгу Бебеля «Женщина и социализм». В 1918 году она вступила в комсомол. Когда об этом узнал её преподаватель литературы, он спросил у неё – по-прежнему ли она любит русскую литературу? «По-прежнему» – ответила она. Тот произнёс изречение: «Пусть жертвенник разбит, но фимиам ещё курится».

Но вернёмся в Москву. Жизнь наша на Петровке была интересная, но очень бедная. Дело было не только в том, что не хватало денег, а в богомном стиле жизни. Бесконечных гостей надо было кормить, они приходили без приглашения и, как правило, с пустыми руками. Мама была плохо одета, а я из всего быстро «вырастал». Мама всё что-то перешивала, чинила – но это плохо помогало. В школу я ходил в байковых лыжных костюмах. Когда в старших классах начались «вечера отдыха» с танцами, участвовать в них я не мог, потому что стыдился своей бедности. Первый плохонький костюм у меня появился только к выпускному вечеру.

Вспоминаю эпизод, связанный со смертью И.В. Сталина. Я считал необходимым проститься с «вождём», в которого мы все верили. Легально попасть в Колонный зал Дома союзов было невозможно. Побродив по окрестным переулкам и потолкавшись на Трубной площади, я сумел выйти на Пушкинскую улицу по крышам домов нашего квартала. А там со всеми вместе удалось достичь цели.

Как-то классе в девятом у нас собрался семейный совет: мать, тётка и двоюродный брат – историк. Я, по обыкновению, лежал на диване и читал. Старшие задали мне жёсткий вопрос: «Куда ты собираешься поступать?». Я ответил, не задумываясь: «Конечно, на филологический факультет МГУ». «Почему?» – «Потому что я люблю читать». Родные посмотрели на меня с жалостью и объявили, что я не поступаю. Мне сказали, что набор там небольшой,

а дети влиятельных людей тоже любят читать книжки. А также существуют могущественные ведомства, у сотрудников которых тоже есть дети. Первым было названо министерство торговли. «Если бы кто-то из нас там работал, ты поступил бы наверняка. А ещё есть министерство обороны, ЦК ВКП(б), МГБ, наконец. Так что ты брось свои мечты и выбирай какой-нибудь технический вуз».

С математикой и черчением у меня было не совсем хорошо. Зато я только что прочёл книгу Поля де Крюи (он же Поль де Крайф) «Охотники за микробами» и понял, что это – моё. Микробиология и химия науки естественные, но эмпирические. Поэтому я отправился в МИТХТ (институт тонкой химической технологии). Мне предложили заполнить анкету с вопросом: «были ли Вы или Ваши родственники в плену или на оккупированной территории?». Я понял, что это напрямую относится ко мне – отец во время войны был и там, и там. Испугавшись таких вопросов, я пошёл в другой химический вуз – Менделеевский. Там на факультете органического синтеза таких анкет не было. Я подал туда документы, поступил и успешно его закончил. В дальнейшем работал в НИИ и защитил диссертацию на химфаке МГУ.

Рыжий брат

А хочу рассказать о человеке, которому многим обязан – о двоюродном брате Игоре. Он был старше меня на девять лет. Моя мать – Зинаида была очень близка со своей сестрой Раисой, матерью Игоря. Обе они учились в киевской гимназии и были воспитаны на русской литературе. В нашей семье любили и ценили книгу. Не без участия Игоря первой книгой, которую я прочёл сам в возрасте семи лет, была повесть Киплинга «Маугли». До сих пор помню её начало: «Было семь часов душного вечера, на холмах Сионийских, когда Отец-Волк...». Может быть, потому Игорь у меня ассоциировался с Шерханом – оба они были большими и рыжими; я же был для него Серым братом (как один из волков). Так как я рос без отца, то Игорь в каком-то смысле заменял мне его. Брат рано выбрал себе любимое занятие – чтение. Под влиянием Игоря первым стихотворением, которое я выучил помимо школьной программы, был «Вересковый мёд» Стивенсона в переводе Маршака. Моим интересом к английской поэзии я также обязан брату.

Обычно я получал от Игоря в подарок книги. Он сложился как коллекционер и собиратель книг ещё в юности. Поэтому и дарил мне, а также моей маме большие толстые однотомники, а себе доставал собрания сочинений. Игорь мастерски подписывал свои подарки. Вот, например: «С Лениным в башке, с наганом в руке, со стихом Маяковского в сердце. Зине – Игорь». (Мои и его родители были убеждённые коммунисты.) А вот надпись на книге Аусвейта «Как открывали земной шар» – «Маленькому брату с большой жаждой знаний в день десятилетия».

Отец Игоря, мой дядя, был коммунистом из дворян по фамилии Энгельгардт. В хорошем настроении брат любил повторять, что по отцу у него шестисотлетнее дворянство. Со своей будущей женой дядя встретился в типографии, где, как и она, работал наборщиком. Они оба пришли туда, чтобы «провариться в рабочем котле». Как и мои родители, дядя с тёткой вскоре расстались. Дядя стал партийным работником и уехал из Москвы, впоследствии его арестовали, но сын и бывшая жена при этом не пострадали.

Игорь никогда не был членом партии, но при этом придерживался советской атеистической идеологии. В этой связи удивителен его рассказ, что в 1938 году ему было видение (как в библейском сюжете) – текст горящими буквами: «день смерти такого-то сентября». Когда впоследствии он получил справку о реабилитации отца, дата совпала.

У Игоря удивительно рано сформировалось призвание. Он ещё в школе понял, что хочет стать историком; в старших классах одно время вообще не учил точные науки, считая, что они ему не нужны. Всё-таки его убедили в необходимости этого для получения аттестата зрелости. В итоге аттестат его выглядел так – все гуманитарные предметы – «отлично», а остальные – «посредственно». На историческом факультете, куда Игорь пришёл поступать, сказали, глядя на его документы: «Этот – к нам!». Через некоторое время он поступил в аспирантуру исторического факультета, но не защитил диссертацию, потому что не мог сосредоточиться на главном. У брата было всего несколько научных публикаций, и я издали считал его неудачником. Однако в беседе со знакомым – доктором исторических наук – выяснилось, что учёные его знают и ценят.

Видимо, он мог быть прекрасным преподавателем – но «не сложилось». Надо признать, что характер у брата был жёсткий, подавляющий. Как-то мы оба были в гостях у его матери и мирно беседовали. Вдруг Игорь перешёл на обсуждение очередного футбольного матча. Как мы с тётей ни пытались объяснить ему, что это нас не волнует, Игорь стал кричать: «Не затыкайте мне рот!», и нам пришлось выслушивать все эти рассуждения на повышенных тонах.

С другой стороны, мы с мамой стали замечать, что в нашей комнате, которая не запиралась, стали исчезать книги. Потом я понял, что Игорь их просто забирал. Также и подруга тёти рассказала мне, что, когда Игорь взял почитать у неё книги, возвращать их он отказался, сказав, что они ему нужнее. Впоследствии, когда Игорь позвал меня помочь ему, я обнаружил у него на полках свои (и мамины) книги и без разговоров забрал их. В то время москвичи часто так поступали – об этом пишет и Л. Фейхтвангер в своей работе «Москва 1937». Когда-то я прочёл, что и многие коллекционеры ведут себя так же.

В студенческие годы я смог оценить эрудицию и бескомпромиссность брата в отношении к Сталину. Он показал мне атлас 1940 года, где на территории оккупированной нацистами Польши было напечатано «область государственных интересов Германии», что ясно говорит о нашем союзе с немцами.

Игорь пересказал мне частушку, которую сложили его однокурсники во время поездок «на картошку»:

*Очень шумный агрегат –
Молотильный аппарат.
Самый шумный агрегат –
Это Игорь Энгельгардт.*

Как я понимаю, своей жене он денег не давал, считая, что его обязанность – покупать книги, билеты в театр, консерваторию (и на футбол), поэтому все дела в доме делала безответная Шура. К этому времени у него было двое детей – Катя и Саня.

Брат был членом «Общества по распространению политических и научных знаний», но выступал редко, т.к. для этого требовались заранее представленные тезисы, а ему это было в тягость. Кроме того, состоял в обществе

«Шотландия – СССР», очень любил Бёрнса и Вальтера Скотта. Когда-то Игорь рассказывал мне, что пристрастился к В. Скотту и не может оторваться. Сначала я пропустил эти слова мимо ушей, но спустя несколько лет эта мысль во мне «проросла», и я пережил такое же стремление прочитать все доступные книги этого автора. Впоследствии, когда я сам побывал в Англии и Шотландии, это мне пригодилось.

После развода с женой Игорь попал в тяжёлое положение, поскольку был совершенно не способен себя обслуживать. Пока была жива его мать, она помогала ему. Но ничто не вечно... В один из моих приездов я увидел совершенно запущенную квартиру, где не подметали месяцами. Он ничего никогда не выкидывал – ни книг, ни газет, ни старых вещей. Через некоторое время Игорь съехался со своей дочерью. Проблема быта была как-то устроена, но возникли проблемы идеологические. Катя, со своим резким характером, к этому времени стала верующей и с яростью неопита обличала всех коммунистов. Доставалось и Игорю, который оставался на позиции возврата «к ленинским нормам». Они подолгу не разговаривали друг с другом.

Когда я звонил в их квартиру и Игорь брал трубку, он интересовался, с кем я хочу говорить – с ним или с Катей. Ещё труднее было придти в гости, потому что усадить эту парочку за общий стол было нелегко. Его друзья – поэты Валентин Берестов и Наум Коржавин, эрудит-гуманитарий Марк Дебеч постепенно дистанцировались от него и становились, прежде всего, друзьями его матери – Раисы Борисовны. С ней было интереснее, она была мягче и умела слушать.

Я многим обязан моему брату. Во-первых, интересом к истории. Он научил меня находить в художественной литературе историческую достоверность. Во-вторых, Игорь был прирождённый популяризатор. Многие книги я прочёл благодаря ему и его гигантской библиотеке.

...С годами мой «Рыжий брат» стал седым.

Бесстыдник

Похороны Казакова были назначены на субботний вечер. Ветхую, с облупившейся краской хибару украсили мишурой и серебристым «дождиком». Траву около дома аккуратно скосили. Секатором подровняли разросшиеся за лето кустарники. Побелили стволы старых, скрюченных яблонь.

Приехавшие из райцентра музыканты, расставив аппаратуру во дворе, наигрывали что-то ритмичное. Они часто прерывались и подстраивали инструменты.

Невысокий паренёк в респираторе и бейсболке набок, встряхивая баллончик с краской, рисовал граффити на входной двери. Несколько мужчин оккупировали под кустом сирени скамейку со столиком и азартно застучали костяшками домино. Суетливый худрук Семён Борисович поправил алый галстук-бабочку, глотнул из бутылки шампанского и отдал команду выносить гроб. Четверо в жёлтых комбинезонах вбежали в дом, грузно затопав по длинному коридору. Музыканты перестали играть. Доминошники лениво поднялись, неспешно побрели к дому. Соболезнующие плотно обступили крыльцо.

Вынесли гроб, установили на табуретах. Худрук махнул рукой. Музыканты заиграли. Громко и фальшиво.

С трудом протиснувшись сквозь толпу, пятилетний Антоша вбежал на крыльцо и заглянул в гроб. Его дедушка лежал в обитом красным шёлком ящике, сложив руки на груди.

– Деда, – потянулся мальчик к покойному, но был тут же отодвинут продавщицей сельмага Нюрой.

Послышался лязг, музыканты сбились с ритма и постепенно стихли.

– Струна лопнула, – сообщил патлатый гитарист в кожаной безрукавке, – ща поправим.

Он присел и достал из гитарного чехла свёрнутую колечком запасную струну.

Иван Олегович Катков – родился 3 июля 1986 г. в Актобинске. Учился в Нижегородском государственном университете им. Лобачевского (филфак). Публиковался в журналах «Пролог» и «Сетевая словесность».

Живет в г. Дзержинске Нижегородской области.

– А ну-ка, расступись! – вышел из коридора Жёлтый комбинезон. Следом за ним спустились ещё трое. Они набросили на плечи полотенца и с лёгкостью подняли гроб.

Люди расступились, образовав живой коридор.

Барабанщик пошумел «тарелкой», нестройная музыка зазвучала вновь.

Жёлтые комбинезоны пронесли гроб сквозь толпу. Соболезнующие смыкались и вытягивались в длинную колонну вслед за гробом. Вперёд вышли бабушки с венками.

Крышку гроба несли Миша Зимин с Женей Шаповаловым. Чуть поодаль, под руку с сыном и дочерью, шла вдова. Сослуживец покойного что-то шепнул на ухо вдове, и она хихикнула, прикрыв рот ладонью.

Оставляя за собой дорожку из еловых веток, толпа прошла мимо клуба и свернула на улицу Колхозную. Из-за угла общежития показался подвыпивший комбайнёр Миша Никифоров.

– Мих, – крикнули ему, – давай к нам, проводим фельдшера!

Комбайнёр закивал, и его метнуло в сторону толпы. Там кто-то принял его, поддерживая за талию.

Пышнотелая Светка Плеханова развела руки, расправила за спиной цветастый платок и, приплясывая, заголосила:

*Наши местные ребята –
Жулики, грабители.
Мужичок говно возил,
И того обидели! У-у-у-ух, ух, ух,ух!*

Все разразились хохотом. Носильщики от смеха едва не опрокинули гроб. Пастух густым басом подхватил:

*Как над нашим, над вокзалом
Пролетал аэроплан,
Все е...ники подняли,
А я с...дил чемодан!*

И вновь прогремели раскаты лошадиного ржания.

Идущие со смены строители-шабашники с удовольствием примкнули к весёлому каравану. Разгорячённый агроном стянул с себя майку и стал размахивать над кучерявой головой.

Пыль стояла столбом. Пустые бутылки летели в окрестные палисадники. Отставший мужичок в синем трикосвесился с забора и стошнил в клумбу. Набожные старушки смотрели сквозь щели в заборе, охали и судорожно крестились.

Когда добрались до кладбища, уже начало смеркаться. Хмурый сторож отворил высокие решётчатые ворота. Вошли бабушки с венками, за ними внесли гроб, затем стали заползать остальные. Скорбящие растянулись цепочкой и брели по узкой, петляющей тропинке мимо оградок с гранитными памятниками и миниатюрными столиками. Некошенная трава вдоль тропинки била по рукам и путалась в ногах.

Носильщики опустили гроб на заранее приготовленные табуреты, чуть левее от могилы. Крышку устроили рядом. Скорбящие окружили свежвыкопанную, пахнущую чем-то сладким, могилу.

Худрук потушил сигарету о берёзу и деловито произнёс:

– Две минуты на прощанье.

Но никто не сдвинулся с места. Все иступлённо смотрели на покойника.

– Товарищи, ну что вы в самом деле! Подходите, прощайтесь, – сказал Семён Борисович.

Где-то наверху, спрятавшись в листве, скрипела ворона.

– Ну, давайте! До встречи, Валерий Александрович, – дирижируя, громко проговорил худрук, – до встречи, Валерий Александрович.

– До встречи, Валерий Александрович, – слышались редкие, несмелые голоса.

– Ну, ещё разок, дружней, – подбадривал неугомонный худрук, раскачиваясь и дирижируя, – до встречи, Валерий Александрович.

– До встречи, Валерий Александрович, – выравнивались голоса, и постепенно выстроились в дружное скандирование, – до встречи, Валерий Александрович! До встречи, Валерий Александрович!

Неожиданно Антоша вырвался из материнских объятий, бросился к гробу, приложился к холодной, ввалившейся щеке деда и заплакал навзрыд.

– Деда, миленький, вставай, вставай, – целовал мальчик покойного.

Народ затих. Пастуха вырвало на ржавую, оплетённую вьюном, оградку.

– Что он делает? – слышалось из толпы.

– Кто?

– Да мальчик, мальчик!

– Хм, дела... – поскрёб небритый подбородок зять покойного.

Раскрасневшаяся мать за ухо оттащила мальчишку от деда и отвесила звонкий подзатыльник. Мальчик зарыдал, дёргая плечами и утирая слёзы ладонью.

– Что ж ты меня перед людьми позоришь, – прошипела мама, – деда бы пожалел, бесстыдник. Ну, придём домой – ремня всыплю!

– Жень, заколачивай, – махнул рукой Семён Борисович.

Гроб заколотили и на верёвках опустили в глубокую могилу.

Каждый бросил по пригоршне земли. Голые по пояс могильщики заработали лопатами. Переговариваясь, скорбящие неспешно расходились, и вскоре опустевшее кладбище утонуло в ночной тишине.

Визит

Уснуть удалось лишь к утру. Но навязчивое жужжание дверного звонка вновь разбудило его. Невысокий, сухощавый, он прошлёпал в тёмный коридор и приложился к глазку.

– Зайцев Михаил Дмитриевич? – слышался голос из-за двери.

– Да, – прочистив горло, ответил хозяин квартиры.

– Милиция. Откройте.

Холодок страха скользнул вниз по позвоночнику.

Нащупав торчащий в замке ключ, Миша открыл дверь.

Короткое дуло автомата выглядывало из-под мышки серого армяка. Стриженная бобриком голова, слегка оттопыренные уши. Двадцатилетний молодец, поморщившись, шмыгнул носом. Напарник его был толще, шире в плечах и лет на десять постарше.

Зайцев облокотился на дверной косяк и, близоруко прищурившись, заглянул в милицейские корочки.

«Младший сержант Зубов...» – сумел рассмотреть размытые буквы.

– Вы должны проехать с нами в отделение, – Зубов убрал документы.

– Можно узнать, по какому поводу? – поёжившись от холода, Миша зябко потёр ладонью предплечье.

– В отделении вам всё объяснят, – ответил мент и пробубнил в рацию какие-то цифры. На улице уже вовсю пахло весной, но было прохладно и пасмурно. Начинали обнажаться ровные плитки бордюров. Кое-где расплзались кляксы сырого асфальта. Серые холмики снега оседали и съезживались, превращаясь в кашицу, чавкающую под ногами.

Мишу конвоировали к соседнему двору. Милицейская машина почему-то была оставлена там.

Впереди пыхтел толстяк, следом, то и дело поправляя очки, плёлся Миша, и замыкал колонну Зубов.

Местные алкаши с любопытством разглядывали проходившую мимо колонну.

– Эх, ё... – сипло пробормотала женщина в трениках и пуховике, – глянька, Коль, – она толкнула в бок своего спутника, – а куда это Зайца нашего ведут?

– Хм, точняк, – обернулся Коля, – кошке на хвост, штоль, наступил?

Несколько человек, хрипло откашливаясь, рассмеялись.

– Цирк, да и только, – усмехнулась женщина, – тоже мне, преступник. Он и мухи не обидит, а его под автоматы... Финиш!

И в правду. Библиотекарь Миша Зайцев мог быть уличён только в подозрительно невинной, сентиментально-старомодной биографии, приличествующей разве что «человекофутлярным» чеховским персонажам.

Неподалёку от котельной была припаркована милицейская «Лада» девятой модели. Зубов сел рядом с водителем, зажав в ногах автомат.

Миша оказался стиснутым на заднем сиденье между сложенными бронжилетами слева и толстяком справа.

Едва не увязнув в глубокой колее, машина попетляла по дворам и вывернула на проспект Грибоедова. Не доезжая до площади Дзержинского, где рядом с памятником Железному Феликсу символично располагалось второе отделение милиции, свернули на «молодёжку».

– «Ёлки-палки», – недоумевал Зайцев, вглядываясь в окно, – «куда же мы едем, вон же отдел...»

От неудобной позы у него затекли ноги и покалывало в пятках.

– Пусть он это... – помял мочку уха водитель, – матери, что ли, позвонит, пусть она ему тёплые вещи принесёт, а то получится, как тогда...

У Миши потемнело в глазах. Тяжёлые удары сердца стали отдаваться в горле и висках. Волосы зашевелились на голове. Захотелось на полном ходу выпрыгнуть из машины.

«Ну всё, сомнений нет, меня везут в тюрьму, в КПЗ... – лихорадочно размышлял он, – и это уже не игры, не робинзонада какая-нибудь, тут всё серьёзно. Но, Господи, за что! За что! De nihilo nihil, ничто не возникает из ничего. Думай, вспоминай, где оступился, кому ты мог дорогу перейти, что натворил... Нет, ничего и на ум-то не приходит... должно быть, чья-то злая шутка или нелепая ошибка... Но скольких осудили по ошибке, доказывай потом, что ты не индюк, а им лишь бы дело закрыть... А что же скажут на работе! Боже, какой позор! И так по двору молва пойдёт, многие же видели меня сегодня... а тут ещё и на работе все разнесут-раструбят...»

«Девятка» обогнула площадь Горького и остановилась у трёхэтажного здания с широким крыльцом и трепавшимся на ветру триколором.

Кряхтя, толстяк выбрался из машины, оставив приоткрытой дверцу для Зайцева. Миша медлил. Он не выходил из машины, массируя одеревеневшие икры.

– Э, аллэ, – толстяк заглянул в салон и постучал по крыше, – на выход, чё там завис?!

С грехом пополам библиотекарь вылез из машины. Подошёл к зданию, неспешно поднялся на крыльцо. Справа от двери под толстым стеклом таблички успел рассмотреть золочёную аббревиатуру «УВД». Зубов и толстяк поднялись следом. Миша потянул массивную дверную ручку. От небольшого холла далеко убежал длинный коридор с бесчисленными сотами дверей.

– Четвёртая дверь направо.

Миша вздрогнул, услышав Зубова. В здании УВД голос младшего сержанта звучал гомерически громко и твёрдо.

Как оглушённый, Зайцев прошёл несколько метров. Постучал, слегка толкнул дверь, заглянул:

– Можно?

– Да-да, проходите, – отозвалась миловидная блондинка, отвела глаза от монитора и взглянула на Мишу.

В дальнем углу, прячась за кипой бумаг, молотила по клавиатуре бальзаковского возраста дама со спущенными на нос очками. Она была настолько погружена в работу, что не заметила Мишу.

– Мы ещё нужны, нет? – спросил младший сержант, шагнув в кабинет.

– Нет, – сказала блондинка, отпила из кружки и поводила «мышкой» по «коврику».

Библиотекарь снял очки и протёр линзы носовым платком. Руки его мелко дрожали.

Менты замаршировали по коридору. Женщина в очках продолжала отбивать стаккато на клавиатуре.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – вытянула руку девушка.

Миша вложил паспорт в её ладошку.

Она быстро ввела в компьютер Мишины данные.

– Та-а-ак, – блондинка забарабанила по столу ноготками, – Зайцев Михаил Дмитриевич, у вас неоплаченный штраф за административное правонарушение.

И уточнила:

– За появление в пьяном виде в общественном месте.

– Штраф?! За правонарушение?! Административное?! – забормотал библиотекарь, плюхаясь на стул.

Девушка удивлённо посмотрела на странного человека, развалившегося на стуле и с блаженной улыбкой смотревшего в потолок.

– Что ж вы, молодой человек, – с укором проговорила она, – штрафы нужно вовремя оплачивать.

Но Зайцев её не слышал.

Он вспомнил, что выпивал последний раз в одиннадцатом классе, на школьной новогодней дискотеке. Тогда одноклассники уговорили Мишу попробовать водку. Он перебрал. Ему стало плохо, вместо туалета он забрёл в гардероб, и там его стошнило в сапоги классного руководителя. Был жуткий скандал, и Зайцев дал себе слово к спиртному больше не прикасаться. И слово держал.

– Вот, возьмите, – девушка придвинула паспорт и серый лист бумаги, заполненный от руки, – оплатите сто рублей в банке и квитанцию принесите нам.

– Так какого ж чёрта вы тут развели! – медленно поднялся библиотекарь, – ни в чём неповинного человека под дула автоматов! Гады! Мра-а-зи! Он смял листок и швырнул в лицо блондинки.

– Поганые суки!!!

– Да что вы себе позволяете?! – взвизгнула девушка, дёрнув головой.

– Что Я себе позволяю?! – ревел Миша, – это что ВЫ себе позволяете!!!

Пугала в униформе!!!

Он с грохотом сбросил монитор со стола. Распотрошил папку с бумагами. Разбросал листы.

Женщина в очках оглушительно заверещала. Библиотекарь в два шага бросился к ней. Схватил за волосы. Несколько раз с силой ткнул носом в клавиатуру. Очки улетели под стол.

Хрустнула переносица. Бурая кровь растеклась по столу. Женщина потеряла сознание и сползла со стула.

– Молодой человек, – трясла блондинка Мишу за плечо, – что с вами? Вам плохо? Вот, выпейте воды. – Она протянула стакан.

– Ничего, ничего, голова немного кружится... ничего...

Зайцев глотнул из стакана, поднялся и взял со стола бумагу с паспортом.

– Всего доброго, – сказал он и вышел из кабинета.

На следующий день после работы Миша зашёл в банк и оплатил штраф. К положенным ста рублям двадцать пять пришлось добавить за комиссию.

«Ещё легко отделался», – подумал библиотекарь, расписываясь в квитанции.

Жрецы смерти. Рассказ провинциала

В нашем посёлке стало совсем худо. Колхоз давно развалился, молодёжь разъехалась, кто куда, мужики бухают, работы нет.

Многие мужики в Москву уезжают на заработки. Находят себе хозяина и едут либо на стройку, либо квартиры ремонтировать, либо ещё куда-то. Хорошо, если хозяин вообще им заплатит, а то порой случалось, отработывали мужики, а хозяин на них ментов натравливает, они же без прописки все. И всё, везут наших лопухов без копейки денег в кармане, обратно в посёлок. Работнички хреновы!

Раньше мы металл сдавали одному приезжему. Всё что можно снимали, будь то медное или алюминиевое. Когда из цветмета вроде бы ничего уже не осталось, мы выходили на трассу и срывали дорожные знаки. За это многих посажали. Вскорости исчез и сам приёмщик. Совсем отчаявшиеся, обворовывали дачные домики горожан. Сейчас дачники ничегошеньки не оставляют в своих домиках, всё увозят с собой.

Летом нашим ДЕЛЬНЫМ мужикам хорошо. Летом – рыба. Летом – ягода. Летом – гриб. Летом – полон огород. Можно столько заработать, о-го-го! Дельный мужик летом пашет как проклятый. Но остальные... Какие, к лещему, грибы, ягоды, рыба, когда такие погоды стоят чудные! Кому охота шагать, согнувшись крючком, по лесу в поисках земляники, или вставать ни

свет ни заря и с удилицем на плече идти на реку кормить комаров?! Ведь гораздо приятнее взять у тёти Шуры пол-литру и, выпив её, провалиться под берёзкой весь день. А к вечеру оклематься, взять в долг ещё одну пол-литру, нарвать в огороде смородины, выпить, закушать спелой смородинкой и тут же уснуть. Ну чем не курорт? Красотища! Но это остальные. Мы с Колькой Торчиным не такие. У нас круглый год постоянный заработок. Дело в том, что мы копаем могилы. Люди, слава Богу, мрут у нас в посёлке часто, и мы без работы не сидим. Репутация у нас с Колькой отличная. Мы много не пьём, не дебоширим. Как кто умрёт, тогда только меня да Кольку и зовут. Так за нами эта должность и закрепилась. Никто на наш хлеб не позарится.

Раньше копали Сашка Селезнёв да Васька Бровко. Но они, во-первых, пили по-чёрному, во-вторых, матерились возле могилы (что непростительно). Поэтому их и убрали. Позвали нас с Колькой. Который год уже роём, и ни одной жалобы.

У нас с Колькой даже есть свои «фирменные надгробные речи». Вот, к примеру, заканчиваем мы копать, и я, склонив голову, вполголоса, нарочно делая паузы в словах, произношу:

– Вот так вот, был человек, и нет его...

После моих слов родственники обычно плачут.

А Колька, тоже склонив голову, тихо говорит:

– Все тама будем.

После его фразы слёзы на глазах у скорбящих высыхают, и в их сердцах, как утверждает Колька, зарождается непонятное чувство неизбежности и «предначертанности».

Скорбящие успокаиваются. А я уже мысленно подмигиваю Кольке и прикидываю, как мы сейчас выпьем и закусим на халяву, ещё и деньги за работу получим.

Мы с Коляном профессионалы! Мы психологи! Мы могильщики от Бога!

В посёлке к нам относятся с уважением. Вот раньше ни одно гулянье без гармонистов не обходилось. Гармонисты были всегда в почёте и пользовались успехом у девчат. Времена сменились, и теперь мы с Колькой первые парни на деревне.

На поминках Коля, словно тамада на свадьбе. Он чувствует здесь себя руководителем. Мы с Колькой – «жрецы смерти», как баба Рая иногда шутит. Самые хорошие дни для меня и Кольки, это когда у нас выходит по два, а то и по три заказа в день. В других-то деревнях нас ведь тоже знают и приглашают копать. Конечно, выматываешься за день как кобыла заезженная, зато сыт и при деньгах.

Колька вот на вырученные деньги себе баню отгрохал в том году. Я мотоцикл купил с коляской, жену и детей приодел, ремонт сделал в доме.

Вот собственно и всё, о чем я хотел вам поведать.

Ах, да! Мне часто снится очень странный сон. Снится мне, будто бы все на земле примёрли, остались только я да Колька. Чтоб не остаться без работы, я решаю Кольку убить. Как только заносу топор над его головой, он падает на колени и дико кричит: «Не убивай, друг, кто ж тебе могилу поможет рыть!!?». И я просыпаюсь.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Любовь РЫЖКОВА

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

«Хочу я с небом помириться...»

Эволюция образа Демона в поэзии М.Ю. Лермонтова

Любовь Владимировна Рыжкова – родилась в Туркмении, в г. Небит-Даге. С отличием окончила факультет русской филологии Туркменского государственного университета им. А.М. Горького в Ашхабаде, защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор четырёмсот публикаций, из которых 30 – книги и монографии, педагог, основатель научной школы по русскому языку и развитию речи, в настоящее время – проректор вуза по научной работе. Живёт в Рязани.

М.Ю. Лермонтов (1814–1841). Рисунок Л. Пастернака, 1891 г. Исторический музей, Москва

известно, духовное изменение с целью улучшения, усовершенствования образа, постепенный переход от одного состояния к другому, о результатах которого можно судить по качеству этих изменений.

Само по себе появление образа Демона в творчестве М.Ю. Лермонтова стало поводом для рассуждений о попытке поэта обелить абсолютное зло и придать ему положительные и привлекательные черты и более того – о его личном демонизме, склонности к миру тьмы, которая ему «отомстила», поскольку союз с ней без ущерба для человеческой души невозможен. Но все подобные рассуждения не выдерживают критики при ближайшем рассмотрении эволюции образа Демона, наличия в нём, как ни странно, двух противоположных начал и двух противоборствующих сил.

Что же касается придания демонических черт образу самого поэта, на наш взгляд, это не что иное, как непонимание «толпою» высоты его духа, его возможностей и его способности находиться в чрезвычайности близости к «Небесам».

Согласно всем легендам, мифам и преданиям, мир изначально был сотворён совершенным, и появление в нём дуальности свидетельствует о том, что эта изначальная гармония была чем-то или кем-то поколеблена. Древние натурфилософы и мыслители пытались отыскать причину причин, открыть начала, увидеть исток, и каждый это делал, согласно своим представлениям о добре и зле, соотнося их с Абсолютом-Богом и его созданием – Денницей, ставшим Демоном. Образ этого падшего ангела, связанный с осмыслением нравственно-этических категорий *добра* и *худа* (*зла* – в более поздние времена), стал одним из основных в мировом искусстве и литературе. Безусловно, образ этот в разные времена и разными авторами освещался индивидуально – то как догматичный и статичный, то как развивающийся и весьма неоднозначный.

Эволюция образа Демона наметилась в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» уже тогда, когда его главный герой Демон вдруг заметил, что «зло наскучило ему» [1, с. 555]. Именно эти слова заставляют нас по-новому взглянуть на Демона: с одной стороны, он всё может, всё знает, его опыт и знания измеряются веками и тысячелетиями, и внутренний мир его, как ни странно это звучит, необычайно богат и содержателен, «И не грозил уму его / Веков бесплодных ряд унылый» [1, с. 555]. Более того, он красив, талантлив, гениален, ведь он – «счастливый первенец творенья»; его можно было бы даже назвать совершенным, если бы не случилось того, что случилось.

И он же – отверженный и одинокий, не имеющий ни друга, ни полдруза, не нужный никому в целом мире, неприютный и неприкаянный, «Давно отверженный блуждал / В пустыне мира без приюта» [1, с. 555]. Он надменно смотрит на мир вокруг себя, холодно осматривает красоту природы и понимает, что она, будучи созданием Божьим, прекрасна; но его не трогают «красы живые», он почти равнодушно оглядывает «счастливый пышный край земли»; чудесные картины, где «чинар развесистые сени, густым венчаные плющом», не вызывают у него восхищения. Его «гордый дух» полон презренья ко всему живому миру, где «И блеск, и жизнь, и шум листов, / Стозвучный говор голосов, / Дыханье тысячи растений!» [1, с. 557]. Между тем с некоторых пор эта божественная красота стала вызывать в нём осознаваемую им зависть: «Но, кроме зависти холодной, / Природы блеск не возбудил» [1, с. 557].

Странные чувства борются в нём, противоречия раздирают его мятежную душу, рождающиеся у него мысли отрицают одна другую, и так идёт век

за веком. Но случается так, что земная женщина рождает вдруг в его душе давно забытую и преданную им когда-то божественную любовь. «И вновь постигнул он святыню / Любви, добра и красоты» [1, с. 559]. Кажется, он и сам не понимает, что с ним происходит.

*В нём чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
[1, с. 560].*

Любовь неожиданно пробудилась в нём, меняя всё его существо и напоминая ему его светоносное прошлое: «Пришлец туманный и немой, / Красой блистая неземной, / К её склонился изголовью; / И взор его с такой любовью, / Так грустно на неё смотрел...» [1, с. 565]. Вместе с этим чувством странное волнение охватывает его погрязшую в грехах и пороках душу: «Тоску любви, её волненье / Постигнул Демон в первый раз...» [1, с. 569]. И в самом деле, любовь преобразует Демона, и для выражения этой любви М.Ю. Лермонтов находит удивительные по силе художественной выразительности слова: «То был не ада дух ужасный, / Порочный мученик – о нет! / Он был похож на вечер ясный: / Ни день, ни ночь – ни мрак, ни свет!...» [1, с. 565].

В душе Демона борются разные чувства: желание и боль, стремление к любимой и понимание того, что его любовь будет для неё гибелью, и с ним происходит то, что с момента его падения не происходило ещё никогда: «И, чудо! из померкших глаз / Слеза тяжёлая катится...» [1, с. 569].

Когда же после гибели жениха Тамара оказывается в монастыре, то он – неслыханное дело, появляется и в «Божьем храме»:

*Ей часто слышалась речь.
Под сводом сумрачного храма,
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане лёгком фимиама...
[1, с. 566].*

Конечно, Демон остаётся Демоном (злой силой), и потому это чувствует даже природа: «...от его шагов без ветра лист в тени трепещет» [1, с. 569]. Заметим кстати, что в стихотворении «Мой демон» природа так же смолкает, затихает, замирает перед лицом демона: «Меж листьев жёлтых, облетевших / Стоит его недвижный трон; / На нём, среди ветров онемевших, / Сидит уныл и мрачен он» [1, с. 29]. И здесь же М.Ю. Лермонтов ясно и определённо характеризует своего «героя»: «Собранье зол его стихия» [1, с. 29]; он «уныл» и «мрачен», и даже его «недвижный трон», обратим внимание, стоит не где-нибудь среди ликующей и цветущей природы, а «меж листьев жёлтых, облетевших», то есть умирающей, увядающей, засыпающей природы.

Примечательно, что в поэме Демон и сам уже признаётся в том, что содеял: «Всё благородное бесславил, / И всё прекрасное хулил...» [1, с. 573]. И всё же эволюция Демона уже присутствует, он готов любить: «И входит он, любить готовый, / С душой, открытой для добра...» [1, с. 569].

Но что делает явившийся ему херувим, так ли уж он ангельски добр? И так ли божественно справедливы и мудры его речь и поступок? Он начинает напоминать Демону о его порочности, он упрекает его, он гонит его прочь. В ответ на этот «тягостный укор» душа Демона, уже распахнутая для добра,

уже готовая любить, ради любви готовая отказаться от всего («Что без тебя мне эта вечность?»), сжимается в тоске и боли и... озлобляется вновь: «И вновь в душе его проснулся / Старинной ненависти яд» [1, с. 570]. Пусть – так, но главное – уже свершилось, в его тёмной душе блеснул спасительный лучик, он уже начинает понимать, какое это наказание – одиночество, жизнь в вечной борьбе, в презрении ко всем и всему, а самое главное, как страшно, оказывается, «жить для себя» и только, без любви и дружбы, без ласки и привета и без того, что называют духовным родством.

В его полном страсти монологе перемешано всё – здесь слышатся боль и отчаяние, презрение и раскаяние, ненависть и разочарование. Вот удивительные его слова, заставляющие задуматься не только о греховности Демона, но и греховности людей.

*И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил...*
[1, с. 573].

Что это значит? Не то ли, что Демону было за что «зацепиться» в людях, иначе, отчего так легко ему удаётся «залить» в них «пламень чистой веры»? Известная русская пословица по этому поводу звучит: на зеркало неча пенять, коли рожа крива. В произведении М.Ю. Лермонтова «Вадим», его герой, рассматривая изображение дьявола, рассуждает: «Если б я был чёрт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; стоят ли они того, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник Бога!..» [2, с. 276]. Безусловно, не стоит усматривать в этом апологетику Демона и демонизма, однако закрывать глаза на собственные (человеческие) недостатки не следует. Задумаемся: почему Демону так легко удалось совратить человеческий род, ведь если бы в людях была сильна и непоколебима вера, и они не потакали своим слабостям и всегда были устремлены к Богу – Демону это сделать было бы гораздо труднее, а то и невозможно. Но вокруг – «одни глупцы да лицемеры» или «Везде обман, безумство иль страданье» («Боярин Орша»).

Более того, обратим внимание ещё раз на строки из речи Демона, приводимые ранее, но на этот раз прочтём их далее:

*Всё благородное бесславил,
И всё прекрасное хулил;
Недолго...*
[1, с. 573].

Вот именно это слово «недолго» меняет здесь многое, оно как раз и заставляет нас задуматься о самих себе: а мы-то каковы сами? Горазды пенять другим, находить в них (в данном случае – в Демоне) источник всех своих бед, а между тем нам самим стоит взглянуть на себя беспристрастно и честно. Примечательно, что Демону, осознавшему своё падение, становится страшно: «И в страхе я, взмахнув крылами, / Помчался...» [1, с. 573]. И как ни странно это звучит, но в этом грязном, гадком, низком существе зарождается надежда. И когда в своём монологе, обращённом к Тамаре, он говорит о людских бедах, лишениях, страданиях, он как-то очень по-человечески жалуется ей, говоря, что они – ничто по сравнению с его мучениями. Он говорит: «Надежда есть – ждёт правый суд: / Простить он может, хоть осудит» [1, с. 574]. И хотя слова эти относятся как будто к «толпе людей», однако мы понимаем, что такая же надежда теплится и в нём самом. И Тамара тоже понимает, что он

«страдалец», и просит от него клятвы «от злых стяжаний отречься ныне», и он даёт эту клятву, он отрекается «от старой мести», «гордых дум» и т.д. Его новый монолог полон искреннего раскаяния.

И вот они – главные слова, которые только может произнести падший ангел:

*Хочу я с небом помириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру...*
[1, с. 576].

Почему все с лёгкостью готовы заклеить, посрамить, пригвоздить Демона, и почему никто не видит этого затеплившегося желанья очиститься? Может быть, потому что заклеить намного легче и проще, чем помочь кому-либо подняться из грязи. Может быть, тому же херувиму стоило бы уцепиться, ухватиться за этот едва наметившийся лучик и помочь ему дальше идти по этому пути – к Богу? Кстати сказать, с той же лёгкостью был заклеимён, посрамлён и пригвождён Христос, и невольно напрашивается мысль: а не всё ли равно человечеству, над кем ему глумиться?

Что же касается надежды, которая появляется у Демона, то она необходима была и самому М.Ю. Лермонтову, мысль о ней не единожды появлялась в его стихах: «И лучших лет надежды и любовь / В груди моей всё оживает вновь» [1, с. 161]. В стихотворении «Когда б в покорности незнанья...» он называет надежду «богом грядущих дней» [1, с. 93].

Однако наши рассуждения будут неполными и прекраснотушными, если мы не рассмотрим и другие черты Демона. Прежде всего, отметим, что Демон ещё не готов к возрождению, он полон эгоизма и самомнения, ведь он обещает Тамаре то, что вовсе не в его власти, он обещает ей вечность, власть над миром и «всё, всё земное»: «Я вечность дам тебе за миг» [1, с. 576], «И будешь ты царицей мира» [1, с. 577]. При этом он отдаёт себе отчёт, что её за всё это «иное ждёт страданье». И наказание не замедлило произойти – Тамара умирает, сблизившись с Демоном, но Ангел забирает у Демона душу Тамары.

Выскажем почти крамольную мысль, что её погубила не любовь Демона к ней (для него это – восхождение), а её любовь к нему (для неё это – нисхождение). Если для Демона это была попытка подняться вверх и вернуться к Богу, то для неё это была ступень вниз. Однако главная ошибка в данном случае – его самонадеянность и высокомерность, его упрямство и *необращение к Богу*. Он действовал сам, исходя из соображений прежнего эгоизма и гордыни, и за это был вновь наказан Творцом (или просто не допущен до самой возможности покаяния); ему не дали любви не потому что Бог этого не захотел, а потому что он был к ней ещё не готов, и потому что ему ещё предстояло (и предстоит) пройти свой путь очищения и принять всё, что он заслужил. Восхождение – путь не менее мучительный, долгий и сложный, чем нисхождение.

Да, Демон ещё не готов к возрождению, ведь потеряв душу Тамары, он не просто негодует – он, чувствуя себя побеждённым (а иначе быть не может), опускается до проклятий, что само по себе недопустимо и греховно, ибо проклятие поражает не только того, на кого оно направлено, но и того, кто проклинает. Демон проклинает «мечты безумные свои» и вновь остаётся без любви.

М.Ю. Лермонтов оставляет своего Демона вновь в вековом одиночестве, хоть и «надменном», и этим он доказывает свой личный выбор, свой вектор, обращённый к Божественному.

Таким образом, само по себе обращение к теме добра и зла, света и тьмы не является демонизмом, в котором упрекают поэта в течение двух веков. Дело в том, как поэт решает эту непростую художественную задачу и какой выбирает для себя путь, куда, в каком направлении он движется. Как мы убеждаемся, вектор М.Ю. Лермонтова – это движение к Богу.

Более того, совершая свой путь восхождения, он пытается увлечь за собой и других в этом направлении, и не кого-нибудь, а самого Демона, пытаясь напомнить ему его светлое божественное прошлое. Думается, это не только проявление демонизма, это напротив, проявление громадной, нечеловеческой, титанической духовной мощи поэта. Он чувствовал в себе способность поднять эту тему и поднял её.

Видимо, в эпоху М.Ю. Лермонтова (как ни странно это звучит), это сделать было очень сложно, общество не было к этому готово, как не был готов к преображению и сам Демон. Может быть, наша эпоха продвинется в этом направлении и сделает шаг вперёд, и Демону не останется ничего другого, как, покаявшись, предстать на суд Творца, ведь эволюция, как было уже сказано, предполагает качественные изменения.

Литература

1. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 1 / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. – М.: Правда, 1988. – 720 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2 / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. – М.: Правда, 1990. – 704 с.

